

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 13 от 28 октября 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 26.11.2015. Формат 70x100 1/16
17,2 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № НП/18.
Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 347.7 : 656.612

СТАНОВЛЕНИЕ ДОГОВОРА ФРАХТА СУДОВ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В настоящей работе собраны и приведены документы, на основании которых сделан вывод о том, что становление и использование такой формы договора, как «фрахт», в советском праве и практике в основном можно отнести к 1923–1924 гг. При этом активно использовался не только международный опыт, но и созданные за недолгий мирный период нормы гражданского и хозяйственного права. Следует также отметить, что, как это видно из приведенных проекта и окончательного договора фрахта между Госторгфлотом и УПВОСО, развитие и дополнение документа, его формы и содержания велось по мере накопления реального опыта составления и исполнения подобных соглашений, в том числе путем изучения и обсуждения различными коллегиальными и специальными органами. Можно обратить внимание также и на то, что стороны включили в документ пункт о том, что возможные споры по данному договору подлежали разрешению Арбитражной Комиссией при СТО. Этот факт весьма важен для понимания как развития и использования самого договора фрахта, так и для изучения проблемы применения арбитража при возникающих спорах и недоразумениях.

Ключевые слова: договор фрахта, отечественное законодательство, гражданский кодекс, морское право.

Несмотря на весьма серьезные успехи в развитии экономики в последние годы существования Российской империи, правовое обеспечение ее деятельности, в том числе и морское право, безнадежно отставало от мирового, европейского уровня. В частности, известно, что Устав торговый, действовавший в этот период, не содержал в себе такого договорного понятия, как «фрахт». Вызвано это было общепризнанным серьезным отставанием развития отечественного морского права [1, с. 183]. В то же время проект уложения о торговом мореплавании, выработанный в 1902–1910 гг., сделал значительный шаг вперед в этом направлении, однако, по известным причинам, введения его в действие не состоялось.

С окончанием основных событий гражданской войны на территории бывшей Российской империи и возврату к товарно-денежным отношениям стали возрождаться традиционные гражданско-правовые институты, призванные урегулировать правовыми средствами. В новой социально-экономической ситуации договор, в первую очередь, рассматривался как способ осуществления хозяйственных связей в децентрализованной системе хозяйства.

Важным шагом в этом направлении стало принятие в 1922 г. Гражданского кодекса РСФСР (введен в силу с 1923 г.). В нем было закреплено новое правило об усиленной защите обязательств, возникающих из договоров; установлено начало принуждения должника к реальному исполнению обязательства в отличие от обычного возмещения ущерба. Судебная и арбитражная практика решительно встали на защиту реального исполнения договорных обязательств, если одной из сторон выступало государственное предприятие.

Гражданский кодекс достаточно подробно анализировал порядок заключения договора. При обсуждении ГК во ВЦИК в ст. 130 было включено определение существенных пунктов договора, т.е. условий, без достижения согласия по которым договор не мог считаться заключенным. В результате закон установил достаточно четкую процедуру заключения договора, определил его формы.

Другим важным направлением становления договора фрахта в советском законодательстве стало принятие декрета о национализации внешней торговли, изданного 22 апреля 1922 г., из которого впоследствии выводилась и государственная монополия фрахта.

В специализированной литературе изучаемого периода монополия фрахтования объявлялась одним из видов монополии внешней торговли, при котором советское государство предоставляет право производства сделок на мировом фрахтовом рынке исключительно специально уполномоченным на то органам. В этом вопросе выделялось 2 момента:

во-первых, фрахтование иностранного тоннажа для перевозок советских грузов считалось операцией так называемого «невидимого импорта». Фрахтование советских судов для перевозки иностранных грузов между иностранными портами есть операция так называемого «невидимого экспорта». И то и другое является внешне-торговыми сделками; и то и другое попадает под действие законов советского государства о внешней торговле и в первую очередь основного закона о монополии внешней торговли. В частности, монополия фрахтования, являясь составной частью монополии внешней торговли, прямо и непосредственно вытекает из основного декрета о национализации внешней торговли, изданного 22 апреля 1922 г.

Вторым существенным моментом в монополии фрахтования считалось право советского государства установить круг органов, которым предоставлялось право заключать фрахтовые сделки. Этот круг на первом этапе внешней торговли, особенно в первой половине 1920-х гг., был весьма широким [2, с. 5–6].

Основы этого процесса заложили декреты СНК от 30 мая 1921 г. «О морском транспорте» (2) и от 27 сентября 1922 г. «О порядке перевозки иностранными судами пассажиров и грузов в морских сообщениях РСФСР».

Последним, в частности, устанавливалось, что: судам, принадлежащим иностранным правительствам, компаниям и гражданам тех государств, с которыми РСФСР заключены мирные договоры или торговые соглашения, разрешалось беспрепятственно заниматься перевозкою пассажиров и грузов от иностранных портов до морских портов РСФСР и обратно в заграничных сообщениях на началах взаимности (ст. 1).

Перевозка пассажиров и грузов между портами РСФСР одного и того же моря (малый каботаж) и разных морей (большой каботаж) составляло исключительное право судов, плавающих под русским флагом (ст. 2).

Суда, принадлежащие правительствам, организациям и гражданам советских республик, получили право каботажного плавания на равных с судами флота РСФСР основаниях как в отношении самого плавания, так и в отношении оплаты портовых, корабельных и других сборов (ст. 3).

При этом предусматривалось, что в случае заинтересованности правительства РСФСР в срочных перевозках грузов и пассажиров из одного порта РСФСР в другой, лежащий на другом море, и при неимении для этой цели соответствующего судна РСФСР право большого каботажа может быть предоставлено на один рейс также и иностранному судну на основании условий, выработанных НКПС, НКВТ и Наркоминдел, и всякий раз с особого разрешения СНК (ст. 4).

Особо указывалось, что иностранные суда во время своего пребывания в портах РСФСР подчиняются всем действующим местным правилам (ст. 5).

Введение этих норм подчеркивало превалирование внутреннего законодательства над международным и тем самым позволяло в дальнейшем чаще опираться на отечественные нормы при заключении различных договоров, в том числе и договора фрахта. Однако это совершенно не означало, что другие варианты заключения фрахтов в будущем будут совершенно не применимы.

Постепенное возрождение экономики страны в начале 1920-х гг. требовало постоянного притока валюты, основным источником получения которой являлся экспорт. Одной из наиболее мощных организаций, созданных и действовавших в этот период в этом направлении, являлось акционерное общество «Экспортхлеб». Учитывая, что тоннажа собственного торгового флота катастрофически не хватало, единственным решением проблемы было фрахтование иностранного тоннажа. Становление «Экспортхлеба» приходится на период установления экономических и политических контактов СССР с остальным миром, что значительно облегчало его работу.

Так, согласно плану организации экспорта хлеба АО «Экспортхлеб», утвержденного правлением этой организации 11 июля 1923 г., все операции по фрахтованию пароходов и погрузка на них экспортного зерна должны были производиться самим Экспортхлебом. В случае же, если при продолжении сделки, Экспортхлеб указывал твердый фрахт, то при реализации сделки этот фрахт должен был быть обязательен для обеих сторон (п. 6) [3, л. 11–13]. Как видно из документа, Экспортхлеб пытался определить собственную стратегию на фрахтовом рынке, что, впрочем, подчеркивает и циркуляр за № 1451 от 12 сентября 1923 г. данной организации. Он был адресован всем портовым конторам Экспортхлеба, а в копиях сообщался торгпреду в Берлине, Аркосу в Лондоне. Им определялся порядок заключения фрахтовых сделок и дальнейшие действия по ним: «Всем экспортирующим организациям и экспортерам... Торгпреду ли в Берлине или Аркосу в Лондоне, надлежит руководствоваться тем, кем именно зафрахтован пароход и куда и кем запродан груз. Запродежи в Англию и латинские страны (Франция, Испания, Португалия, Италия и т.д.) совершает «Аркос» в Лондоне, он же фрахтует для этой цели пароходы, по его же полису должны и грузы страховаться. Запродежи в прочие страны совершает Торгпред в Берлине, по его же полису должны страховаться и грузы» [3, л. 30].

Стремление в ограничении круга лиц и организаций, имеющих право заключения фрахтовых договоров естественно, так как контролировать этот процесс было сложно, да и надлежащего опыта по таким сделкам у большинства сотрудников Экспортхлеба да и торгпредств чаще всего не было. Исходя из этого, представители Экспортхлеба на местах и даже в союзных республиках права заключения фрахтов не получили. В качестве примера можно привести данные из доверенности управляющему Николаевской конторой АО Экспортхлеб Ивану Васильевичу Стрелкову. Этот гражданин уполномочивался «1. Представительствовать АО Экспортхлеб на территории УССР во всех украинских и союзных правительственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и организациях и перед всеми Украинскими и союзными должностными и частными лицами. 5. ...вносить и получать обратно фрахты...» [4, л. 211]. Как видно из приведенного отрывка документа, управляющий конторой здесь выступал лишь как ответственный исполнитель и представитель с весьма ограниченными правами.

Так, к примеру, известно, что в том же 1923 г. было заключено соглашение, согласно которому «2. Фрахтование пароходов на заграничных фрахтовых биржах производится Добровольным флотом по договору с Экспортхлебом» [5, л. 15].

Чаще всего это был один из очередных политико-экономических трюков советской власти, свойственных началу 1920-х гг., когда страна еще находилась под

мощным давлением политического непризнания, экономической обструкции и частых судебных процессов. Именно с целью дистанцироваться от официальной власти и был в 1921 г. в качестве совершенно самостоятельной организации воссоздан «Доброфлот» (основан в 1878 г.), имевший к 1924 г. разветвленную сеть представительств по стране и за рубежом, а также собственное Центральное Фрахтовое бюро [6, л. 7].

Однако обратимся собственно к фрахтовым договорам, заключаемым в этот период. Рассмотрим в первую очередь те из них, которые заключались внутри страны. В качестве примера приведем следующий из них:

Фрахтовый договор

Гор. Москва 1924 г. марта 8 дня, мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны Государственное Черноморско-Азовское Пароходство в лице Директора-Распорядителя Центрального Правления Государственного Торгового Флота Николая Яковлевича Васильева, действующего на основании доверенности от 12 января 1924 г. за № 6/5, именуемое в дальнейшем «Госторгфлотом» и с другой стороны Главное Артиллерийское Управление в лице Начальника Артиллерии РККА Юрия Михайловича Шейдемана и Комиссара Артиллерии РККА Ильи Львовича Когана, именуемое в дальнейшем «ГАУ», заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Госторгфлот зафрахтовал ГАУ пароход «Трансбалт» или «Декабрист» под перевозку военного груза, состоящего из 3-х дюймовых патронов и трубок к ним общим весом 10 тысяч тонн из порта Владивосток до порта Одесса.

Госторгфлот обязуется по своему выбору предоставить один из вышеуказанных пароходов к погрузке во Владивостоке между 20 апреля и 20 мая сего года, при чем пароход должен быть вполне исправный. День подачи парохода под погрузку, с указанием количества груза, могущего быть принятым на пароход, сообщается агентом Госторгфлота во Владивостоке, не позже как за 2 недели начальнику Владивостокского артиллерийского склада.

Примечание. К перевозке по распоряжению ГАУ, с согласия Госторгфлота может быть принято того же груза и сверх 10-ти тысяч тонн, но всего не более 12.000 тонн на условиях изложенных в настоящем договоре с соответственным увеличением сроков на погрузку и выгрузку, а также размеров платежей.

2. Подача груза к борту парохода во Владивостоке выполняется ГАУ и должна быть приурочена к сроку указанному агентом Госторгфлота во Владивостоке (ст. 1). Груз должен подаваться с таким расчетом, чтобы обеспечить погрузку 500 тонн в сутки каждого рабочего дня. Обеспечение ж.д. составом или иными средствами для подачи груза к борту парохода до зоны в десять сажен от борта парохода должно быть произведено ГАУ, а погрузка в пределах указанной зоны на борт парохода и укладка в трюм с вагона, иных перевозочных средств или с земли см – средствами Госторгфлота.

3. Выгрузка в Одессе из трюма парохода на пристань производится Госторгфлотом за его счет, а погрузка в вагоны с пристани производится им же, но за счет ГАУ по фактической стоимости.

Обеспечение ж.д. составом для отвоза к местам назначения от пристани в Одессе производится ГАУ в расчете суточной погрузки каждого рабочего дня не менее 500 тонн.

4. Госторгфлот обязуется при погрузке парохода, перевозке и укладке в вагоны точно руководствоваться «Правилами перевозки взрывчатых веществ, боевых припасов и отравляющих веществ Военного Ведомства по железным дорогам и водным путям», утвержденным РВС СССР и Народным Комиссаром Путей Сообщения (Приказ РВС СССР № 2254).

5. Госторгфлот обязан при прохождении парохом портов Сингапур и Аден ставить ГАУ о том в известность немедленно по получении сведений, а за неделю до прибытия парохода в Одессу – сообщить о дне начала разгрузки.

6. Фрахт, включая все корабельные и портовые расхода парохода но и расходы Госторгфлота по погрузке на пароход и выгрузке на пристань (ст. ст. 2 и 3), устанавливается в размере 23 червонных рублей за каждую весовую англо-тонну (62 пуда), а всего 230.000 червонных рублей.

7. Порядок платежей устанавливается следующий: по вступлении настоящего договора в законную силу (ст. 11) ГАУ выдает в Москве Госторгфлоту аванс в размере 25% стоимости фрахта, т.е. 57.000 червонных рублей; второй платеж в размере 25% стоимости фрахта выплачивается во Владивостоке по погрузке на пароход 50% всего подлежащего перевозке груза; третий платеж в таком же размере и то же выплачивается по окончании погрузки на пароход всего подлежащего перевозке груза и последний платеж в окончательный расчет за фрахт производится в Одессе по погрузке прибывшего груза в вагоны.

Оплата работ Госторгфлота за погрузку груза в Одессе с парохода в вагоны (ст. 3) производится ГАУ в Москве по предъявлению Госпароходством счетов на эту работу с оправдательными документами.

8. В случае промедления подачи парохода под погрузку против срока указанного агентством Госторгфлота во Владивостоке (ст. 1) и промедления погрузки вагонов с пристани в Одессе против срока указанного в извещении Госторгфлота (ст. 5), Госторгфлот уплачивает ГАУ по 500 (500) червонных рублей за каждый день промедления.

9. В случае промедления в подаче груза к борту парохода во Владивостоке, вызвавшего задержку погрузки парохода свыше 25 дней со дня подачи парохода под погрузку, а также в случае задержки в подаче вагонов в Одессе под погрузку с пристани свыше 25 дней со дня начала разгрузки парохода ГАУ уплачивает Госторгфлоту по 500 червонных руб. за каждый день задержки парохода.

10. В случае просрочки в подаче парохода во Владивостоке под погрузку сверх месячного срока от 20 мая с.г., ГАУ имеет право считать настоящий договор расторгнутым, при чем Госторгфлот обязуется уплатить неустойку в размере 10% от суммы фрахта и возратить полученный им аванс с начислением Госбанковского процента.

11. Настоящий договор вступает в силу со дня утверждения его РВС СССР.

Срок потребный для получения утверждения настоящего договора устанавливается в 7 дней со дня его подписания.

Если в течении указанного семидневного срока Госторгу не будет прислано извещение об утверждении или не утверждении настоящего договора, последний считается вступившим в законную силу с первого дня по истечении указанного семидневного срока.

12. Все споры по настоящему договору подлежат разрешению Высшей Арбитражной Комиссией.

13. Юридический адрес сторон...

14. Настоящий фрахтовый договор составлен в двух экземплярах, один из них храниться в Госторгфлоте, а второй в ГАУ. Подписи: начальник артиллерии РККА Шейдеман; Комиссар Артиллерии РККА Коган; Директор-Распорядитель Госторгфлота Н.Васильев» [7, л. 1–1 об., 4, 9–10].

Безусловно, что прежде вступления такого важного договора в силу, он должен был быть одобрен соответствующим военным руководством.

Комиссия по рассмотрению договоров и сделок при Главнаснабе под председательством Жабина (Постановление № 971 (Протокол № 1)), рассмотрев на заседа-

нии своем 10 марта 1924 г. договор ГАУ с Правлением Государственного Торгового Флота на фрахтование пароходов под перевозку военного груза, состоящего из 3-х дюймовых патронов и трубок к ним общим весом в 10.000 тонн, из порта Владивостока до порта Одесса с погрузкой в вагоны в Одессе на общую сумму: за перевозку по 23 черв. руб. за весовую английскую тонну – 230.000 черв. руб. и оплату погрузочных работ по их фактической стоимости (п. 3), – постановила следующее: принимая во внимание, что:

«1. на перевозку артгрузов в склады Центра ГАУ открыт особый кредит в сумме 440.000 черв. руб. (отношение ГАУ от 8.03.1924 г. № 95190);

2. Перевозка артгрузов была начата в январе 1924 г. и уже перевезено 128 вагонов – 128.128 пудов артгруза (телеграмма Помначартарм № 12080);

3. Стоимость перевозки одной весовой английской тонны груза по ж.д. обходится по 93 черв. руб., а расход по перевозке морем обойдется 23 черв. руб. (отношение ГАУ от 8.03.1924 г. № 95190);

4. Имеется в настоящее время остаток кредита на перевозку в сумме 269.888 руб. (телеграмма Помначартарм 8 № 2080);

5. Со стороны НКЖД не встречается препятствий к провозу из Владивостока через Суэцкий канал и проливы 10.000 т. военного груза и декларировании этого груза в соответствии с правилами через Суэцкий канал (отношение НКЖД от 24.02.1924 г. № 910)». Исходя из этих соображений, было решено договор утвердить со следующими поправками:

А. В водной части: ввиду того, что настоящий договор подписан Директором-распорядителем Центрального Правления Государственного Торгового Флота тов. Васильевым – слова: «Государственное Черноморское Пароходство» заменить словами «Центральное Правление Государственного Торгового флота».

Б. В пар. 3-м – после слова «не менее пятисот тонн» добавить «с каковой нормой Госторгфлот обязан согласовать выгрузку в Одессе на пристань, так и погрузку его там же в подаваемые вагоны».

В. В пар. 7-м означенный пар. изложить следующим образом: «Порядок платежа устанавливается следующий: а) по вступлении настоящего договора в законную силу /... ГАУ выплачивает в Москве Госторгфлоту аванс в размере 25% от стоимости фрахта, т.е. 57.500 черв. руб.; б) по погрузке на пароход во Владивостоке 50% всего положенного перевозке груза – выплачивается во Владивостоке 25% стоимости с удержанием соответствующей пропорциональной части выданного, т.е. 6½% (п. «а»). В случае предоставления Госторгфлотом ГАУ иного обеспечения (приказ РВСР № 1 – 23 г.) в сумме в ½% стоимости фрахта, выплата 25% стоимости фрахта, указанная в настоящем пункте производится без удержания соответствующей части выданного аванса; в) по окончании погрузки всего подлежащего перевозке груза выплачивается Госторгфлоту во Владивостоке 25% стоимости с удержанием соответствующей пропорциональной части выданного.. т.е. 6 ½% (п. «а»). В случае предоставления Госторгфлотом ГАУ иного обеспечения (приказ РВСР № 1 – 23 г.) в сумме 6 ½ стоимости фрахта выплата 25% стоимости фрахта, указанная в настоящем пункте производится без удержания соответствующей части выданного аванса;

Г) по окончании погрузки артгруза в Одессе в подаваемые вагоны ГАУ производит с Госторгфлотом в Одессе окончательный расчет за фрахт (пар. 6) с соответствующим зачетом выданного аванса (п. 7);

Д) расчет за работы Госторгфлота по погрузке груза в Одессе на пристани в вагоны (пар. 5) производится ГАУ в Москве по предъявлению Госторгфлотом счетов на эту работу с оправдательными документами.

Примечание 1. Выплата денег по п.п. «а», «б», «в» и «г» и «считается выдача ассигновки, выписанной в червонных рублях».

Примечание 2. Выплата денег по п.п. «б», «в» и «г» производится против приемо-сдаточных актов, составленных представителем ГАУ, присутствовавшим при погрузке и разгрузке артгруза и представителем Госторгфлота.

Выплата денег по п. «д» производится против предоставляемых Госторгфлотом счетов с оправдательными документами (сдаточно-приемочные акты).

Г. В п. 8-м – означенный п. изложить следующим образом: «В случае промедления подачи парохода под погрузку против срока указанного агентом Госторгфлота во Владивостоке (п.) и не выполнения Госторгфлотом обязательств по погрузке артгруза в вагоны указанных в п. 3 – Госторгфлот уплачивает ГАУ по 500 червонных рублей за каждый день промедления».

Д. В п. 9-м после слов: «со дня начала разгрузки парохода ГАУ» – п. 9 изложить следующим образом: «возмещает Госторгфлоту убытки, однако не свыше 500 червонных руб. за каждый день задержки парохода».

Е. В п. 10 после слов: «от суммы фрахта» – добавить (п. 6)».

При этом присутствовавший на заседании представитель УПВОСО тов. Сычев заявил, что ЦУПВООСО гарантирует ГАУ подачу ежедневно под погрузку в порт Одесса до 50 вагонов в течение всего времени разгрузки парохода (п. 3) [7, л. 2–3].

Во исполнение принятых решений Артиллерийское управление 17 мая 1924 г. почто-телеграммой сообщило начальнику артиллерийского управления 5-й краснознаменной армией, что доверенным агентом Госторгфлота во Владивостоке состоит Михаил Петрович Владимиров, которому Госторгфлот и просит уплатить деньги, причитающиеся по пн.б. ст. 7 фрахтового договора... на п/х «Трансбал» [7, л. 7].

Пока шел процесс подписания и выполнения данного договора фрахта СНК СССР подготовил и принял постановление от 8 июля 1924 г. «О морской перевозке в заграничных сообщениях и о большом и малом каботаже». Им в отмену декретов СНК РСФСР от 27 сентября 1922 г. «О порядке перевозки иностранными судами пассажиров и грузов в морских сообщениях РСФСР» (Собр. Узак. РСФСР, 1922, № 62, ст. 788) и СНК УССР от 21 ноября 1922 г. «О порядке перевозки иностранными судами пассажиров и грузов в морских сообщениях Украинской ССР» (Собр. Узак. УССР, 1922, № 48, ст. 720) и соответствующих узаконений других союзных республик, постановлялось:

Судам, плавающим под торговым флагом иностранных государств, с которыми СССР находился в договорных отношениях, разрешалось беспрепятственно производить перевозку пассажиров и грузов от иностранных портов до морских торговых портов СССР и обратно в заграничных сообщениях на началах взаимности (п. 1).

Перевозка пассажиров и грузов между портами СССР одного и того же моря (малый каботаж) и разных морей (большой каботаж) – при чем в отношении каботажа рассматривались, как одно море Азовское и Черное моря, а также Белое море и Ледовитый океан – составляло исключительное право судов, плавающих под флагом СССР (п. 2).

В случае заинтересованности правительства в срочной перевозке груза из одного порта СССР в другой порт СССР, расположенный на другом море, и неимении для этой цели соответствующего судна, плавающего под флагом СССР, право на совершение рейса в большом каботаже могло быть предоставлено в каждом отдельном случае иностранному судну порядком, указанным в ст. 4 настоящего Постановления (п. 3).

Собственно, в ст. 4 указывалось, что разрешение зафрахтовать иностранное судно на совершение рейса в большом каботаже в случаях, предусмотренных ст. 3, давалось председателем СНК СССР или его заместителем по письменному докладу Народного Комиссара по Внешней Торговле. При докладе Народным Комиссаром по Внешней Торговле следовало представлять официальные отзывы Народного Ко-

миссариата Путей Сообщения и Народного Комиссариата Иностранных Дел по вопросу о фраговании судна.

Как и ранее, иностранные суда, как во время плавания в территориальных водах СССР, так и во время своего пребывания в портах СССР подчинялись всем действующим местным правилам (п. 5).

С учетом данного постановления, а также прочих выше рассмотренных поправок фрахтовый договор был утвержден в сентябре 1924 г. заместителем председателя Реввоенсовета СССР Уншлихтом. Окончательная его редакция такова:

«Г. Москва, 1924 г. августа 27 дня, мы нижеподписавшиеся, с одной стороны, Государственный Торговый флот, в лице Заместителя председателя Центрального Правления Государственного Торгового Флота Васильева, Николая Яковлевича, именуемый в дальнейшем «Госторгфлот», и с другой – Народный Комиссариат по Военным и Морским Дела, в лице Начальника Управления Военных Сообщений штаба РККА Барского, Бориса Евсеевича, именуемый в дальнейшем «УПВОСО», заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Госторгфлот зафрахтовал «УПВОСО» пароход «Декабрист» под перевозку военного груза, состоящего из трехдюймовых патронов и трубок к ним, общим весом 9500 т., из порта Владивосток до порта Одесса или Севастополь.

Окончательное определение пункта назначения возлагается на «УПВОСО», при чем сообщение об этом «Госторгфлот» должно быть сделано не позднее проследования пароходом «Декабрист» Босфора. В случае неполучения «Госторгфлотом» указания о пункте назначения, распоряжением «Госторгфлота» пароходу должно быть дано назначение до порта Одесса.

«Госторгфлот» обязуется предоставить вышеуказанный пароход в вполне исправном виде. О готовности парохода «Декабрист» принять груз «Госторгфлот» уведомляет Представителя «УПВОСО» во Владивостоке, в лице Заведующего передвижением войск Дальневосточного Морского района (ЗМОР Дальневосточного), за 10 дней до подачи парохода под груз.

Примечание: к перевозке по распоряжению «УПВОСО», с согласия «Госторгфлота», может быть принято того же груза и сверх 9500 т., но всего не более 10.000 т., на условиях, изложенных в настоящем договоре, с соответственными увеличением сроков на погрузку и выгрузку, а также размеров платежей.

2. Подача груза к борту парохода во Владивостоке выполняется «УПВОСО» и должна быть приурочена к сроку, обусловленному абзацем 3-м ст 1-й настоящего договора. Груз должен подаваться с таким расчетом, чтобы обеспечить погрузку 500 т. в судно, каковое количество «Госторгфлот» обязуется в тот же срок погрузить на пароход. Обеспечение подвижным ж.д. составом и иными средствами подачи груза к борту парохода до зоны в двадцать сажен от борта парохода должно быть произведено «УПВОСО», а погрузка в пределах указанной зоны на борт парохода из вагонов или иных перевозочных средств или с земли и укладка в трюм – средствами и за счет Госторгфлота.

3. Выгрузка в Одессе (или в Севастополе) из трюма парохода на пристань, в районе 15 саженной от борта парохода зоны и погрузка в вагоны в той же зоне производятся средствами и за счет Совторгфлота.

Если вагоны поданы на расстоянии свыше 15 саженной разница в действительной стоимости погрузки оплачивается «УПВОСО».

В случае неподачи вагонов ко времени выгрузки Госторгфлот выгружает груз на пристани в указанном Представителем «УПВОСО» и на условиях, предусмотренным настоящим пунктом.

Дальнейшая погрузка в вагоны производится Госторгфлотом за счет «УПВОСО» по действительной стоимости.

Госторгфлот обязуется в Одессе (или же Севастополе) провести погрузку в вагоны не менее 500 т. в сутки, соблюдением правил погрузки, установленных на ж.д., с тем, чтобы общий срок погрузки груза в вагоны не превышал 25 дней.

Прим.: стоимость работ определяется по тарифам ЦК Союза Транспортных рабочих.

4. Госторгфлот обязуется при погрузке парохода, перевозке, выгрузке и укладке в вагоны перевозимого груза точно руководствоваться «Правилами перевозки взрывчатых веществ, боевых припасов и отравляющих веществ Военного и Морского Ведомства по железнодорожным и водным путям»... (1923 г.)...

5. «Госторгфлот» обязан при прохождении пароходом «Декабрист» Сингапура и Суэца ставить «УПВОСО» о том в известность немедленно по получении этих сведений, а за неделю до прибытия парохода в Одессу (или Севастополь) сообщить «УПВОСО» о дне начала разгрузки.

6. Фрахт, включая все корабельные и портовые расходы пароходов, равно и расходы Госторгфлота по погрузке на пароход и выгрузке на пристань и погрузке в вагоны (ст. ст. 2 и 3), устанавливается в размере 20 руб. за каждую весовую англо тонну (62 пуда), а всего 190.000 р.

7. Порядок платежей устанавливается следующий:

А) по вступлению настоящего договора в законную силу «УПВОСО» уплачивает в Москве Госторгфлоту аванс в размере 50.000 р., каковой, в случае отмены перевозки (ст. 11) возвращается «УПВОСО».

Б) Окончательный расчет по сему договору производится в Москве из сумм, имеющих быть отпущенных на эту надобность на первый квартал сметы Наркомвоен на 1924–25 год, по предъявлению Госторгфлотом в «УПВОСО» счетов с оправдательными документами.

Прим.: выплатой денег по п.п. «а» и «б» считается выдача ассигновок.

В случае промедления в подаче груза для перегрузки в порту во Владивостоке, вызвавшего задержку в погрузке парохода свыше 25 дней со дня подачи парохода под погрузку или подачи менее обусловленных ст. 2-й 500 т. в сутки «УПВОСО» возмещает Госторгфлоту действительные убытки за задержку парохода.

9. В случае неподачи Госторгфлотом парохода во Владивостоке в течение 14 дней под погрузку от времени, назначенного для подачи парохода под груз (ст. 1), или неподачи «УПВОСО» в тот же срок груза для погрузки парохода, исправная сторона имеет право считать настоящий договор расторгнутым и взыскать с другой стороны действительно понесенные убытки.

10. В случае промедления подачи парохода под погрузку во Владивостоке или под выгрузку в Одессе (Севастополе) против сроков, предусмотренных ст. ст. 1 и 5 сего договора, Госторгфлот уплачивает «УПВОСО» действительные убытки понесенные последним.

Равным образом Госторгфлот возмещает «УПВОСО» действительные убытки, понесенные последним по вине Госторгфлота от промедления в погрузке груза на пароход во Владивостоке или погрузке в вагоны в Одессе (или в Севастополе), согласно ст. 2-й абзаца 5 ст. 3-я.

11. Настоящий договор вступает в силу со дня утверждения его РВС СССР в продолжение семидневного срока на его утверждение с момента подписания.

Если в течение указанного семидневного срока Госторгфлоту не будет сообщено об утверждении настоящего договора РВС ССР, то Совторгфлот вправе считать договор не состоявшимся и располагать п/х «Декабрист» по своему усмотрению

Распоряжение «УПВОСО» о выходе парохода «Декабрист» из Владивостока должно быть дано не ранее получения УПВОСО сведений от Госторгфлота о беспрепятственном проследовании пароходом «Грансбалт» Босфора и получения ЗМОР

Дальневосточного во Владивостоке соответствующего распоряжения от «УПВОСО»¹.

В соответствии с этим, «УПВОСО» освобождается от возмещения Госторгфлоту расходов на задержку парохода «Декабрист» в ожидании отправления, если такая будет иметь место после его загрузки. При этом, если «УПВОСО» будут получены сведения о неблагополучном следовании парохода «Декабрист». В этом случае пароход «Декабрист» должен быть разгружен и груз доставлен обратно в склады во Владивостоке средствами Госторгфлота, причем «УПВОСО» освобождается от возмещения «Госторгфлотом» всех его расходов и убытков.

Примечание: распоряжение «УПВОСО» ЗМОРу у Дальневосточного о отходе парохода «Декабриста» из Владивостока должно быть сделано по телеграфу в день получения от Госторгфлота извещения о проходе пароходом «Трансбалт» Босфора.

12. Все споры по настоящему договору подлежат разрешению Арбитражной Комиссией при СТО.

13. Юридический адрес сторон:...

14. Настоящий фрахтовый договор составлен в 2-х экземплярах: один из них храниться в Госторгфлоте, а другой в «УПВОСО» [7, л. 29–30 об.].

Таким образом, как видно из приведенных документов, становление и использование такой формы договора, как «фрахт», в советском праве и практике в основном можно отнести к 1923–1924 гг. При этом активно использовался не только международный опыт, но и созданные за недолгий мирный период нормы гражданского и хозяйственного права. Следует также отметить, что, как это видно из приведенных проекта и окончательного договора фрахта между Госторгфлотом и УПВОСО, развитие и дополнение документа, его формы и содержания велось по мере накопления реального опыта составления и исполнения подобных соглашений, в том числе путем изучения и обсуждения различными коллегиальными и специальными органами. Можно обратить внимание также и на то, что стороны включили в документ пункт о том, что возможные споры по данному договору подлежали разрешению Арбитражной Комиссией при СТО. Это факт весьма важен для понимания как развития и использования самого договора фрахта, так и для изучения проблемы применения арбитража при возникающих спорах и недоразумениях.

Список литературы:

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. – СПб., 1909. – С. 183.
2. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М.-Л., Международная книга, 1938. – 347 с.
3. Государственный Архив Николаевской области, ф. Р-945, оп. 1, д. 25. Циркуляры правления Экспортхлеб, план и переписка с правлением Укрэкспортхлеб о заготовке, страховке и переработке зернопродуктов. 14.08-29.12.1923. 71 л.
4. Там же, ф. Р-945, оп. 1, д. 30. Постановления СТО, циркуляры правления Экспортхлеба, список отделений Экспортхлеба за границей, переписка с московским отделением Экспортхлеб об отправке хлебных грузов, заключение договоров, работе Николаевского элеватора. 28.06-29.12.1923. 262 л.
5. Там же, ф. Р-945, оп. 1, д. 36. Переписка с начальниками Екатерининской и Николаевской железных дорог и портом о предоставлении вагонов, ремонте подъездных путей, создании условий по разгрузке вагонов и загрузке пароходов. 26.06.-31.12.1923. 223 л.
6. Государственный Архив Республики Крым, ф. Р-1619, оп. 1, д. 3. Циркулярные распоряжения Управления Азово-Черноморского отдела Добровольного флота о производстве взаимных междуторных расчетах и финансовая переписка с ним и об организации «Совторгфлота» и его задачах. 26.08.1924 – 5.01.1926 г. 71 л.
7. Государственный Архив Одесской Области, ф. Р-1965, оп. 4, д. 40. Фрахтовые договора и переписка с агентством НКВД, Центральным правлением Госторгфлота, о порядке фрахтования судов перевозок военных грузов и пассажиров. 17.03.1924-26.11.1924. 57 л.

¹ Очевидно, с учетом не подписания СССР конвенции о проливах 1923 г.

Blagodanaya E. Yu. Becoming of agreement of freight of courts is in a soviet right // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 3–13.

Documents, on the basis of that drawn conclusion that becoming and use of such form of agreement as a "freight" in a soviet right and practice it is mainly possible to attribute to 1923 - 1924 not only international experience but also norms of civil and economic law created for short peaceful period was actively used. Here, are collected in the real work and resulted. It is necessary also to mark that, as it is visible from resulted project and final agreement of freight between by a state mercantile fleet and By the management of Soldiery Reports, development and addition document, his manner and matter conducted as far as the accumulation of the real experience of drafting and execution of similar agreements, including by a study and discussion by different collective and special organs. It is possible to pay attention also and on that parties plugged in a document a point that possible conflict situations by this agreement was subject to permission Arbitrage Commission at one hundred. It a fact is essential for understanding of both development and use of agreement of freight and for the study of problem of application of arbitration at nascent cropax and misunderstanding.

Keywords: agreement of freight, home legislation, civil code, naval law.

Spisok literatury:

1. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. III: Vekselnoe pravo. Morskoe pravo. – SPb., 1909. – S. 183.
2. Vneshnetorgovyy transport. Pod obschey red. A. D. Keylina. – M.-L., Mezhdunarodnaya kniga, 1938. – 347 s.
3. Gosudarstvennyy Arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-945, op. 1, d. 25. Tsirkulyari pravleniya Eksporthleb, plan i perepiska s pravleniem Ukreksportleb o zagotovke, strahovke i pererabotke zernoproduktov. 14.08-29.12.1923. 71 l.
4. Tam zhe, f. R-945, op. 1, d. 30. Postanovleniya STO, tsirkulyari pravleniya Eksporthleba, spisok otdeleniy Eksporthleba zagranitsey, perepiska s moskovskim otdeleniem Eksporthleb ob otpravke hlebnih gruzov, zaklyuchenie dogovorov, rabote Nikolaevskogo elevatora. 28.06-29.12.1923. 262 l.
5. Tam zhe, f. R-945, op. 1, d. 36. Perepiska s nachalnikami Ekaterininskoy i Nikolaevsskoy zheleznih dorog i portom o predostavlenii vagonov, remonte pod'ezdnyih putey, sozdanii usloviy po razgruzke vagonov i zagruzke parohodov. 26.06.-31.12.1923. 223 l.
6. Gosudarstvennyy Arhiv Respubliki Krym, f. R-1619, op. 1, d. 3. Tsirkulyarnye rasporyazheniya Upravleniya Azovo-Chernomorskogo otdela Dobrovolnogo flota o proizvodstve vzaimnyih mezhdukontornyih raschetah i finansovaya perepiska s nim i ob organizatsii «Sovtorgflota» i ego zadachah. 26.08.1924 – 5.01.1926 g. 71 l.
7. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 4, d. 40. Fraktovyye dogovra i perepiska s agenstvom NKID, Tsentralnyim pravleniem gostorgflota, o poryadke fraktovaniya sudov perezovok voennyih gruzov i passazhirov. 17.03.1924-26.11.1924. 57 l.

УДК 341.225.2 «1920/29»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗВРАТА ТОРГОВЫХ СУДОВ В СОБСТВЕННОСТЬ СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Руководством СССР в первой половине 1920-х гг. предпринимались значительные усилия по возвращению в страну судов национализированного частновладельческого флота. Эти меры не всегда совпадали с международным правом и установившейся практикой, часто встречая сложно мотивированные отказы в судебных учреждениях различных государств. Основными же правовыми основаниями к такой борьбе были не только известный декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. о национализации частновладельческих торговых судов, изданные в его исполнение инструкции и другие нормативные документы, но и то, что Российское государство принимало активное участие в создании, финансировании и развитии различных пароходных обществ. Исходя из этого, новая власть считала себя вправе претендовать на их имущество. В случае с Черноморско-Азовским регионом речь идет о Русском обществе пароходства и торговли и Русском Дунайском Пароходстве, являвшихся важнейшими игроками на этом рынке.

Ключевые слова: национализация, торговый флот, право собственности, пароходства, декрет.

Годы 1-й Мировой и гражданской войн нанесли огромный ущерб с таким трудом создаваемому с конца XIX в. торговому флоту в Черноморско-Азовском регионе. Часть судов погибла, еще больше из них были уведены за границу. Выполнение в этих условиях декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. о национализации частновладельческих торговых судов фактически было невозможно [1]. Учитывая разрушение производственной базы и отсутствие конвертируемой валюты, восстановление в прежнем виде торгового флота представлялось малореальной задачей.

С другой стороны, в условиях новой экономической политики и постепенного выхода СССР из международной политической изоляции часть национализированных судов была возвращена их владельцам, а также создавались предпосылки возврата потерянных судов.

Восстановление пароходного сообщения с портами Ближнего Востока в 1923 г. поставило перед Госторгфлотом задачу создания собственного представительства для их обслуживания. Предложение о сотрудничестве с представительством Внешторга в Константинополе Госторгфлот посчитал недобросовестным. Центральное правлением Госторгфлота своим постановлением учредило должность агента для Ближнего Востока в Константинополе. Помимо узкой задачи по выполнению агентских функций по пароходам ГТФ, наличие этого представительства обосновывалось и политической целесообразностью, в первую очередь возможностью возврата пароходов, уведенными при эвакуации Черного моря в заграничные порты и остающимися частью во Франции, частью в Константинополе. Правление Госторгфлота считало, что при наличии такого нашего представителя можно бы, сообразуясь с

местными условиями, использовать все возможности для скорейшего возврата указанных пароходов путем установления связи с администрацией их и вообще с обслуживающим персоналом, не исключая возможности сношения с их бывшими владельцами либо лицами, управляющими отдельными пароходными предприятиями.

Возможность последнего рода не исключалась на основании того, что предложения на возврат части пароходов исходили со стороны указанных владельцев. Так, например, можно указать следующий факт: во время нахождения парохода «Керчь» в Константинополе в первых числах сентября к полпреду в присутствии корреспондента газеты «Правда» Сергеева обратились 2 члена правления бывшего Русско-Дунайского Пароходного о-ва со следующим заявлением: «считая Правительство СССР единственно твердым и правомочным, не отрицая и не возражая против декрета о национализации торгового флота, каковой декрет по существу не вносит изменений в положение о Русско-Дунайской О-ве, как Пароходстве бывшем национальным, т.е. казенным, указанные представители согласны вернуть пароходы и все имущество, принадлежавшее Русско-Дунайскому о-ву с тем, однако, условием, что поскольку правительство СССР не является юридически признанным всеми государствами, дабы не встретить противодействия со стороны последних, при возврате пароходов имеет быть заключен договор с Госчапом на совместную эксплуатацию уведенных за границу пароходов. Договор по существу должен иметь временную силу до момента окончательной передачи всего имущества, после чего операция считается законченной и бывшее Русско-Дунайское пароходство вливается в Госторгфлот на основании декрета о национализации» [2, л. 2–3 об.]. Допуская, что такое предложение имело под собой серьезную почву, придать ему реальную форму оказалось, однако, невозможным, так как не оказалось на месте сведущих в вопросах морского хозяйства лиц, которые могли бы продолжить переговоры и дать им дальнейшее направление, в силу чего указанный вопрос остался открытым. По тем же самым причинам осталась неиспользованной и выявившаяся также возможность возврата других пароходов единичным порядком.

В качестве исторической справки напомним, что имущество Русско-Дунайского общества оказалось на территории, оккупированной Румынией.

Считая вышеупомянутый декрет о национализации частновладельческого торгового флота руководством к действию, в марте 1922 г. под грифом «Сов. секретно» и подписями Наркоминдел (Карахан), Наркомпуть и пред. ГПУ (Дзержинский), Замнаркомвнешторг (Фрумкин), Наркомюст (Курский), Зампред РВСР (Склярский) вышла инструкция по задержанию судов РСФСР, приходящих в порты советских республик под иностранным флагом.

Этим документом органам НКПС, Моркома, ГПУ, НКВД и НКВТ в советских портах вменялось в обязанность принимать все зависящие от них меры к задержанию приходящих под каким-либо иностранным флагом судов, являющихся в силу от 26 января 1918 г. собственностью РСФСР.

Предусматривался такой порядок действий. По получении данных о таком судне начальник порта должен был входить в секретное сношение с местными учреждениями и компетентными лицами о сообщении ему в надлежащих случаях с возможной скоростью собранных сведений и доказательств касательно возможности принадлежности прибывшего под иностранным флагом судна РСФСР (п. 2).

При наличии сведений, указанных в п. 2, начальник порта должен был обратиться в местный народный суд с ходатайством о наложении предварительного ареста на судно в порядке обеспечения доказательств с тем, что самые доказательства о принадлежности судна РСФСР предоставляются им суду при предъявлении иска (п. 3).

Одновременно с этим начальник порта должен был о своем намерении, действиях и основаниях к тому сообщить местному Морконтролю ГПУ, ближайшему уполномоченному НКВД и по телеграфу в Москву в ЦУМОР НКПС, НКВД и ГПУ (п. 4).

Местный Морконтроль ГПУ в свою очередь до получения подтверждения извещения начальника порта должен был установить негласное наблюдение за судном в целях пресечения несвоевременного его ухода (п. 5).

Далее следовало ходатайство о наложении предварительного ареста, которое возбуждалось начальником порта за несколько дней до ухода судна, даже в случае неполучения к этому времени ответных указаний Центра на указанную в п. 4 телеграмму (п. 6).

Если же в центре по тем или иным соображениям считали задержание судна нежелательным, о том телеграфно сообщалось ЦУМОРОм НКПС начальнику порта, которому следовало обратиться в нарсуд с просьбой о безотлагательном снятии с судна предварительного ареста. Во всяком случае иск мог быть предъявлен лишь при согласии центра, а дело назначалось нарсудом к слушанию вне очереди до ухода судна из порта (п. 7).

Начальником порта предоставлялись к судебному разбирательству как все на месте собранные доказательства принадлежности судна РСФСР, так и поступившие из Центра дополнительные материалы (п. 8).

Начальнику порта при предъявлении иска предписывалось действовать решительно, но с всемерной осторожностью, имея в виду, что незаконное задержание судна в порту сверх предположенного отхода могло повлечь за собой необходимость возмещения республикой убытков судовладельца (п. 9).

При наложении предварительного ареста суду следовало войти в сношения с местными органами ГПУ и Морского и Военного ведомств на предмет установлений надежной охраны судна (п. 10).

Все расходы по снабжению задержанного судна необходимыми материалами и продовольствием до момента окончательного постановления суда ложились на возбуждающего вопрос о задержании начальника порта, в том случае если судовладелец отказывался сам нести эти расходы (п. 11).

В случае признания судом судна собственностью РСФСР начальник порта поступал с ним в соответствии с указаниями своего непосредственного начальства. Команда и груз судна выпускаются из порта при первой возможности с соблюдением установленных правил по соглашению местных органов НКВД, НКВТ и ГПУ, если иное не было постановлено центром (п. 12) [4, л. 25–26].

Инструкция была немедленно взята в действие и, как это бывает, на местах выполнялась не всегда корректно, особенно это касалось иностранных флагов. Уполномоченному НКВД в Харькове от заведующего экономическо-правового отдела НКВД Сабанина пришло требование, по которому «Спуск флага следовало производить при присутствии различных должностных лиц (члена президиума исполко-

ма, уполномоченного НКВД, представителя Госпароходства, по возможности капитана судна. Желательно чтобы капитан сам спустил флаг по предложению судебных властей, сам процесс – фотографировать а фото отправить в ЭПО НКВД» [4, л. 121 об.].

Очевидно, исходя из этого, 21 марта 1924 г. ЦУМОР под грифом «Секретно» разослал начальникам торговых портов дополнительные правила к вышерассмотренной инструкции. Ими, в частности, устанавливалось, что, во-первых, в случае признания судна собственностью СССР спуск иностранного флага и подъем советского надлежит производить не ранее истечения всех установленных сроков на обжалование постановления суда и после вступления этого постановления в законную силу, а равно не иначе как по предварительному согласованию с уполномоченным НКВД.

Во-вторых, сам спуск иностранного флага и подъем советского флага следовало производить при торжественной обстановке, исключаяющей какую бы то ни было возможность оскорбительного отношения к иностранному флагу. При этом было обязательно присутствие члена президиума исполкома, представителя прокуратуры, начальника порта; желательным присутствием уполнаркомпу, представителя госторгфлота, а также капитана задержанного судна. Иностраный флаг мог быть спущен капитаном судна по предложению представителя судебной власти. Момент спуска иностранного флага следовало сфотографировать, передав затем снимок уполномоченному НКВД.

В-третьих, спущенный иностранный флаг и документ, удостоверяющий право судна поднимать иностранный флаг (патент), подлежали передаче на хранение в НКВД; документ, удостоверяющий право собственности на судно иностранного владельца (корабельная крепость и т.п.), могли быть после приведения в исполнение всех процессуальных действий возвращены владельцу [3, л. 24].

Вышеприведенная инструкция и дополнительные к ней правила реально применялись в деле. Приведем следующий пример. 17 ноября 1923 г. в Николаеве был составлен акт, которым «Врид. Начальника Николаевского Торгового порта тов. Мухина И.А., начальника механико-судовой части Горелова Г. Ф., капитана порта Сиротика А. И., Зам. Председателя Черноморско-Азовского пароходства т. Тимофеева Н. Т., Начполитсекретариата того Госпароходства тов. Фионова В. С. и бывшего 3-го механика быв. русского судна “Вера” Могилевича А. Ф., осмотрели судно под греческим флагом “Панаиотис” и ознакомились со всеми документами и пришли к следующему заключению:

1. Что означенное судно “Панаиотис” в действительности есть бывшее русское судно “Вера”, принадлежавшее ранее пароходоладелице Островской и др., а затем в 1916 г. продано было Одесскому мещанину А. П. Ласкаридис от коего в июне 1918 г. неправомерно перешло во владение Фотиса и Николая Панаистовичей Ласкаридис и во время оккупации порта г. Одессы греками в 1919 г. незаконно уведено было ими за границу.

2. Вышеизложенное подтверждается нижеследующим: а) все основные цифровые данные судна, размеры судна, тип и год постройки судна сходны с размерами, как по русскому судовому реестру так и по Английскому Ллойд, а также сходны

по судовым документам находящимся в данный момент на греческом судне “Панаиотис”, выданных греческим правительством в г. Пирем в 1919 г.

Помимо вышеуказанного при обследовании судна “Панаиотис” в присутствии бывшего 3-го механика русского судна “Вера” Могилевича А. Ф., проживающего ныне в г. Николаеве по Кузнечной улице под № 158, который плавал на указанном судне “Вера” свыше трех лет, а именно с 1915 г. до середины 1918 г. и последним были указаны как расположение механизмов так и другие мельчайшие подробности механизмов и корпуса судна, что и подтверждается действительностью» [4, л. 112].

Далее, как и полагалось, были составлены опись инвентаря палубного и машинного парохода «Панаиотис» [4, л. 107]; опись движимого имущества, принадлежащего греческому обществу «Нао..ка Анонимос Этирен Ласкории и К» в лице капитана А. Дикас, находившегося в заграничном отделе Николаевского Торгового порта, составленная судебным исполнителем И. И. Нестояновым на основании исполнительного листа народного судьи 3-го участка Николаевского округа от 21 ноября 1923 г. за № 2133. Последняя опись была начата в 4 часа дня и окончена в 8 часов вечера 21 ноября 1923 г. При составлении описи присутствовал капитан судна, начальник порта и другие лица. Означенное в данной описи судно принял на хранение начальник николаевского морского торгового порта И. Мухин. Оценку судну производил и стоимость определил в 100.000 рублей золотом помощник начальника порта по технической части инженер Пятницкий [4, л. 116–117 об.].

В завершение процедуры прокурор г. Николаева Идин в секретном обращении к начальнику порта просил провести спуск греческого флага с парохода «Вера» в обстановке, «исключающей какое бы то ни было оскорбительное отношение к греческому флагу» [4, л. 118].

Очевидно, что первые единичные удачи по возврату судов привели к желанию вернуть весь утраченный флот и возместить прочие понесенные убытки. Так, 3 июля 1924 г. под грифом «Секретно» в Одессу пришла следующая телеграмма: «Бывшему сотруднику тов. Федосееву. Нами получена от Н/правления из Москвы телеграмма следуемого содержания: “Секретно. Срочно. Составьте список убытков понесенных Доброфлотом интервенции”. Поэтому просим Вас, как быв. служащего Добровольного Флота, немедленно приступить к составлению указанного в телеграмме списка, с привлечением к этой работе т.т. Шахаратова, Крачины, Провороцкого и Катульского. Работу необходимо закончить в кратчайший срок». Подписал телеграмму Уполномоченный правления Доброфлота по Морским и Фрахтовым делам Черноморско-Азовского побережья [5, л. 1].

Следует отметить, что такая же телеграмма пришла М. Н. Монахову «п/а Агентства Доброфлота», которому поручалось дать «все имеющиеся сведения по порту г. Николаев и другим, кроме Одессы» [5, л. 2].

Кроме того, в июле 1924 г. начальник центрального управления морского транспорта и начальник отдела торгового мореплавания секретно отправили всем начальникам портов: «Прилагаемый при сем список включает в себе названия некоторой части уведенных русских судов находящихся ныне под турецким флагом». В случае захода какого-либо из этих судов в порт надлежало поступать с ним на общем основании, указанном в секретной инструкции о порядке задержания уведенных русских судов [3, л. 38].

Список некоторых русских судов, плавающих под турецким флагом [3, л. 39].

Турецкое название	Настоящее название	Прежний собственник	Фактический владелец
1. Казан	Гюзель-Марсина	Южно-Русское п/х о-ва	Кулусси из Адами
2. Флора	Гизель-Адана	Южно-Русское п/х о-ва	Кулусси из Адами
3. Русь	Арарат	Южно-Русское п/х о-ва	Кулусси из Адами
4. Елья	Зуигуждан	Диамантиди	Сейри-Сафайке
5. Ольга	Юрла или Виурла, затем Демериет	Игнатов, Сифнео и др.	Сейри-Сефайне
Рем. Рузский	Истиклай	Черноморск. п/х о-ва	Аздемет
7. Донец	Брусси	Черноморск. п/х о-ва	
8. Румянцев		Р.О.П. и Т.	Сулейман Серри
9. Веста		Р.О.П. и Т.	Садык-Заде
10. Ломоносов	Антиса, затем Ан-талия или Адалия	Арх. Мур. щ-во Ср. П/ва	Сайри-Сефайне
11. Запорожец, затем Св. Николай	Ричдан		Фелман
12. В.К. Александр Михайлович		Русско-Дун. П-во	
13. Бессарабия		П.Регистр	Рефат-Бей
14. Херсонес		Р.О.П. и Т.	
15. Успех		Р. Дунай. П-во	
16. Орфей		Рос. Правит.	Ширкети-Каирие
17. Тарас Бульба		Мефанити	
18. Веха		Гл. Гидрограф. управ.	
19. Адмирал Кажериминов		Р. Дун. п-во	Киркети

Кроме того, конечно же, под грифом «Секретно» в виде таблицы был составлен «список уведенных русских судов находящихся в портах Греции». Секретно. В списке указано прежнее (русское) название суда, фамилия бывшего владельца, бывший флаг, новое название судна, новый флаг, новый владелец и тоннаж. Флаги суда в основном носили уже греческие, но было из 17 судов одно под бельгийским и одно под итальянским флагами. Сами же суда в большинстве своем до событий 1917 г., судя по фамилиям владельцев, принадлежали грекам, находящимся в российском подданстве [3, л. 65].

Отдельно следует отметить и то, что, постепенно выходя на международную арену, СССР, заключая различные договора, стремился включать в них пункты о возможном возврате национализированных судов.

Так, к примеру, начальнику торгового порта Николаева пришла инструкция, утвержденная Наркомпутем Серебряковым и Наркомвнешторг Красиным 3 мая 1924 г. Данный документ был адресован местным органам НКПС и НКВТ по выполнению договора между СССР и Италией в части, касающейся мореплавания.

В ней на основании заключенного 7 марта 1924 г. между СССР и Италией договора о торговле и мореплавании местным органам НКПС и НКВТ указывалось, что

«8. Национальность итальянских судов, должна устанавливаться на основании документов и патентов имеющихся на борту и выписанных компетентными властями.

Впредь до заключения специального соглашения, итальянские суда, измеренные по правилам, основанным на английском методе (система Муртома) не должны подвергаться в портах СССР для уплаты корабельного сбора никакому новому начислению тоннажа, причем корабельный сбор подлежит взиманию на основании чистой вместимости судна, обозначенной в его мерительном свидетельстве».

Исключая случаи продажи по суду, итальянские суда во время пребывания в водах СССР не могли менять национальности, если продавец предварительно не получил разрешения на замену флага от существующих итальянских властей.

При этом указывалось, что «Однако надлежит иметь в виду, что правительство СССР сохраняет за собой все права (о чем сделана оговорка при подписании договора) на все суда прежнего российского флота, как военного, так и торгового, которые составляли собственность российского правительства или подлежали национализации в силу декрета от 26 января 1918 г. и которые были уведены за границу во время интервенции или другим, каким либо способом избегли национализации.

Ввиду этого управление порта обязано, в случае захода в порт под итальянским или всяким другим флагом русского судна, уведеного во время войны или интервенции или иным каким либо образом избежавшего национализации, поступить согласно действующей на сей предмет секретной инструкции о порядке задержания бывших русских судов, приходящих в наши порты под иностранным флагом» [3, л. 44–49].

Или же другой пример. Инструкция местным органам НКПС и НКВТ по выполнению соглашения между СССР и Швецией от 15/03.1924 г. в части, касающейся торгового мореплавания, естественно, секретная, была утверждена «за Наркомпуть А. Правдин, за Наркомвнешторг В. Аванесов».

В ней, в частности, предписывалось: «4. Соответствующие судовые документы, выданные шведскими властями должны признаваться в портах СССР за доказательство национальности шведских судов.

Мерительные свидетельства шведских судов также должны признаваться в наших портах, причем для взимания корабельного сбора шведские суда, имеющие такие свидетельства, не подлежат переизмерению, указанных в его мерительном свидетельстве.

Однако следует иметь в виду, что правительство СССР сохраняет за собой все права (о чем сделана оговорка при подписании договора) на все суда прежнего российского флота, как военного так и торгового, которые составляли собственность российского правительства или подлежали национализации в силу декрета от 26 января 1918 г. и которые были уведены за границы во время войны или интервенции, или же другим, каким либо способом избегли национализации.

Ввиду этого управление порта обязано в случае захода в порт под шведским, как и всяким другим иностранным флагом русского судна, уведеного во время войны или интервенции или же иным каким либо образом избежавшего национализации, поступить согласно действующей на сей предмет секретной инструкции...» [3, л. 63].

Подобные формулировки были сохранены и в дальнейшем. Так, при установлении режимов наиболее благоприятствуемого государства между СССР и Грецией в 1926 г. это положение было оговорено [6, л. 70–72].

Или же в сообщении НКПС начальникам морских торговых портов «Об исполнении договора с Грецией» 1929 г. указывалось, что наряду с выполнением предписаний, содержащихся в циркуляре № МЗ-34/1 от 20 августа, изданного во исполнение постановления Советско-Греческого торгового договора от 2 июня 1929 г., надлежит иметь в виду следующее:

«1. Несмотря на постановление ст. 9 гласящей, что национальность судов будет признаваться той и другой стороной на основании документов, выдаваемых на этот предмет компетентными властями соответствующего государства согласно законам и правилам каждой страны, что кроме случая судебной продажи национальность судна данной страны не может быть изменена в другой стране, без выданного государством флага судна разрешения на перемену флага, особым обменом нот, произведенным при подписании договора обусловлено, что к судам б. русского флота, как военным, так и торговым, которые составляли собственность русского правительства или подпали под действие декрета о национализации флота, и которые были уведены за границу без ведома и согласия советского правительства или иным путем...» [8, л. 27].

Между тем в Одесское агентство Госчапа в январе 1924 г. было сообщено, что в Москве образована Русско-Турецкая смешанная комиссия по урегулированию взаимных имущественных претензий. Исходя из этого, были запрошены все известные «претензии наших граждан или учреждений к турецким гражданам или к турецкому правительству направить нам в абсолютно секретном порядке» [8, л. 17].

В ответ на это в Центральное Правление Госторгфлота, копия Уполнаркоминделу в Одессе от Государственного Черноморско-Азовского пароходства 8 марта 1924 г. было отправлено письмо, в котором правление Госчап представило сведения об убытках бывших пароходных предприятий, причиненных военными властями Румынии и Турции во время войны 1914–1918 гг. В нем содержались:

1) список № 1 судов бывшего Русско-Дунайского Пароходства, захваченных румынами в Дунайских портах;

2) список № 2 движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего бывшему Русскому Дунайскому Пароходству в портах Дуная и Прута и захваченных румынами;

3) пояснительная записка к предыдущим спискам;

4) ведомость № 1 убытков по пароходным предприятиям Черного моря, причиненных турецкими властями во время войны 1915–1918 г.;

5) пояснительная записка к ведомости № 1;

6) ведомость № 2 таких же убытков, причиненных Турцией;

7) пояснительная записка к ведомости № 2;

8) три документа, касающихся захвата Турецким правительством парохода «Королева Ольга» в Константинополе.

Все вышеизложенные сведения не являлись исчерпывающими, так как их приходилось составлять как на основании имеющихся в портовых управлениях и моррагенствах материалах, так и на основании показаний очевидцев, и поэтому некоторые убытки могли не попасть в сводки. Общая сумма убытков, причиненных Румы-

нией, исчислена из списков №№ 1 и 2 в 6.933.798 р. 49 коп., сумма же убытков, причиненных Турцией, была определена в 6.144.793 р. 48 коп. В дальнейшем по получении материалов по убыткам их также обещали разработать и дослать [8, л. 18–18 об.].

Для наглядности приведем следующие отдельные данные.

Список №1 судов бывшего Русского Дунайского Пароходства, захваченных Румынией в Дунайских портах [8, л. 19].

№	Название судов	Назнач.	тип	Размеры в фут.			Грузопод.	Цена в зол. довоенных руб.	6% годовых за 6 лет	сумма	
				Дл.	Шир.	В.					
1	п/х Тургенев	т/пас	колес.	185	25	9	450	10.000	60.000	25200	85.200
2	п/х Патриот	буксир	–	88,5	16	9	160	–	13.000	6.300	21.300
3	п/х Прахово	–	–	92	16	9	225	–	20000	8.400	28.400
4	п/х Одесса	–	–	155	16	9	450	–	35000	14700	49.700
5	п/х Шевченко	–	–	95	16	7	220	–	25000	10500	35.500
6	п/х Сербия	–	–	163	16	8	350	–	29000	12180	41.180
7	п/х Тирасполь	–	–	92	15	8	220	–	24000	10080	34.080
8	п/х Белград	–	–	185	23	9	550	–	90000	37.800	127.800
9	п/х Гард.Майер	–	Винт.	102	18	12	300	–	45000	18900	63.900
10	п/х Юлия	Грузов.	–	196	28	9	220	25.000	42000	17650	59.640
11	п/х Николас	–	–	196	28	9	220	25.000	42000	17650	28.400
12	Катер «Цурлик»	Буксир	–	75	14	8	100	–	20000	8400	28.400
13	Катер «Сирин»	–	–	75	14	8	100	–	20000	8400	28.400
14	Катер «Дунай»	–	–	70	12	7	40	–	16000	6720	22.720
15	М/к. «№5»	Портов.	–	28	6	4	40	–	8000	3350	11.350
Итого									491.000	205220	597220
			Баржи железные								
1	№902 с пар. лебедкой	грузов.	морск.	154	31	15	–	54000	67900	28518	96418
2	№904 с пар. лебедкой	–	–	154	31	15	–	54.000	67700	28434	96134
3	817“ –	–	–	175	28	11	–	48.000	28400	11928	40.328
4	718 с ручн. кр.	–	–	175	28	11	–	40.000	25700	10794	36.496
5	619	–	–	165	26	10	–	36.000	24400	10248	34648
6	605 «Дунай»	–	–	164	26	9	–	35.000	24450	10269	24.400
7	521	–	–	160	28	9	–	30.000	20000	8400	28.400
8	522	–	–	160	28	9	–	30.000	20000	8400	28.400
9	308 «Волга»	–	–	138	23	8	–	18.000	18700	7602	25.702
10	309 «Кама»	–	–	138	23	8	–	18.000	18100	7854	26.554
11	310 «Ока»	–	–	138	23	8	–	18.000	18700	7854	26.554
12	«Светлана»	–	речная	180	43	14	–	80.000	80000	33600	113.600
13	«Валентина»	–	–	180	34	14	–	80.000	80000	33600	113.600
14	«Александра»	грузов.	речн.	180	34	14	–	80.000	80.000	33600	113.600
15	«Ксения»	–	–	180	34	14	–	80.000	80.000	33600	113.600
16	«Наталия»	–	–	180	34	14	–	80.000	80.000	33600	113.600
17	«Нина»	–	–	180	34	14	–	80.000	80.000	33600	113.600

18	«Бабушка»	–	–	180	34	12	–	60.000	60.000	25200	85.200	
19	«Сестра милосердия»	–	–	180	32	12	–	60.000	60.000	25200	85.200	
20	«Сестрица»	–	–	180	32	12	–	60.000	60.000	25.200	85.200	
21	«Валя»	–	–	180	32	12	–	24.000	24.000	10080	34.080	
22	«Лида»	–	–	145	26	8	–	20.000	20.000	8400	28.400	
23	«Воронеж» №22	–	–	155	21	6	–	15.000	10.000	4.200	14.200	
24	«Киев» №23	–	–	155	21	6	–	15.000	10.000	4.200	14.200	
25	«Черниго» №25	–	–	155	21	6	–	15.000	10.000	4.300	14.200	
26	«Ленкоран» №42	налив.	Релива	172	21	6	–	18.000	10.000	4.200	14.200 27	
27	«Бадаханы» №44	–	–	180	24	7	–	26.000	16.400	6888	23.288	
28	«Карс» №45	–	–	180	24	7	–	26.000	16.400	6888	23.288	
29	«Эрверум» №46	–	–	180	24	7	–	26.000	16.400	6888	23.288	
30	«Баку» №51	–	–	155	21	6	–	15.000	10.000	4200	14.200	
31	«Эривань» №56	грузов.	–	172	21	6	–	18.000	15.000	6300	21.300	
32	№57	–	Морск.	155	25	8	–	30.000	25.000	8500	33.500	
33	№37	–	–	265	26	8	–	35.000	30.000	12600	42.600	
34	«№23»	–	–	175	26	8	–	40.000	35.000	14700	49.700	
35	№18/9	Санитар.	–	155	21	6	–	17.600	10.000	4200	14.200	
Итого										1.252.250	523.945	1.776.195

Баржи-подчалки (смешанной постройки): «№ 03», «№ 05», «№ 06», «№ 07», «№ 09», «№ 012», «№ 014», № 015», «№ 016», «№ 019», «№ 020», «№ 023», «№ 024», «№ 025», «№ 028», «№ 030», «№ 34», «№ 035», «№ 037», «№ 038», «№ 039», «№ 040», «№ 041», «№ 045» «Петя», «№ 046» «Ростик», «София» Б. 102, «Мария» Б. 104, «Ида» Б. 199, «Сергей» Б. 122, «Хая» № 74. Б. 127, № 145 Б. 114, «№ 145 Б. 114», «№ 135/77 Б. 133». Итого на 359.555 руб. [8, л. 20–21].

Понтоны: № 62/2, № 65/4, № 70/10, № 71/11, № 72/12, № 73/13, № 74/14, № 79. Итого: 60.066 руб.

Суда разных назначений: 1) непаровая шаланда № 15 (для отвозки грязи) – 11.360 руб.; 2) любковская баржа № 30 (для отвозки грязи) – 9.940 руб.; 3) плавучий деревянный кран для подъема тяжестей – 22.152 руб. Итого – 45.452 руб.

Также в список попали материалы и инвентарь, оставшиеся на перечисленных судах: уголь каменный – 11.502 руб.; смазочные, осветительные и прочие материалы – 28.400 руб.; инвентарь судовой, машинный и рестораторский – 231.602 руб. [8, л. 21 об.].

В список № 2 вошло движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее бывшему Русскому Дунайскому Пароходству в портах по р. Дунаю и Пруту и захваченного Румынией. В Килии – здания, мастерские, пакгаузы, плавучие мастерские; токарное отделение (перечислено все поштучно, все станки, вплоть до ключей гаечных и плоскогубцев, молотков и хомутков); слесарное отделение (верстаки, напильники, клещи, молотки, зубьев), а еще котельное отделение, кузнечное отделение, а также литейное, малярное, столярно-плотничье отделения, электрическая

станция, всего 175 наименований. Кроме того, материальный склад, находившийся на 6 железных баржах и на берегу, с имуществом на 351 наименование на сумму 1662764 руб.

А кроме того, обществу принадлежало в Измаиле имущества на 31450 руб.; в Рени – на 333.999 руб.; в Галац – на 18.071 руб.; в Кугуле – на 33.793 руб.; в Фальчи – на 33.517 руб.; в Деово – на 32.025 руб.; в Тульче – на 7.191 руб., а также инвентарное имущество во всех перечисленных выше портах, заключавшееся в мебели и обстановке зданий агентств и других строений, – на 20.000 руб.

В пояснительной записке указывалось, что все суда, инвентарное имущество, гражданские сооружения, материалы и земельные участки, подробно поименованные в прилагаемых при сем списках, захвачены исключительно Румынией, за исключением парохода «Белград», который в 1915 г. находился в Болгарии и по имеющимся частным сведениям в 1918 г. был передан Румынии.

Стоимость судов и прочего имущества показана в золотых рублях довоенного времени с начислением 6% годовых, начиная с 1918 г. по 1925 г., за 6 лет.

Определение стоимости имущества каждой единицы в отдельности, как то: плавучих средств, инвентарного имущества, гражданских сооружений и земельных участков – производилось согласно первоначальной стоимости таковых, принимая во внимание % годности в 1918 г.

Что же касается материалов, находившихся на складах в Килии, то расценка таковых производилась соответственно времени приобретения и поступления их на склады, так как цены на рынке в период 1915–1917 годов на большинство материалов повышались от 100 до 400%. Таким образом, стоимость всего имущества бывшего Русского Дунайского Пароходства, захваченного Румынией, выражается в сумме:

1. Паровых судов – РБ. 491.000; 2. Барж железных – 1.252.250; 3. Барж смешанной постройки – 250.250; 4. Понтонов – 42.300; 5. Судов разного назначения – 30.000; 6. Инвентарь на судах – 163.100; 7. Уголь каменный на судах – 8.100; 8. Смазочные и осветительные материалы на судах – 20.000; 9. Плавучие мастерские и их оборудование – 252.763.60; 10. Материалы на складах в Килии – 1.662.764; 11. Гражданские сооружения и земельные участки – 530.815.

Итого: РБ. 4.713.942.60. Причиталось 6% годовых за 6 лет с 1918 по 1924 гг. – 1.979.855.89, а всего – РБ. 6.693.798.49.

Кроме того, не было внесено в списки имущество, находящееся в Болгарских портах, заключающееся в Наливной станции в Систове, из 2-х цистерн железных, парового насоса и земельного участка стоимостью в РБ. 25.500. Инвентарного имущества, оставшегося по портам, – 10.000, а всего – 36.000.

В Сербии, в порту Кладово, также имелась наливная станция, состоящая из одного резервуара с трубопроводом и паровым насосом, кирпичным домиком и участком земли в 450 кв. саж. стоим. В рб. 8.000.

Не были включены также в представляемые списки уведенные французским командованием из Одессы в Константинополь нижеследующие суда: пароходы «В.К. Александр Михайлович» стоимостью в рб. 650.000, «Русь» – в 350.000, «Моряк» – 162.000; «Адмирал Кашерининов» – 83.000; «Успех» – 40.000; «Румыния» – 48.000; «Никола Пашич» – 25.000; «Аспазия» – 25.000; баржа «Вперед» – 30.000; баржа «Долви» – 60.000. Их инвентарь (палубный, машинный и ресторанный) определялся в 142.000; угля каменного на указанных судах (28.000 пудов) – 14.000; смазочные и осветительные материалы – 8.500 р. Всего: РБ. 1.537.500 [8, л. 22–28 об.].

Отдельно была составлена ведомость № 1 убытков по пароходным предприятиям Черного моря, причиненных Турецкими Военными Властями во время войны 1915–1918 гг. В нее вошли пароходы «Королева Ольга», «В. К. Александр», баржа «Язон», «Шура», «Провиданс», «Катя», «Пементкруг», «Кн. Оболюгский», П/м суда «Резвый» и «Николай», «Петр Регир», «Восточная Звезда», «Лазарев», «Гр.Платов», грузы в Туапсе, сгоревшие склады и имущество сторожа. Всего на 4081950 руб. 48 коп. [8, л. 29–30]. Часть этих судов была турками захвачена, а другая потоплена во время войны.

Ведомость № 21 была посвящена убыткам, понесенных бывшими пароходными предприятиями от действий военных турецких судов в Новороссийске в октябре 1914 г. В нее вошли пароходы «Панагия Вальяно», «Федор Феофани», «Русь», «Энергия», «Новороссийск», Баржа № 1, плавучий кран, п/х «Ай Петри», п/х «Николай» и п/х «Дооб» в общей сумме в 1062842 руб. 50 коп. [8, л. 30].

Непросто сложилась судьба многих судов. Так, к примеру, пароход «Королева Ольга» был захвачен турками в 1914 г. Однако в 1920 г. его вернули, но не большевиком, а РОПиТу. Однако уже в 1921 г. этот пароход был куплен у РОПиТ правительством Турции. Что правда, от попыток его возврата СССР не отказался. В Константинополе 31 октября 1923 г. было составлено заключение присяжного поверенного Протасьева по поводу «Королевы Ольги» со ссылкой на различные документы и материалы [8, л. 37–39]. Также к нему прилагалась копия донесения старшего механика парохода «Королева Ольга» Д. Ю. Капетанаки [8, л. 40–41 об.]. Эти документы подтверждают попытки «отжать» уже у правительства Турции данное судно.

Как видим, в направлении возврата судов российского торгового флота усилия предпринимались значительные, государство в этом вопросе не останавливалось и перед применением мер судебного вмешательства. Однако что получалось дома, за рубежом чаще всего не проходило. Так, известно, что французский суд отказался вернуть уведенные во время интервенции суда, принадлежащие до национализации РОПиТу, а итальянский суд отказался признать пароход «Юпитер» национализированным лишь потому, что пароход «Юпитер» не находился якобы во время издания декрета о национализации в советских же водах [9, с. 38].

В СССР же в этот период отношение к аресту и задержанию судов было весьма двояким. Приведем пример. Так, Транспортное управление НКВ и ВТ уведомил НКИД (экономическо-правовой отдел) по его запросу от 21 ноября 1925 г. за № 10996, что как по законодательству СССР, так и нормам международного торгового морского права допускается задержание в портах морских торговых судов в обеспечение их имущественных претензий, которые возникают в связи с некоторыми специфическими моментами торгового мореплавания (общая авария, столкновение судов, вознаграждение за оказание помощи и спасение на море).

В законодательстве СССР право задержания торговых судов было предусмотрено ст. 9 декрета СНК от 29-го октября 1920 г. «О производстве расчетов по общей аварии» (Собр. Узак. 1920 г. № 87 ст. 443) и ст. 7 постановления СНК СССР от 23 декабря 1924 г. «О вознаграждении за оказание помощи на море» (Собр. Зак. 1925 г. № 16 ст. 59).

Следовательно, сам по себе факт задержаний судна, плавающего под флагом СССР, впредь до представления соответствующего обеспечения по претензиям, возникающим из столкновения судов, не представлял ничего одиозного.

Обращаясь же к делу, в документе отмечалось, что «Однако, инцидент с п/х “Лахта” осложняется тем, что упомянутый п/х является собственностью СТФ, т.е. принадлежит к составу государственного торгового флота. Само собой разумеется, что в нашем законодательстве право задержания судов не распространяется на суда СТФ.

Вопрос о праве задержания морских торговых судов, принадлежащих иностранному государству, в международном морском праве представляется спорным. В виду отсутствия и твердо установленной практики можно считать, что вопрос этот подлежит разрешению с точки зрения международной куртуазии в отрицательном смысле, т.е. в смысле нераспространения права задержаний морских судов на торговые суда, принадлежащие иностранным государствам. Однако, следует иметь в виду, что на недавно состоявшейся в Генуе (в ноябре 1925 г.) очередной сессии *Comitee Mars time Internatimal* вопрос этот получил обратное решение и сессия высказалась против предоставления каких либо льгот или изъятий морским торговым судам, принадлежащим к государственным флотам» [10, л. 52].

Примечательна судьба парохода «Тверь», попавшего в руки итальянских властей и проданного ими компании «Ллойд Триестино», и переименованного в «София». Это был новый пароход, и его возвращению уделялось значительное внимание, а потому Доброфлот начал против «Ллойд Триестино» судебный процесс. Впрочем, Доброфлот служил в таких делах часто лишь ширмой. Сам же пароход изначально хотел заполучить Совторгфлот. 18 января 1926 г. управляющему главной черноморско-азовской конторой СТФ Тихонову сообщили о схеме покупки: во-первых, п/х «Тверь» приобретает СТФ по цене 19.000 ф. ст., из этой суммы СТФ уплачивало 15.230 ф. ст. «Ллойд Триестино», а 3.750 ф. ст. перечисляло Доброфлоту, который давал свое согласие на эту сделку и прекращает судебное дело в «Ллойд Триестино».

Во-вторых, осмотр парохода назначен был в Константинополе, хотя предварительный осмотр произведен в Триесте уполномоченным СТФ Амброжисом, сообщившим хорошие результаты этого осмотра.

В-третьих, сдача и приемка п/х намечалась в Одессе по внесению причитающейся суммы «Ллойд Триестино» в одном из отделений Роскомбанка за границей. Так обстояла формально эта сделка, как указывалось в письме: «Вы понимаете, что фактически СТФ за этот п/х «Тверь» платит 15.200 ф. ст., а с Доброфлотом расчет будет произведен в порядке наших взаимоотношений с ним».

СТФ был заинтересован в том, чтобы возможно скорее закончить эту сделку и поэтому предписывал немедленно отправить комиссию для осмотра и приемки п/х в Константинополь. Требовалось это сделать с первым отходящим п/х, т.е. не позднее 14 января 1926 г. Если бы возникли сложности с визами и паспортами, предлагалось прибегнуть к способу включения специалистов в состав экипажа п/х.

Председатель правления СТФ Ленцман настаивал на личной поездке Тихонова в Константинополь, а если это было невозможно, то предлагалось командировать достаточно компетентных и ответственных лиц. Результаты требовалось телеграфировать «шифром нам срочно из Константинополя... окончательное оформление сделки будет заключено здесь, в Москве правлением СТФ и Представителем Ллойд Триестино...» [262, л. 1–4].

Новость о возвращении «Твери» была опубликована в газете «Правда» № 6 от 8 января, однако несколько под иным углом: писалось, что пароход просто возвращают. Ленцман просил Тихонова снестись с редакцией газеты и просить не размещать без согласования никакой информации об имуществе Доброфлота [11, л. 7].

Как известно, покупка данного парохода состоялась. В правление СТФ было сообщено, что 11 февраля 1926 г. в Константинополе после осмотра был куплен п/х «София» («Тверь»). Он получил название «Теодор Нетте» и уже 26 февраля был отправлен по Крымско-Кавказской линии в рейс [11, л. 9–10].

Как видно из представленного материала, руководством СССР в первой половине 1920-х гг. предпринимались значительные усилия по возвращению в страну судов национализированного частновладельческого флота. Эти меры не всегда сов-

падали с международным правом и установившейся практикой, часто встречая отказы, сложно мотивированные отказы в судебных учреждениях различных государств. Основными же правовыми основаниями к такой борьбе были не только известный декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. о национализации частновладельческих торговых судов и изданные в его исполнение инструкции и другие нормативные документы, но и то, что Российское государство принимало активное участие в создании, финансировании и развитии различных пароходных обществ. Исходя из этого, новая власть считала себя вправе претендовать на их имущество. В случае с Черноморско-Азовским регионом речь идет о Русском обществе пароходства и торговли и Русском Дунайском Пароходстве, являвшихся важнейшими игроками на этом рынке.

Список литературы:

1. Собр. Узак. РСФСР, 1918, № 19, ст. 290.
2. Государственный Архив Одесской Области, ф. Р-1965, оп. 4, д. 16. Выписка из протокола заседаний главного акционерного комитета при СНК о заключении агентских договоров с иностранными фирмами. Списки судов бывшего русско-дунайского пароходства захваченных Румынией. Сведения об убытках, причиненных турецкими воинскими властями в 1914-1918 г., предприятиям черноморского флота. 1.01.1923-31.12.1923. 41 л.
3. Государственный Архив Николаевской области, ф. Р-129, оп. 1, д. 119. Протоколы заседаний технической комиссии. Акты передачи, осмотра и проведенного ремонта судов и шлюпок. 28.03-5.10.1922 г. 189 л.
4. Там же, Р-129, оп. 2, д. 3. Стенограмма директивного доклада т. Дзержинского на фракции пленума Правлений. Постановления и циркуляры НКПС и ЦК РКП о заработной плате. Приказы по центральному Управлению Морского Транспорта о порядке осведомления печати о положении дел порта и др. Список уволенных сотрудников управления порта. 1923 г.
5. Государственный Архив Одесской Области, ф. Р-1965, оп. 4, д. 37. Протоколы совещаний ответственных работников морфрактоконтор и Одесской конторы о снабжении продовольствием иностранных пароходов. 4.06.1924-31.12.1924. 121 л.
6. Там же, ф. Р-1965, оп. 6, д. 36. Постановления, приказы и циркуляры СНК СССР, наркомата труда и рабоче-крестьянской инспекции и путей сообщения. 1926.
7. Государственный Архив Николаевской области, ф. Р-129, оп. 2, д. 39. Циркуляры НКПС СССР о сдаче в аренду «Экспортхлебу» портовых складов и др. 29.01.1929-21.12.1929 г. 38 л.
8. Государственный Архив Одесской Области, ф. Р-1965, оп. 4, д. 16. Выписка из протокола заседаний главного акционерного комитета при СНК о заключении агентских договоров с иностранными фирмами. Списки судов бывшего русско-дунайского пароходства захваченных Румынией. Сведения об убытках, причиненных турецкими воинскими властями в 1914-1918 г., предприятиям черноморского флота. 1.01.1923-31.12.1923. 41 л.
9. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М.-Л., Международная книга, 1938. – 347 с.
10. Государственный Архив Одесской Области, ф. Р-1965, оп. 6, д. 20. Переписка с правлением, фрахтовым бюро и другими организациями о фрахтовании судов заграничного плавания. 1925.
11. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 53. Переписка с правлением Совторгфлота по вопросам покупки и продажи судов. 1926.

Zmerzly B. Legal adjusting of return of trade courts in property of the USSR in the first half 1920th // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – Р. 14—28.

Managing the USSR in the first half 1920th was undertake considerable efforts on a return in the country of courts of the nationalized частновладельческого fleet. These measures not always coincided with an international law and set practice, often meeting refuses the difficult motivated refuses in judicial establishments of the different states. Basic legal grounds to such fight it was been not only well-known decree of Advice of Folk Commissars of RSFSR from January, 26 1918 at nationalizations of private proprietors trade courts and instructions and other normative documents published in his execution but also that the Russian state accepted

active voice in creation, financing and development of different steamship societies. On this basis new power counted itself in a right to apply on their property. In case with a region Black and Азовского seas the question is about Russian society of steamship line and trade and Russian Danube steamship Line, being major players at this market.

Keywords: nationalization, mercantile fleet, right of ownership, steamship line, decree.

Spisok literaturyi:

1. Sobr. Uzak. RSFSR, 1918, № 19, st. 290.
2. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 4, d. 16. Vyipiska iz protokola zasedaniy glavnogo aktsionernogo komiteta pri SNK o zaklyuchenii agentskih dogovorov s inostrannymi firmami. Spiski sudov byivshego russko-dunayskogo parohodstva zahvachennyih Rumyniyei. Svedeniya ob ubytkah, prichinenyih turetskimi voinskimi vlastyami v 1914-1918 g., predpriyatiyam chernomorskogo flota. 1.01.1923-31.12.1923. 41 l.
3. Gosudarstvennyy Arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-129, op. 1, d. 119. Protokolyi zasedaniy tehnikeskoy komissii. Aktyi peredachi, osmotra i provedennogo remonta suden i shlyupok. 28.03-5.10.1922 g. 189 l.
4. Tam zhe, R-129, op. 2, d. 3. Stenogramma direktivnogo doklada t.Dzerzhinskogo na fraktsii plenkma Pravleniy. Postanovleniya i tsirkulyari NKPS i TsK RKP o zarabotnoy plate. Prikazyi po tsentralnomu Upravleniyu Morskogo Transporta o poryadke osvedomleniya pechati o polozhenii del porta i dr. Spisok uvolennyih sotrudnikov upravleniya porta. 1923 g.
5. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 4, d. 37. Protokolyi soveschaniy otvetstvennyih rabotnikov morfraktkontor i Odesskoy kontoryi o snabzhenii prodovolstviem inostrannyih parohodov. 4.06.1924-31.12.1924. 121 l.
6. Tam zhe, f. R-1965, op. 6, d. 36. Postanovleniya, prikazyi i tsirkulyari SNK SSSR, narkomata truda i raboche-krestyanskoy inspeksii i putey soobscheniya. 1926.
7. Gosudarstvennyy Arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-129, op. 2, d. 39. Tsirkulyari NKPS SSSR o sdache v arendu «Eksporthlebu» portovyih skladov i dr. 29.01.1929-21.12.1929 g. 38 l.
8. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 4, d. 16. Vyipiska iz protokola zasedaniy glavnogo aktsionernogo komiteta pri SNK o zaklyuchenii agentskih dogovorov s inostrannymi firmami. Spiski sudov byivshego russko-dunayskogo parohodstva zahvachennyih Rumyniyei. Svedeniya ob ubytkah, prichinenyih turetskimi voinskimi vlastyami v 1914-1918 g., predpriyatiyam chernomorskogo flota. 1.01.1923-31.12.1923. 41 l.
9. Vneshnetorgovyy transport. Pod obschey red. A. D. Keylina. – M.-L., Mezhdunarodnaya kniga, 1938. – 347 s.
10. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 6, d. 20. Perepiska s pravleniem, fraktovyim byuro i drugimi organizatsiyami o fraktovanii sudov zagranichnogo plavaniya. 1925.
11. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 53. Perepiska s pravleniem Sovtorgflota po voprosam pokupki i prodazhi sudov. 1926.

УДК 344.3/462 (470-571)

ПОДГОТОВКА САНИТАРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУ СССР И ТУРЦИЕЙ В 1929–1930 ГГ.

Лесь Г. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Активное развитие внутреннего законодательства о санитарно-эпидемиологической охране границ совместно с постепенным принятием международных норм, действующих в этом вопросе к середине 1920-х гг., заставили руководство СССР взяться за решение круга политических, организационных и санитарно-эпидемиологических проблем. Важным партнером при этом была Турецкая Республика. В процессе подготовки парижской санитарной конференции 1926 г. 10 марта 1925 г. СНК СССР принял Положение «о санитарной охране морских границ СССР». Однако уже 30 апреля 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении временного положения о санитарной охране границ Союза ССР». Оно вводилось в действие со дня опубликования в «Собрании Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР» акта о присоединении СССР к Парижской Международной Санитарной Конвенции 17 января 1912 г. Учитывая неполное соответствие действовавших отечественных санитарно-эпидемиологических норм международным (санитарной конвенции 1926 г.), была сделана попытка разрешения возникших разногласий с помощью двусторонних соглашений, для которых и готовилась специальная конференция сначала в 1929 г. и перенесенная на 1930 г. Свертывание паломнического движения ликвидировало необходимость ее проведения.

Ключевые слова: санитарная конференция, СССР, Турецкая Республика, паломническое движение.

Необходимость изучения имеющегося медицинского, исторического, организационного и, наконец, правового опыта человечества в борьбе с распространением инфекционных заболеваний неоспорима. Обосновывается это и тем, что правовое регулирование вопросов санитарно-эпидемиологической охраны границ является актуальным и в современный период глобальной экономики и массовой миграции населения. При этом историография проблемы весьма немногочисленна. В основном в выявленных нами работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб и соответствующего отраслевого законодательства. Необходимо указать, что историография проблемы представлена работами ученых с имперского и до современного периодов. Среди них, очевидно, следует отметить труды таких исследователей, как Моисеев П. П., Резников А. Б., Черников И. Ф., Лавров Н. М., Миллер А. Ф., Эрисман, Галанин М. И., Воронина Е. О., Змерзлый Б. В. [1–9].

Сложная санитарно-эпидемиологическая ситуация, сохранявшаяся в Европе и на Востоке после событий 1917–1920-х гг., развитие паломнического движения из СССР во второй половине 1920-х гг., а также значительное усиление экономических связей посредством торгового мореплавания и многое другое ставило на повестку дня урегулирование различных вопросов санитарно-эпидемиологического характе-

ра между СССР и Турцией вне рамок существующих и общепризнанных конвенций и правил, детализировать отдельные применявшиеся подходы и спорные вопросы.

К тому же необходимо было урегулировать взаимоотношения с Турцией на основе быстро меняющегося и совершенствующегося санитарного общесоюзного законодательства. Как помним, в процессе подготовки парижской санитарной конференции 1926 г. 10 марта 1925 г. СНК СССР принял Положение «о санитарной охране морских границ СССР». Однако уже 30 апреля 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении временного положения о санитарной охране границ Союза ССР». Оно вводилось в действие со дня опубликования в «Собрании Законов и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Союза ССР» акта о присоединении СССР к Парижской Международной Санитарной Конвенции 17 января 1912 г.

Следующим шагом стало создание специальным постановлением от 1 июля 1927 г. общесоюзного бюро заграничной санитарной информации (далее – ОБЗСИ). На данный орган была возложена координация санитарных и антиэпидемиологических усилий внутри СССР, сбор и распространение информации за рубежом и т.д. Именно ОБЗСИ принимало наиболее активное участие в подготовке конференции по санитарным вопросам с Турцией, решение о начале работы которой изначально планировалось в 1929 г.

27 ноября 1929 г. состоялось заседание при ОБЗСИ, на котором присутствовали: директор ОБЗСИ В. Асаткина, проф. Сусин, от УПС – доктор Метаксе, от НКЗ УССР – начальник Водно-Санитарного управления, доктор Аркадий Моисеевич. В ходе работы Асаткина информировала собравшихся о перенесении предлагавшейся конференции с Турцией по просьбе последней на весну 1930 г. Воспользовавшись дополнительным временем до работы конференции, доктор Кригер предложил обсудить вопросы, которые НКЗУ считало необходимым предложить вниманию конференции, а именно:

1. Взаимное телеграфное уведомление о всех случаях чумы, холеры и т.д. в портах и городах и вообще обмен инфекционными сводками (месячными) между Турцией и СССР.

2. Взаимный обмен месячными сводками о работе по крысоисследованию эктопаразитов и проч.

3. Толкование необходимости санитарных мероприятий в отношении пассажирских судов, где количество пассажиров превышает 5% тонн нетто (скученность), предлагалось видоизменить так: нужно руководствоваться количеством спальных мест, отмечаемых в пассажирском свидетельстве (Росс. рег. и сан. орг.). Кроме того, санитарные мероприятия, примененные в порту отправления (баня, вакцинация, дезинфекция) не должны быть повторяемы в порту прибытия, если конечно за время перехода на судне не было какого-либо инфекционного заболевания (чумы, холеры, желтой лихорадки, оспы и сыпного тифа).

4. Свидетельство о дератизации должно быть в силе 6 месяцев. Новая дератизация (способ любой) могла быть произведена лишь в порядке ст. 28 и 45 Международной Санитарной Конвенции (далее – МСК) 1926 г.

5. Такса оплаты мероприятий (в соответствии МСК 1926 г.) не должна превышать себестоимости (ст. 78 и 55).

6. Раз в два года совместные совещания представителей водно-санитарных организаций СССР и турецкого побережья по санитарной охране границ и проч.

7. Патент должен быть составлен не на одном национальном языке (русский или турецкий), но и на французском или английском.

Аркадий Моисеевич настаивал, что три пункта вышеупомянутых предложений (3-й, 4-й и 7-й) желательно в срочном порядке разрешить положительно, не дожидаясь конференции, путем передачи этих предложений Турции через Наркоминдел, так как непризнание карантинными Турцией свидетельств о санобработке, выданных санитарными организациями СССР, своеобразные требования при перевозке реэмигрантов 5% к тонн. нетт., требование о дератизации через каждые 40 дней подрывали авторитет НКЗ и наносили довольно существенный материальный ущерб хозорганам СТФ и проч. (простой судна, обратная посылка в карантинные пункты, санобработка судна, пассажиров и проч.). Все эти предложения Кригера были поддержаны [10, л. 79].

Следует также отметить, что, прорабатывая все необходимое для планируемой конференции с Турцией, Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации при Наркомздраве РСФСР обсуждало и изменяло проекты будущих соглашений, но и на основе этого планировалось пересмотреть проект нового закона о санитарной охране границ [10, л. 107].

Новая дата открытия конференции была назначена на 10 июня 1930 г. [10, л. 109].

Как указывает в своей работе Резников А. Б., в мае 1930 г. Наркомат здравоохранения РСФСР через полпредство в Турции «направил приглашение г. Серверу Кямиль-бею, профессору бактериологии и санитарии Стамбульского университета, г. Садык-бею, генеральному директору департамента социальной помощи Министерства гигиены, и г. Рифат-бею, главному врачу детского госпиталя в Стамбуле, посетить СССР с целью ознакомления с медицинскими, санитарными и научными учреждениями Союза» [4, с. 279–286]. Однако это приглашение, по нашему мнению, было лишь частью дипломатической переписки в ходе подготовки санитарной конференции.

Так, 23 мая 1930 г. состоялось заседание при водно-санитарном управлении Черного и Азовского морей, на котором была заслушана информация по поводу предстоящего приезда турецкой медицинской делегации в СССР. Заседание постановило, во-первых, поручить т. Кригеру (начальник Водсанупра) организацию встречи делегации, извещения о дне и часе прибытия делегации в Одессу следующих лиц: начальника порта, председателя горсовета, ректора медицинского и-та и т.д. Во-вторых, просить начпорта ускорить приведение в надлежащее санитарное состояние территории порта. В-третьих, делегацию встретить всеми вышеупомянутыми представителями на рейде. В-четвертых, гостиничному объединению по распоряжению горсовета приготовить номера в Лондонской гостинице.

В-пятых, была утверждена программа 1-го дня после отдыха, а именно: посещение территории порта, знакомство с санитарными установками и проч. На второй день планировалось посещение окружной больницы, станции скорой помощи Бакинститута, Тубинститута, Лузановки, Мадина, Детгородка. Завершался второй день пребывания делегации Турции ее отъездом в Москву скорым поездом поздним вечером того же дня [11, л. 1].

В этот же день, т.е. 23 мая 1930 г., Кригер сообщил народному комиссару здравоохранения УССР о том, что им получены от директора Бюро Заграничной Санитарной Информации НКЗ РСФСР материалы по поводу приезда в ближайшие дни в СССР медицинской турецкой делегации. Состав ее был следующим: 1) директор социальной помощи министерства гигиены Садык-Зия, 2) профессор бактэрологии Стамбульского университета Ставер-Киамильз, 3) главный врач детского госпиталя в Стамбуле д-р Рифат.

Согласно принятому решению на совещании при Наркоминделе во время пребывания Кригера в Москве и в отношении полученных им указаний на него возлагалась организация переезда делегации из Константинополя до Одессы на п/х СТФ, для чего им были получены в СТФ разрешения на бесплатный проезд в 1 классе делегатов, отдано распоряжение о питании их в дороге за счет сумм ассигнованных ОБСЗИ и, самое главное, «получен проект санитарной Конвенции, подлежащий обсуждению на предстоящей Конференции с Турцией в июне месяце...» [11, л. 2].

Продолжая работу в заданных направлениях, Кригер писал 29 мая в отдел транспортной медицины о том, что «Водсануправління акцентувало увагу на вимогах карантинів Бл.Сходу про окурку пароплавів через кожні 40 днів, замість 6-місячного терміну, прийнятого санконвенцією й непризначення ними сансвідочств, виданих Водсанупром після санобробки пасажирів – реемігрантів. ВСУ також вказало на необхідність виставити моменти про безпосредню взаємну інформацію щодо становища портів і епідзахворюваннях» [11, л. 6].

Кроме того, получив на руки проект санитарной конвенции, он выдвинул со своей стороны «Желательные поправки к санитарной конвенции с Турцией» [11, л. 8].

Текст	Мотивировка
1.К ст. 4 добавить после слова извещения «по радио непосредственно из портов в порты»	Ценной является только возможно ранняя информация, ввиду краткости инкубационного периода и длительности перехода судов из порта в порт
2.К ст. 6-й исключить «периодически публикуемые»	По той же причине
3.К ст. 8-й добавить: «в частности, на тряпье коды и всякие отбросы животного происхождения должны быть приложены к санпатентам свидетельства ветсаннадзора о безопасности этих грузов	Так как это важно именно в момент получения судном практики, а не после выгрузки и вывоза груза
4).К ст. 12-й исключить: «в этих исключительных случаях».	Так как случаи прибытия судов без врача из неблагополучного порта слишком часты.
5) К ст. 19-й исключить: «задержка для обсервации здоровых лиц не допускается».	Окружавшие больного, которые обычно обсервируются, не могут считаться здоровыми до истечения инкубационного периода.

К сожалению, самого проекта конвенции мы не обнаружили, однако смысл его из собранных отрывочных сообщений вполне ясен.

2 июня 1930 г. в Водно-Санитарном управлении состоялось заседание комиссии по вопросам о карантинных формальностях при плавании в портах Ближнего Востока. На нем присутствовали: от СТФ Черного моря капитаны: Симич, Снарковский, Петров, Кулик, Александров, Кондрацкий; собственно начальник ВСУ Кригер, карантинный врач Баевский, Маркушевский, Левченко. Не явились представители контрольно-пропускного пункта ГПУ и капитан порта. На заседании был заслушан доклад д-ра Кригера о предстоящем заключении санитарной конвенции в Турции и необходимости выяснить все моменты стеснительных мер, инциденты и конфликты санитарного характера, имевшие место в портах Ближнего Востока и применявшиеся к советским судам.

Водно-Санитарное управление со своей стороны считало необходимым выставить следующие моменты предстоящей конференции:

1) взаимная полная информация, независимо от бюллетеней Международного Бюро Санитарной Информации, о всех данных, касающихся конвенционных заболеваний (чума, холера, желтая лихорадка, сыпной тиф, оспа);

2) применении общепринятого 6-месячного срока действительности свидетельства о дератизации;

3) о признании мер санитарного характера, применяемых при отходе в советских портах (баня, дезинфекция, прививки) и неповторения их в других портах Ближнего Востока;

4) подчеркнуть необходимость точного выполнения правила о таксе за санитарные мероприятия – размер себестоимости;

5) необходимость составления патента на одном лишь национальном языке, а также на английском или французском.

В прениях все предложения ВСУ признали рациональными, в результате чего комиссия постановила считать желательным получение разрешения схода на берег в Александрии вместе с капитаном и судового врача для возможности получения более полных сведений санитарно-эпидемиологического характера, а также пожелания, чтобы приемка судов в портах Ближнего Востока производилась как и в советских портах: от восхода до захода солнца, а также, чтобы суда, идущие в порты приписки, имели бы месячный льготный срок для производства дератизации [11, л. 9].

По имеющейся информации, турецкая делегация должна была приехать на пароходе «Новороссийск» 16 июня 1930 г., о котором без стеснения указывалось, что «кстати пароход довольно неважный» [11, л. 7]. Как и подобает в таких случаях, капитану и врачу были даны соответствующие указания.

Последующие события по поводу данной конференции, к сожалению, нам неизвестны, очевидно, что стороны не пришли к взаимному соглашению. Однако, возможно именно это и стало причиной того, что опытный врач А. М. Кригер перестал возглавлять Водно-Санитарное Управление, а его место занял Ингульский, занимавший неоднократно весьма жесткую позицию в деле санитарно-эпидемиологической охраны границы. Так, как известно, в целях последовательного развития взаимоотношений между двумя странами с 24 сентября по 3 октября 1930 г. в Москве находился с визитом министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту Арас. При его прибытии совещание при Наркоминдел решило принять министра иностранных дел Турецкой Республики без соблюдения карантинных фор-

мальностей, однако этому воспротивился Ингульский и остановил пароход «Чичерин» на малом рейде, туда был отправлен дежурный санитарный врач, только после чего на п/х были допущены члены советской делегации [10, л. 164].

Одной из причин свертывания переговоров, очевидно, стоит считать тот факт, что к 1930 г. в СССР фактически перестали заигрывать с мусульманами, в связи с чем паломническое движение фактически было прекращено. Таким образом, и переговоры вести было уже не о чем. По тем же причинам не состоялось подписание соответствующей конвенции между СССР и Ираном, также готовившейся в этот период.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: активное развитие внутреннего законодательства о санитарно-эпидемиологической охране границ совместно с постепенным принятием международных норм, действующих в этом вопросе к середине 1920-х гг., заставили руководство СССР взяться за решение круга политических, организационных и санитарно-эпидемиологических проблем. Важным партнером при этом была Турецкая Республика. Учитывая неполное соответствие действовавших отечественных санитарно-эпидемиологических норм международным, была сделана попытка разрешения возникших разногласий с помощью двусторонних соглашений, для которых и готовилась специальная конференция сначала в 1929 г. и перенесенная на 1930 г. Свертывание паломнического движения ликвидировало необходимость ее проведения.

Список литературы:

1. Моисеев П. П. Российско-турецкие отношения в период 1920-1939 гг.: анализ научных публикаций с позиции нового мышления // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. - М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – С. 125.
2. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. – М., 1948. – 280 с.
3. Миллер А. Ф. Краткая история Турции. – М.: Политиздат, 1948. – 304с.
4. Лавров Н. М. Турция в 1918-1956 годах. Учебный материал. – М., 1956. – 56 с.
5. Черников И. Ф. В интересах мира и добрососедства: (О советско-турецких отношениях в 1935-1970 гг.). – Киев: Наукова думка, 1977. – 200 с.
6. Резников А. Б. Советско-Турецкие культурные и научные связи в 1920-30-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №1. – С. 279 – 286.
7. Эрисман. Холера. Эпидемиология и профилактика / Эрисман. – М., 1893. – 150 с.
8. Галанин М. И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств / М.И. Галанин. – СПб., 1892. – 178 с.
9. Змерзлый Б. В., Воронина Е.О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). – Симферополь, 2014. – 261 с.
10. Государственный Архив Одесской Области, ф., Р-5300, оп. 2, д. 15. Циркуляры Наркомздрава УССР. Постановления ЦИК ВКП(б). Выписки по проверке рядового и командного состава судов заграничного плавания. Списки сотрудников Управления. Переписка о личном составе и о санитарном состоянии судов. 1928-1930 г.
11. Там же, ф. Р-5300, оп. 1, д. 16. Протоколы заседаний водно-санитарного управления и переписка о подготовке к приезду в СССР турецкой медицинской делегации. 1930 г.

Les G. Preparation of sanitary conference between the USSR and Turkey in 1929 - 1930 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 29–35.

Active development of domestic law about the санитарно-эпидемиологической guard of borders together with the gradual acceptance of international norms, operating in this question to the middle of 1920th compelled guidance of the USSR to take up the decision of circle political, organizational and sanitary and

epidemiology problems. An important partner here was Turkish Republic. in the process of preparation of parisian sanitary conference 1926, on March, 10 1925 Advice of the Folk Commissars USSR accepted a decision Statute "about the sanitary guard of marine borders of the USSR". However already on April, 30 1926 Advice of the Folk Commissars and Central Executive committee Union of SSR accepted a decision "About claim of temporal position about the sanitary guard of borders of Union of SSR". It was put in an operation from the day of publication in "Collection of Laws and Orders of Working-peasant Government of Union of SSR" of act about tacking of the USSR to Parisian International Sanitary Convention of January, 17 1912 Taking into account the complete falling short of operating home sanitary and epidemiology norms international (to sanitary convention 1926), was done attempts of permission of arising up disagreements by means of bilateral agreements for that the special conference prepared first in 1929, and carried on 1930 Rolling up of pilgrim motion liquidated the necessity of her realization.

Keywords: sanitary conference, USSR, Turkish Republic, pilgrim motion.

Spisok literaturyi:

1. Moiseev P. P. Rossiysko-turetskie otnosheniya v period 1920-1939 gg.: analiz nauchnykh publi-katsiy s pozitsii novogo myshleniya // Rossiysko-turetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy. -M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2003. – S. 125.
2. Miller A. F. Ocherki noveyshey istorii Turtsii. – M., 1948. – 280 s.
3. Miller A. F. Kratkaya istoriya Turtsii. – M.: Politizdat, 1948. – 304s.
4. Lavrov N. M. Turtsiya v 1918-1956 godah. Uchebnyiy material. – M., 1956. – 56 s.
5. Chernikov I. F. V interesah mira i dobrososedstva: (O sovetско-turetskikh otnosheniyah v 1935-1970 gg.). – Kiev: Naukova dumka, 1977. – 200 s.
6. Reznikov A. B. Sovetsko-Turetskie kulturnye i nauchnyie svyazi v 1920-30-e gg. // Teoriya i prak-tika obschestvennogo razvitiya. – 2014. – №1. – S. 279 – 286.
7. Erisman. Holera. Epidemiologiya i profilaktika / Erisman. – M., 1893. – 150 s.
8. Galanin M. I. Meropriyatiya protiv holeryi russkogo i inostrannykh pravitelstv / M.I. Gali-nin. – SPb., 1892. – 178 s.
9. Zmerzlyiy B. V., Voronina E.O. Pravovyye osnovy sozdaniya i deyatelnosti karantinnykh uchrezh-deniy v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoy gubernii). – Simferopol, 2014. – 261 s.
10. Gosudarstvennyiy Arhiv Odesskoy Oblasti, f., R-5300, op. 2, d. 15. Tsirkulyari Narkomzdrava USSR. Postanovleniya TsIK VKP(b). Vyipiski po proaerke ryazhovogo i komandnogo sostava sudov zagranichnogo plavaniya. Spiski sotrudnikov Upravleniya. Perepiska o lichnom sostave i o sanitarnom sostoyanii sudov. 1928-1930 g.
11. Tam zhe, f. R-5300, op. 1, d. 16. Protokolyi zasedaniy vodno-sanitarnogo upravleniya i pe-repiska o podgotovke k priezdu v SSSR turetskoy meditsinskoy deligatsii. 1930 g.

УДК 349.4 (477.75) «1920/1921»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ В РЕВКОМОВСКИЙ ПЕРИОД (НОЯБРЬ 1920 – НОЯБРЬ 1921 ГГ.).

Таран П. Е.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассматриваются нормативно-правовые акты, которые после окончательного установления в Крыму советской власти использовались местными советскими органами для регламентации земельных отношений в ноябре 1920 – ноябре 1921 гг. Рассмотрены различные законодательные акты изучаемого периода по земельным вопросам, в том числе и принятые в период руководства Крымом Врангелем. Приведены точки зрения различных ученых по данной проблеме, зачастую диаметрально противоположные. На основе проведенного исследования и анализа, в том числе архивных документов, сделан вывод о том, что обвинение советских органов в сознательном нарушении советского аграрного законодательства не имеет под собой оснований.

Ключевые слова: Крым, Крымревком, Крымземотдел, ревкомовский период, закон, приказ, инструкция, земельные отношения, совхоз, колхоз, социализация, трудовое землепользование.

Имеется немало публикаций, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с регулированием в Крыму земельных отношений в ревкомовский период (ноябрь 1920 – ноябрь 1921 гг.). Они в значительной степени по-разному определяют их правовую основу. По мнению Т. Н. Надинского, на полуострове в это время успешно реализовывалось советское аграрное законодательство [6, с. 15]. По убеждению Ж. Н. Моны, в основе ее лежали установления декрета о земле 1917 года [5, с. 58].

По утверждению А. А. Горюновой, Н. Е. Дементьева и А. В. Чебановой, в основе аграрных преобразований в ревкомовский период лежал «Основной закон о социализации земли» 1918 года [4, с. 138–203].

Иная точка зрения у А. Г. Семина и А. А. Горчакова: при их проведении руководствовались «Положением о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» 1919 года [2, с. 182].

Регулирование земельных отношений в Крыму в годы гражданской войны не представляло собой единый правовой процесс. В нем следует выделить пять значительно отличавшихся друг от друга периодов. Причина этого заключалась в том, что все они имели место в сменявшихся друг друга и отличавшихся региональных государственных образованиях, существовавших в Крыму в 1918–1920 годах.

Во время каждого из этих периодов регламентация земельных отношений имела свои особенности, происходила на основе разной нормативно-правовой базы с использованием при этом неодинаковых правовых механизмов и способов реализации правовых предписаний.

Общим для всех периодов было то, что регулирование в них земельных отношений отличалось незавершенностью, непоследовательностью и противоречивостью, причиной которых было сравнительно непродолжительное их существование.

Возникновение каждого нового крымского государственного образования сопровождалось изменением существовавших в прежнем земельных отношений в противоположном направлении.

Наиболее активно и разумно их преобразование происходило при Врангеле, издавшего для этого специальный «Закон о земле» (1920 г.). Его целью было установление в каждой сельской местности ограниченных размеров земельной собственности крупных ее владельцев и передача выявленных при этом земельных излишков крестьянским хозяйствам, размеры земельной собственности которых тоже ограничивались.

Врангелевская земельная реформа должна была привести к формированию в крымском селе основного слоя его обитателей – зажиточных крестьян – земельных собственников. Однако начатые Врангелем земельные преобразования не были им доведены до конца из-за непродолжительности существования его государственного образования. В итоге к концу гражданской войны в Крыму земельные отношения, в отличие от других регионов, не были преобразованы на основе советского аграрного законодательства.

В ноябре 1920 года на полуострове была окончательно установлена советская власть. Сразу после этого политотделами Красной армии здесь была учреждена система разного уровня ревкомов, возглавлявшаяся Крымревкомом. Это были временные чрезвычайные органы советского управления.

В это время местное малоземельное и безземельное крестьянство сильно волновал земельный вопрос – вопрос о распределении среди него земель нетрудового использования. Учитывая это, Крымревком стал издавать по земельному вопросу свои нормативные акты, которые имели форму его административных приказов и действие которых распространялось на подконтрольную ему территорию полуострова.

При этом Крымревком не торопился распространять на нее действие советского аграрного законодательства и приступать к распределению среди местного крестьянства земель нетрудового пользования. Он, наоборот, стремился не допустить его наделения, что нашло отражение в изданных им приказах.

Регулирование Крымревкомом земельных отношений началось с издания им приказа о создании управления южнобережными совхозами, которых еще не существовало. А это управление 1 декабря 1920 года издало свой первый приказ, в котором объявлялось об изъятии у частных, ведомственных и государственных крупных земельных собственников всех их имений в районе от Судака до Севастополя и о преобразовании их в совхозы [7, с. 91].

Не предусматривал распределение земель нетрудового пользования среди крестьянства и приказ Крымревкома от 14 декабря 1920 года. В нем объявлялась национализация в Крыму всех частновладельческих, ведомственных и вакуфных имений. Местным ревкомом предписывалось принять их в свое ведение и в каждом из них создать совхозы. Им также предлагалось не допускать самовольного захвата их земель батраками и соседним крестьянством под угрозой применения к ним за это положений «революционных законов военного времени» [7, с. 92–93].

К концу 1920 года Крымземотдел с помощью местных ревкомов взял на учет 1134 национализированных имений [8; ф. Р-460, оп. 1, д. 351, л. 187]. Почти 1000 из них была преобразована в совхозы, а на землях остальных стали создаваться колхозы. 15 февраля 1921 года появилась изданная Крымским управлением совхозов

«Инструкция об управлении советскими хозяйствами», которая определяла функции и полномочия в этом управлении 14 созданных районных управлений [7, с. 98–99].

В советское время Крымревком обвиняли в том, что он по собственной инициативе, вопреки действовавшему тогда советскому аграрному законодательству, произвел почти сплошную совхозоизацию национализированных имений в Крыму.

Нам представляется, что для такого обвинения нет должных оснований, поскольку Крымревком на полуострове производил перестройку аграрных отношений на основе установлений последнего к тому времени советского аграрного закона «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». А в нем перед советскими и земельными органами в качестве первоочередной задачи ставилась организация в национализированных нетрудовых владениях совхозов и колхозов [1, с. 418]. На это же их ориентировала изданная НКЗ РСФСР 11 марта 1919 года «Инструкция по применению положения о социалистическом земледелии» [1, с. 452].

Осуществленная почти сплошная совхозоизация национализированных имений и их земель вскоре породила у руководителей Крымревкома и Крымземотдела сомнения в целесообразности и необходимости этого: и безземельное, и малоземельное крестьянство недовольно, и появилась реальная угроза того, что многие земли совхозов весной 1921 года останутся необработанными.

Опасаясь этого, Крымревком 2 января 1921 года издал приказ, которым предоставил местным крестьянам право на временное – «на один посев» – использование тех закрепленных за совхозами земель, которые они ранее арендовали [7, с. 96].

Одновременно Крымревком начал подготовку своего нормативного акта, который бы предусматривал иные, чем в нормах «Положений о социалистическом земледелии и о мерах перехода к социалистическому земледелию», некоторые принципы правового регулирования земельных отношений на полуострове.

И обвинять за это Крымревком в самовольном отступлении от этого действовавшего тогда аграрного закона нет оснований. Поскольку в примечании к 9-й статье этого закона местным советским органам дозволялось в порядке исключения отступать от предусмотренной этой статьей обязательной совхозоизацией нетрудовых земельных владений [1, с. 418].

В результате 24 июля 1921 г. появилось постановление Крымревкома «О наделении крестьян землей». В нем обращалось внимание на то, что это постановление соответствует «основам законодательства РСФСР в соответствии с крымскими условиями». Однако в нем не указывалось, каким из советских аграрных законов оно соответствует: или «Декрету о земле», или «Основному закону о социализации земли», или «Положению о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», в которых содержались неодинаковые установления относительно использования национализированных земель нетрудового пользования.

Изучение постановления Крымревкома «О наделении крестьян землей» показывает, что его основное положение было взято не из последнего советского аграрного закона – «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», а из «Основного закона о социализации земли»,

который не ставил задачу немедленного перехода к социалистическому земледелию.

Постановление ставило перед Крымземотделом и его местными органами иную задачу: «приступить к планомерному наделению нуждающихся крестьян землей как в единоличное использование, так и на артельных и коммунальных началах».

Оно предусматривало первоочередное наделение землей местного безземельного и малоземельного крестьянства, во вторую очередь – не крымского земледельческого населения, оказавшегося в годы гражданской войны на полуострове, и в третью очередь – местного неземледельческого населения [7, с. 111–112].

На Крымземотдел и его местные органы возлагалась задача создать «за счет сокращения земельной площади, занятой на сегодня советскими хозяйствами, земельный фонд для наилучшего обеспечения нуждающихся в земле».

При создании этого фонда следовало сохранить только те недавно созданные совхозы, которые «имели общегосударственное или показательное значение». Крымземотдел должен был до 15 августа 1921 г. провести районные крестьянские съезды, на которых «обсудить выборными от крестьянства» земельные нормы наделения крестьянских хозяйств в различных районах.

Кроме того, Крымземотделу поручалось до 15 сентября 1921 г. «согласовать результаты работы крестьянских съездов с целью выработки и утверждения четких норм землепользования в Крыму».

В постановлении Крымревкома «О наделении крестьян землей» имелось и предписание, которое отсутствовало и в «Основном законе о социализации земли», и в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».

В отличие от них оно не предусматривало применение в Крыму в процессе наделения крестьян землей принципа уравнительного землепользования, а устанавливало иной принцип: «утверждения твердых норм землепользования в Крыму, в соответствии с действительными производственными возможностями крестьян» [7, с. 111–112].

В крымских условиях 1921 года это было разумное установление, поскольку предоставленную местным крестьянам на основе уравнительности землю немногие из них имели возможность обрабатывать из-за отсутствия у них необходимого для этого сельхозинвентаря, что должно было иметь катастрофические последствия для сельскохозяйственного производства.

По этой же причине в постановлении Крымревкома отсутствовало положение «Основного закона о социализации земли» о наделении крестьянских хозяйств землей по количеству имевшихся в них душ. А разумно предписывалось при этом учитывать наличие в них достаточного количества трудоспособных, необходимого для обработки предоставляемого земельного участка [8; ф. 150, оп. 1, д. 185, л. 187].

В отличие от всех советских аграрных законов постановление Крымревкома предусматривало наделение местных крестьян землей на временной основе: только до издания особого земельного закона, который в будущем предполагалось издать на полуострове.

После появления постановления Крымревкома оно стало действующим административным актом, на основе которого началась работа по сокращению сети совхозов и по передаче земель, ликвидируемых совхозов в фонд наделения крестьян.

В августе и сентябре 1921 года состоялись районные крестьянские съезды, на которых были выработаны порайонные нормы наделения земель местных крестьянских хозяйств. А в октябре они были рассмотрены и утверждены Крымземотделом.

18 октября 1921 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о создании Крымской АССР [8; ф.Р-1235, оп. 96, д. 18, лл. 1, 6, 36]. В связи с этим 10 ноября 1921 года был проведен I Всекрымский учредительный съезд советов, на котором было провозглашено создание «по воле населения» Крымской автономной советской социалистической республики и принята ее конституция.

В ее статье 3 говорилось о том, что эта республика «принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все законодательные акты РСФСР, оставляя за собой право видоизменять их в соответствии с условиями и особенностями Крыма».

Учрежденная республика имела ограниченные полномочия для правотворчества в сфере регулирования в Крыму общественных, в том числе и земельных отношений. Главными правовыми источниками для этого должны были быть нормативно-правовые акты высших государственных органов РСФСР. Акты крымских республиканских органов не могли им противоречить.

I Всекрымский учредительный съезд советов принял и «Закон о земле». Несмотря на то, что ко времени его принятия основным советским аграрным законом было «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», его основу составляли предписания «Основного закона о социализации земли» 1918 года.

Этот крымский закон стал главным правовым источником, на основе установлений которого стало осуществляться регулирование земельных отношений на полуострове.

Список литературы:

1. Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). – Документы и материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 551 с.
2. Борьба большевиков за власть советов в Крыму. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 246 с.
3. Горюнова Е.А. Некоторые аспекты аграрной политики в Крыму (1921-1927 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 1. – С. 8–11.
4. Горюнова Е.А., Дементьев Н.Е., Чебанова А.В. Мероприятия органов власти Крыма по регулированию поземельных отношений в деревне в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 194–203.
5. Мона Ж.Н. Как был реализован в Крыму ленинский декрет о земле. // Крымская АССР. – 1921-1945 гг. – Вопросы-ответы. – Симферополь: Таврия. 1990. – Вып. 3. – С. 51–63.
6. Очерки по истории Крыма. – Ч. 3. – Крым в период социалистического строительства (1921-1941 гг.). – Симферополь: Крым. 1964. – 222 с.
7. Ревкомы Крыма. – Сборник документов и материалов. – Симферополь: Крым. 1968. – 243 с.
8. Государственный архив Республики Крым, ф. Р - 460, оп. 1, д. 351, л. 187.

Taran P. The regulation of land relations in Crimea in the period of revolutionary committees (November 1920 – November 1921) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 36-41.

In the article the normative-legal acts, which after final set-tion in the Crimea, the Soviet authorities used local Soviet authorities to regulate land relations in November 1920 – November 1921. Considered various pieces of legislation izuchaemogo period on land issues, including those taken in the Crimea by Wrangel. The point of view of various scholars on this issue, often linetrale opposite. On the basis of the conducted research

and analysis, including archival documents to concluded, the prosecution of the Soviet authorities that they had deliberately violated Soviet agrarian legislation, not baseless.

Key words: Crimea, Crimean revolutionary Committee, the Crimean land Department, law, order, instruction, land, farm, farm, socialization, employment land use.

Spisok literatury:

1. Agrarnaya politika Sovetskoj vlasti (1917–1918 gg.). – Dokumenty i materialy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 551 s.
2. Bor'ba bol'shevikov za vlast' sovetov v Krymu. – Simferopol': Krymizdat, 1957. – 246 s.
3. Goryunova E.A. Nekotorye aspekty agrarnoj politiki v Krymu (1921-1927 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 1997. – № 1. – S. 8–11.
4. Goryunova E.A., Dement'ev N.E., CHEbanova A.V. Meropriyatiya organov vlasti Kryma po regulirovaniyu pozemel'nyh otnoshenij v derevne v 1920-e gody // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 1998. – № 5. – S. 194–203.
5. Mona ZH.N. Kak byl realizovan v Krymu leninskij dekret o zemle. // Krymskaya ASSR. – 1921-1945 gg. – Voprosy-otvety. – Simferopol': Tavriya. 1990. – Vyp. 3. – S. 51–63.
6. Ocherki po istorii Kryma. – CH. 3. – Krym v period socialisticheskogo stroitel'stva (1921-1941 gg.). – Simferopol': Krym. 1964. – 222 s.
7. Revkomy Kryma. – Sbornik dokumentov i materialov. – Simferopol': Krym. 1968. – 243 s.
8. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. R - 460, op. 1, d. 351, l. 187.

УДК 342.41(470)

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ КАК СУБЪЕКТОВ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В работе исследуется опыт становления и функционирования автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в Советский период. Анализируются полномочия нормотворческих органов автономных областей по Конституциям СССР, Конституциям РСФСР и другим нормативно-правовым актам того периода. Рассматриваются особенности нормотворческой деятельности автономных областей, связанные с их уникальной особенностью по вхождению не только в состав РСФСР, но и одновременно в состав краевых объединений. Становление автономных областей как субъекта нормотворческой деятельности рассматривается исходя из происходивших изменений правового статуса автономий и перераспределения полномочий между автономными областями, краевыми объединениями и центральными органами власти. Рассматриваются основные черты, выделяющие автономные области от автономных республик и обычных административно-территориальных областей РСФСР.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-правовые акты.

Современный мир представляет собой сложнейший организм, высоко конкурентную среду, постоянно эволюционирующую и изменяющуюся. Государствам как важнейшим составным частям такой системы также необходимо непрерывно эволюционировать и совершенствоваться для соответствия потребностям общества. Важным направлением такого развития Российской Федерации является поиск оптимальной модели государственного устройства и механизмов функционирования государства, решение проблем взаимоотношений центра с регионами в вопросах поиска баланса полномочий в нормотворческой сфере. Решение этих и многих других вопросов невозможно без анализа и учета исторического опыта.

Целью работы является исследование опыта становления и функционирования автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в Советский период посредством анализа полномочий нормотворческих органов автономных областей, отличающих их от автономных республик и обычных административно-территориальных областей РСФСР; рассмотрение специфики нормотворческой деятельности автономных областей, связанных с их уникальной особенностью по вхождению не только в состав РСФСР, но и одновременно в состав краевых объединений; рассмотрение особенностей во взаимоотношениях автономных областей с центральными органами государственной власти.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: О. Е. Кутафина, Д. Л. Златопольского, Н. Я. Куприцы, А. И. Денисовой, И. Д. Левина, В. Н. Дурденевского, Н. И. Ефремовой и др. В рабо-

тах этих авторов, прямо или косвенно касающихся поставленной темы, анализ в рассматриваемом аспекте до сих пор не проводился.

Образование первой автономной области, как и самого названия «автономная область», было закреплено на правовом уровне впервые в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. «Об автономной Чувашской области» [1]. В дальнейшем с 1920 по 1922 гг. был принят ряд актов центральных органов государственной власти РСФСР, которые закрепляли образования целого ряда автономных областей (в 1922 г. – Адыгейская, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская; в 1930 г. – Хакасская). Последней среди автономных областей РСФСР была создана Еврейская автономная область (7 мая 1934 г.). На конституционном уровне первое упоминание об автономных областях появилось впервые в Конституции СССР 1924 г. в связи с установлением норм представительства в Совете Национальностей. В Совет Национальностей от каждой автономной области избиралось по 5 депутатов (в Конституции СССР 1936 г. количество депутатов, представляющих каждую автономную область, было увеличено до 11).

По сравнению с автономными республиками РСФСР автономные области обладали более низким правовым статусом и являлись не законодательными, а административными автономиями. В Конституции РСФСР 1925 г. автономным областям и республикам был посвящен уже целый раздел, который так и назывался «Об автономных советских социалистических республиках и областях». В нем устанавливалось, что основополагающим правовым актом в автономной области являлось «положение об автономной области», которое принималось съездом советов области и утверждалось Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, в то время как в автономных республиках основным законом служила конституция, которая подлежала утверждению не только во ВЦИКе, но и с последующим окончательным утверждением во Всероссийском съезде Советов.

К органам власти автономной области Конституция относилась только съезд Советов, ЦИК и Президиум ЦИК, в то время как автономная республика, представляя собой квазигосударственное образование, обладала высшими органами «государственной» власти, которые состояли из съезда Советов республики, ЦИКа, Президиума ЦИК, Совета народных комиссаров, народных комиссариатов, и даже наряду с общегосударственным своим гражданством. Также в разделе устанавливалось, что органы государственной власти в автономных областях образуются на основе Конституции РСФСР из областных советов, их съездов и областных исполнительных комитетов.

Как отмечал Златопольский Д. Л., правовая природа автономных областей была определена не сразу, а в ходе национально-государственного строительства. Так, в течение ряда лет после Октябрьской революции некоторые автономные области РСФСР имели государственный орган, которому было присвоено наименование высшего органа государственной власти центрального исполнительного комитета автономной области. В связи с этим 18 января 1926 г. ВЦИК издал Декрет «О реорганизации высших исполнительных органов власти в автономных областях в соответствии с Конституцией РСФСР» [2], в котором предлагалось «областным исполнительным комитетам автономных областей Калмыцкой, Чеченской, Кабардино-Балкарской и Северной Осетии впредь не применять к себе наименование «центральный исполнительный комитет» и именоваться согласно ст. 44 и 46 Конститу-

ции РСФСР областным исполнительным комитетами». По мнению Д. Л. Златопольского, этот Декрет еще раз подчеркнул существенную особенность автономной области, которая в отличие от автономной республики представляла собой административную форму автономии, не являвшуюся «государством» и потому не создававшую высших органов государственной власти [3, с. 120–123].

Существенное отличие автономной области как субъекта нормотворческой деятельности от автономной республики проявлялось в том, что нормотворческие органы автономной области, как и органы обычных административно-территориальных областей РСФСР, были ограничены правом принятия постановлений, а органы «государственной» власти автономной республики обладали более широкими полномочиями и могли принимать законодательные акты. На более низкий правовой статус автономной области указывало и то, что доходы и расходы входивших в РСФСР автономных республик, в отличие от автономных областей, в Конституции упоминались в качестве отдельной составной части общегосударственного бюджета [4, ст. 76, 80].

Таким образом, автономные области, как может показаться на первый взгляд, были приравнены в своем правовом статусе к обычным административно-территориальным областям РСФСР, однако это утверждение было бы ошибочным. Из работ Н. Я. Куприца, А. И. Денисова, И. Д. Левина, В. Н. Дурденевского и других ученых-правоведов, занимавшихся данной тематикой, можно выделить следующие отличительные черты, присущие только автономным областям:

- наличие специальной главы в Конституции РСФСР, посвященной автономным областям, и специальных положений, учитывающих их национальные особенности;
- представительство автономных областей в Совете Национальностей;
- особые полномочия Совета депутатов трудящихся: предварительное принятие и представление на утверждение верховного совета союзной республики Положения об автономной области, учитывая ее национальные особенности; утверждение избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей от автономной области [5, с. 19];
- имеет постоянного представителя при Отделе национальностей ВЦИК, входящего в совещание при этом отделе [6, с. 241];
- независимость в вопросах языка делопроизводства в органах власти, управления, суда [7, с. 29–30];
- привлечение в органы власти автономии представителей титульных наций;
- автономные права автономной области обеспечиваются особой гарантией юридической силы актов автономной области: решения и распоряжения исполкомов советов депутатов трудящихся автономных областей отменяются не вышестоящими исполкомами краевых советов, а Советом Министров РСФСР, и решения и распоряжения Советов депутатов трудящихся автономных областей меняются не вышестоящими краевыми советами, а Президиумом Верховного Совета РСФСР;
- автономные области обладают особыми правами на территорию. Это проявляется в том, что границы автономных областей их районное деление не устанавливаются, как в отношении краев и областей, а лишь утверждается органами союзной республики. Эти права обеспечиваются также и тем, что территория автономной области, впрочем, как и территория автономной или союзной республики, является исконной национальной территорией народа или была предоставлена ему советской властью

(Еврейская автономная область), не может быть изменена вышестоящими органами без согласия автономии [8, с. 260];

– автономная область носит, как правило, название проживающей на ее территории более или менее компактно национальности;

– все автономные области РСФСР включены в краевые объединения.

Последнее отличие относительно включения в краевые объединения являлось уникальной особенностью правового статуса автономных областей в советский период (как, впрочем, и автономных (национальных) округов) и вносило некоторые особенности при осуществлении нормотворческой деятельности. Все автономные области входили не только в состав РСФСР, но и одновременно в состав края, образуя тем самым уникальные по меркам мировой практики федеративного строительства сложносоставные территориальные образования. Положение о вхождении автономной области в состав края было впервые закреплено на конституционном уровне в Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г., однако начало таким образованиям было положено гораздо раньше (еще в 1923 г.). Именно в этот период началась реформа системы государственного устройства – «экономическое районирование». Необходимость такого вхождения аргументировалась тем, что автономная область являлась формой государственного строительства для малых народов, которые в силу ряда объективных причин отстали в экономическом, а также культурном развитии и особенно нуждались в постоянной и всесторонней помощи центра.

В свою очередь, как отмечает О. Е. Кутафин, сами автономные области, исходя из исторических и географических условий, могли успешно развиваться при поддержке не только центра, но и соседних с ними административно-территориальных образований, с которыми составляли единое целое в экономическом районировании страны. Это обусловило включение областных автономий в систему других, более крупных и развитых государственных единиц, главным образом, краевых. Естественно, такие обстоятельства налагали определенный отпечаток на положение автономной области, но вместе с тем не умоляли ее прав, сохраняли за область почти все автономные правомочия, хотя и налагали на нее определенные обязанности по отношению к краевым органам [9, с. 244].

Модель отношений между краем и входящей в него автономной областью была достаточно жесткой. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых, областных объединений, и органами краевой (областной) власти» [10] ни о какой добровольности вхождения либо праве на выход в нем не говорилось ни слова. Вместе с тем в Законе подчеркивалось, что особенность правового положения автономной области как автономного национально-государственного образования заключается в том, что она сочетает, с одной стороны, элементы политической организации определенной народности, а с другой – элементы местной организации власти. Согласно Закону автономная область имеет систему государственных органов, аналогичных местным органам власти, но это не умаляет ее автономного статуса [9, с. 256].

В нормотворческой сфере взаимоотношения автономных областей с краевыми органами власти были достаточно сбалансированными. При несогласии с постановлениями исполкомов автономных областей краевые и областные исполкомы были правомочны предложить пересмотреть обозначенные постановления в целях их из-

менения или отмены, в то время как исполкомы автономных областей при несогласии с постановлениями краевых исполкомов были правомочны приостанавливать действие таких постановлений на своей территории. В случаях недостижения согласия эти споры должны были передаваться на рассмотрение Президиума ВЦИК и СНК РСФСР (п. 11, 12).

За автономными областями закреплялось и право «непосредственно сноситься» с Президиумом ВЦИК, СНК, Экономическим Советом и народными комиссариатами РСФСР. При этом «копии своих сношений» с этими органами исполнительные комитеты автономных областей в «необходимых случаях» были обязаны направлять для сведения краевым исполнительным комитетам (п. 14) [11, с. 60].

В целом такая сбалансированная модель взаимоотношений автономных областей с краевыми органами власти в нормотворческой сфере оказалась вполне жизнеспособной и обеспечила быстрое развитие автономных областей. В нормотворческой сфере такая модель включения автономных областей в краевые объединения налагала определенный отпечаток на правовое положение автономий, но вместе с тем не умаляла ее прав, сохраняла за областью почти все автономные правомочия, хотя и налагала на нее определенные обязанности по отношению к краевым органам.

Вместе с тем, по мнению Н. И. Ефремовой, взаимоотношения между автономной областью и краем, несмотря на достаточно взвешенную систему «сдержек и противовесов», не были безоблачными. Она отмечала, что вопрос урегулирования взаимоотношений автономных областей с краями, в которые они входили, оставался в целом нерешенным. Характер этих взаимоотношений не отличался постоянством, но их можно было разделить на несколько этапов. Первый этап (1928–1938 гг.) характеризовался большой самостоятельностью автономных областей и их значительной независимостью от краевых органов при решении многих вопросов, имеющих существенное значение для автономных областей. Второй этап (1938–1955 гг.) был отмечен некоторыми ограничениями автономий, являющихся результатом общего процесса усиления централизации государственного управления в период Великой Отечественной войны. Для третьего этапа, начавшегося примерно в середине 50-х, характерно существенное расширение прав автономных областей, сопровождавшееся правовой регламентацией многих вопросов, касающихся взаимоотношений автономных областей с краями, в состав которых они входили [12, с. 28–32].

Причина упоминаемого Н. И. Ефремовой отсутствия постоянства, как нам видится, заключалась не в несовершенстве регламентации правового статуса автономных областей и их нормотворческих органов, а в непрерывном изменении политической обстановки в государстве, связанной как с внутренними, так и внешними факторами (приход к власти Сталина и новая эпоха в развитии Советского государства, подготовка к Великой Отечественной войне, смерть Сталина и начало периода «хрущевской оттепели» и Брежневская «Эпоха застоя», развал СССР и «парад суверенитетов»). К тому же, как отмечалось ранее, если в начале автономии были созданы для преодоления отсталости малых и удаленно находящихся народов, то впоследствии после выравнивания этих показателей стали меняться и цели их существования, а следовательно, коррекция была необходима и объему полномочий нормотворческих органов автономных образований.

В дальнейшем правовое положение автономных областей существенных изменений не претерпело. В последующие Конституции РСФСР вносились изменения, но они носили незначительный характер, в результате чего правовое положение автономных областей и объем нормотворческих полномочий их органов существенно не менялись вплоть до распада СССР.

Таким образом, в 30-х годах выработался, а в 80-х окончательно закрепился правовой статус автономных образований РСФСР как субъектов нормотворческой деятельности. Этот статус был не столь однозначен. Во многом такая неоднозначность была вызвана вхождением автономных областей (как и национальных округов) в краевые объединения. В соответствии с этой моделью права автономной области не уменьшались и сохранялись почти все автономные полномочия, хотя и предусматривались определенные обязанности по отношению к краевым органам. Также следует отметить, что в целом по объему прав и полномочий автономные области во многом отличались от обычных административно-территориальных единиц. Изменения правового положения автономных областей, как, впрочем, и других субъектов РСФСР, в рассматриваемый период были строго связаны и являлись следствием преобразований в государстве и конституционном поле СССР и РСФСР, что позволяет утверждать о том, что расширение полномочий происходило сверху и в большинстве случаев носило догоняющий характер, а следовательно, не могло в полной мере учитывать специфику и интересы автономных областей.

Список литературы

1. Собрание узаконений РСФСР, 1920. – №59. – ст. 267.
2. Собрание узаконений РСФСР, 1926. – №11. – ст. 82.
3. Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР / Д. Л. Златопольский. – М., 1959. – С. 120-123.
4. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937) // Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». – М., 1940. – 299 с.
5. Куприц Н. Я. Об автономной области, как одной из форм советской автономии, и ее правовом положении // Советское государство и право. – М., 1940. – № 5-6. – С. 17-20.
6. Дурденевский В. Н. Автономные республики и области советского федерализма / Советский федерализм, Под ред. М. О. Рейхеля. – М. ; Л., 1930. – 350 с.
7. Денисов А. И. Государственное устройство СССР, союзных и автономных республик / А. И. Денисов. – М., 1954. – 189 с.
8. Советское государственное право / под ред. М. Г. Кириченко. – М., 1983. – С. 260.
9. Кутафин О. Е. Российская автономия: Монография / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2006. – 768 с.
10. Собрание узаконений РСФСР. – 1928. – № 137. – ст. 889.
11. Иванов В. В. Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложносоставных субъектов Российской Федерации» / В. В. Иванов. – М. : МГУ, 2002. – 256 с.
12. Ефремова Н. И. Актуальные проблемы правового положения автономных областей РСФСР в свете новых советских конституции // Советское конституционное законодательство и вопросы государственного управления. – Томск, 1980. – С. 28 – 32.

Sharmoyants A. Development of the autonomous regions as the subjects of the rule making activities in the Soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – Р. 42–48.

In the work one researches the experience of the development and functioning of the autonomous regions as the subjects of the rule making activities in the Soviet period. There are analyzed the powers of the

rule making bodies of the autonomous regions according to the USSR Constitution, the Constitution of the Russian Soviet Federal Socialist Republic (RSFSR) and other normative legal acts of the period. One considers the features of the rule making activities of the autonomous areas related to their unique feature of joining not only the RSFSR structure, but also regional formation one. The development of the autonomous regions as the subject of the rule making activities is analyzed on the basis of the happening changes in the legal status of the autonomies and redistribution of the powers among the autonomous regions, regional formations and central authorities. One estimates the main features which separate the autonomous regions from autonomous republics and ordinary administrative and territorial areas of the RSFSR.

Keywords: lowmaking subject, lowmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lowmaking, legal status, lowmaking powers, normative legal acts.

Spisok literaturyi:

1. Sobranie uzakonenij RSFSR, 1920, No. 59, art. 267.
2. Sobranie uzakonenij RSFSR, 1926, No. 11, art. 82.
3. Zlatopol'skij D. L. Gosudarstvennoe ustrojstvo SSSR, D. L. Zlatopol'skij, M., 1959, pp. 120-123.
4. Konstitucii i konstitucionnye akty RSFSR (1918-1937), Izdatel'stvo «Vedomostej Verhovnogo Soveta RSFSR». – M., 1940, 299 p.
5. Kupric N. Ja. Ob avtonomnoj oblasti, kak odnoj iz form sovetskoj avtonomii, i ee pravovom polo-zhenii , Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – M., 1940, No. 5-6, pp. 17-20.
6. Durdenevskij V. N. Avtonomnye respubliki i oblasti sovetskogo federalizma, Sovetskij federa-lizm, Pod red. M. O. Rejhelja. – M.; L., 1930, 350 p.
7. Denisov A. I. Gosudarstvennoe ustrojstvo SSSR, sojuznyh i avtonomnyh, A. I Denisov, M., 1954, 189 p.
8. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo, pod red. M. G. Kirichenko, M., 1983, pp. 260.
9. Kutafin O. E. Rossijskaja avtonomija: Monografija, O. E. Kutafin, M.: Prospekt, 2006, 768 p.
10. Sobranie uzakonenij RSFSR. 1928, № 137, art. 889.
11. Ivanov V. V. Avtonomnye okruga v sostave kraja, oblastej – fenomen «slozhnosostavnyh sub#ektov Ros-sijskoj Federacii», V. V. Ivanov. – M.: MGU, 2002, 256 p.
12. Efremova N. I. Aktual'nye problemy pravovogo polozhenija avtonomnyh oblastej RSFSR v svete novyh sovetskih konstitucii, Sovetskoe konstitucionnoe zakonodatel'stvo i voprosy gosudarstven-nogo upravlenija, Tomsk, 1980, pp. 28-32.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.351

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯНИЯ КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЫ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЁМ
ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ**

Бугаев В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья рассматривает виды деяния как самостоятельного признака объективной стороны причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, особенности его уголовно-правового содержания, проблемные вопросы установления и анализа видов действий и бездействия (незаконное или самовольное использование чужого движимого и недвижимого имущества; неправомерное невозвращение или несвоевременное возвращение владельцу имущества или денежных средств; получение имущества или денежных средств с использованием незаконных льгот; временное использование денежных сумм, фондовых или других ценностей без уплаты процентов за кредит или по заниженным процентным ставкам; уклонение от уплаты разных платежей, которые граждане и юридические лица должны осуществлять по соответствующим договорам; безвозмездное использование электрической, тепловой энергией, услуг различных систем связи или их оплата по заниженным тарифам) в процессе выполнения объективной стороны этого преступления и его разграничение с другими смежными составами преступлений, а также различные подходы к разрешению спорных моментов исследования объективной стороны этой группы деяний.

Ключевые слова: предмет преступления, объект посягательства, деяние, действие, бездействие, неисполнение обязательств, имущественный ущерб, обман, злоупотребление доверием.

Исходя из базовых положений теории общей части уголовного права, объективная сторона преступления представляет собой внешний осознанный и волевой акт преступного поведения, протекающий в определенных условиях, месте, времени и обстановке, т.е. это внешнее проявление общественно опасного посягательства на тот или иной объект, находящийся под охраной уголовного закона [1, с. 81].

Исходя из конструкции ст. 165 УК РФ «причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путём обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершённое в крупном размере», объективная сторона этого преступления включает четыре обязательных признака: 1) деяние, причинившее имущественный ущерб собственнику или иному владельцу; 2) определенный способ деяния – путем обмана или злоупотреблением доверием; 3) наличие последствий в виде имущественного ущерба в крупном размере; 4) причинная связь между преступным поведением виновного и последствиями в виде имущественного ущерба.

В данной статье для нас особый интерес представляет содержание общественно опасного деяния как признака объективной стороны названного преступления. Общественно-опасное деяние является обязательным признаком всех преступлений и возможно в двух формах: активного поведения (действия) и пассивного поведения (бездействия). Термин «причинение», с помощью которого выражено деяние в диспозиции ст. 165 УК, означает: «нанести что-то, сделать кому-то что-либо неприятное, причинить вред».

По мнению Э. С. Тенчова, причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием может быть учинено лишь путем бездействия, поскольку виновный не выполняет свои правовые обязанности по передаче ценностей в фонды собственника [2, с. 279]. В свою очередь, профессор А. И. Рарог ограничивает проявление анализируемого преступления только активными действиями [3, с. 202].

Представляется, что деяние в данном составе, исходя из особенностей совершения конкретных преступлений, может совершаться как в форме действия, так и бездействия. Как уже отмечалось, в диспозиции ч. 1 ст. 165 УК в качестве обязательного признака объективной стороны данного состава предусмотрен обман. Он, в свою очередь, может выражаться как в активных действиях (сообщении неправдивых фактов и т.п.), так и в бездействии (утаивании тех или иных обстоятельств и фактов, сообщение о которых было обязательным).

Формулируя диспозицию статьи и определяя в ней признаки причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, законодатель указал на отсутствие признаков хищения (наиболее близкая к этому деянию форма хищения – мошенничество – предусматривает аналогичный способ совершения преступления). Поэтому наибольший интерес и, соответственно, трудности в правоприменительной практике может вызвать именно разграничение этих двух форм деяний.

В литературе выделяют следующие возможные формы причинения имущественного вреда путём обмана или злоупотребления доверием: незаконное или самовольное использование чужого движимого или недвижимого имущества; неправомерное невозвращение или несвоевременное возвращение владельцу имущества или денежных средств, которое лишает владельца возможности использовать их по собственному усмотрению и получить определенный доход; неисполнение обязательств; обращение в свою пользу или в пользу других лиц платежей, которые должны были поступить владельцу; получение имущества или денежных средств с использованием льгот, на которые виновное лицо не имело права; временное использование денежных сумм, фондовых или других ценностей без уплаты процентов за кредит или по заниженным процентным ставкам; уклонение от уплаты или неполная оплата по договорам за пользование электроэнергией, газом, водой, связью, жильем, офисами, прокатом, недвижимостью, а также за пошив, химчистку, ремонт и другие виды работ и услуг и т.д. [2, с. 372; 3, с. 280; 4, с. 95; 5, с. 296].

По нашему мнению, перечисленные формы причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием представляют случаи возможного проявления анализируемого общественно-опасного посягательства и могут быть сгруппированы путем выделения общих признаков. Можно проводить систематизацию в зависимости от особенностей предмета посягательства: 1) имущество, имею-

щее физическое материальное содержание или деньги; 2) не вещное имущество. Еще можно выделить в качестве критерия специфику механизма причинения вреда путём: а) неисполнения либо частичного исполнения обязательств; б) занижения стоимости используемого имущества или предоставленных услуг либо в) полной невыплаты необходимых средств за предоставленное имущество или выполненную услугу.

Рассмотрим некоторые формы учинения деяния по причинению имущественного ущерба. Наиболее распространённая из них – незаконное временное заимствование чужого имущества, под которым следует понимать изъятие имущества на определенный срок с целью будущего возврата, без намерения его присоединения к собственной имущественной массе. В свою очередь, А. И. Бойцов в своей работе обращает внимание, что под временным заимствованием чужого имущества следует понимать самовольное завладение имуществом лишь с целью его фактического использования [6, с. 158].

То есть принципиальным в этих определениях может встать вопрос о цели временного заимствования. Поскольку в диспозиции ст. 165 УК цель не указана, то допустимо как одно, так и другое определение, хотя в судебной практике прецедентов осуждения по этой статье при отсутствии корыстной цели нет [7, с. 514].

Содержанием незаконного временного заимствования является возвращение этого имущества законному собственнику или владельцу. Исходя из деления вещей на потребляемые и непотребляемые, нужно подчеркнуть, что относительно потребляемых вещей, определенных индивидуальными признаками, незаконное временное заимствование возможно лишь в форме временного владения (держания).

Нельзя вести речь о незаконном использовании индивидуально определённых потребляемых вещей, поскольку последние в процессе «использования» расходуются. Вещи, обладающие индивидуальными признаками, являются незаменимыми. Если такая вещь путем использования потребляется, она не может быть возвращена собственнику. Виновный, используя её, сознает, что она уничтожается и прекращает существовать в тот же момент, и таким образом он уменьшает общий объём наличного имущества законного владельца, что характерно для хищений [1, с. 405]. Соответственно, такие действия следует квалифицировать как мошенничество.

Полагаем недостаточно обоснованным отнесение М. В. Перчем незаконного потребления электроэнергии к совершению анализируемого преступного действия в форме незаконного использования имущества [8, с. 74]. Указанный автор не учитывает, что электроэнергия не является вещью и является потребительским объектом, поэтому ее нельзя незаконно использовать, а потом вернуть.

Отдельно необходимо остановиться на распространенном в уголовно-правовой литературе положении, что временно заимствуемое имущество должно быть вверено виновному. Вверение имущества означает его передачу собственником или законным владельцем другому лицу для осуществления полномочий по распоряжению, управлению, поставке и хранению. Имущество считается вверенным, если лицо является его фактическим владельцем на определенном правовом основании.

В уголовно-правовой литературе как форму преступления отдельно выделяют неправомерное невозвращение или несвоевременное возвращение владельцу имущества или денежных средств, которое лишает собственника возможности использовать их по своему усмотрению и получать определенный доход. Мы считаем, что

этот случай полностью охватывается незаконным временным заимствованием имущества.

Следующей распространённой формой деяния по причинению имущественного ущерба путём обмана или злоупотреблением доверия, на которой мы хотели бы остановиться, является уклонение от передачи надлежащего имущества или денежных средств. К уклонению от передачи надлежащего имущества следует относить и получение имущества или денежных средств с использованием льгот, на которые виновное лицо не имело права.

Анализируемое деяние состоит в том, что виновный не передает владельцу путем незаконного использования льгот надлежащего имущества или средств. Например, получение беспроцентного займа или получение займа с уменьшенными процентными ставками, которые предоставляются отдельным категориям граждан (молодым семьям и т.п.).

На практике возможны факты квалификации получения пенсии в повышенном размере путем подачи ложных данных о получаемом заработке как причинение имущественного ущерба по ст. 165 УК. Однако в этом случае из Пенсионного фонда осуществляется изъятие определенной суммы средств, на получение которых пенсионер не имеет законных оснований. То есть, уменьшается фонд денежных ресурсов собственника на сумму незаконных выплат, а уменьшение наличного имущества потерпевшего, находившегося в момент совершения преступления в его владении, характерно для хищения [1, с. 405].

Таким образом, квалифицировать действия виновного в подобных случаях, связанных с незаконным завышением подлежащих выплат или объёма и качества получаемого имущества, надлежит по ст. 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество.

Ошибки в квалификации действий виновных во время получения имущества с использованием льгот, на которые не было законных оснований, имеют место и в других формах. Поэтому в целом при уголовно-правовой оценке подобных имущественных преступлений необходимо обращать особое внимание на механизм причинения имущественного ущерба. Он может осуществляться путем изъятия имущества из фонда владельца, при котором владелец добровольно передает определенное имущество, и таким образом происходит уменьшение имущественных фондов собственника или путем уклонения от оплаты за предоставленные услуги, или другое не вещное имущество. Причинение имущественного ущерба, предусмотренного ст. 165 УК, имеет место тогда, когда имущество из фонда собственника (например, взятый кредит) не изымается. Кредит возвращается в полном размере, однако виновный уклоняется от оплаты процентов за предоставленную банком услугу (использование несуществующих льгот и т.п.).

Если же посредством обмана или злоупотреблением доверия изымается имущество из фонда собственника (надбавка к пенсии, лекарство для льготных категорий граждан и т.п.), имеет место мошенничество.

Таким образом, получение имущества или денежных средств с использованием льгот, на которые виновное лицо не имело права, фактически может проявляться лишь в случае уклонения от оплаты за предоставленные виновному услуги или выполненные работы.

Уклонением от оплаты за предоставленные услуги или выполненные работы является и ряд других случаев возможного причинения имущественного ущерба, а именно: незаконное пользование льготами по оплате коммунальных услуг, услуг различных систем связи, транспортных и других, уклонение от оплаты платежей по гражданско-правовым договорам о предоставлении услуг или выполнению работ.

В уголовно-правовой литературе приводятся примеры совершения анализируе-

мого преступления путем уклонения от уплаты разных платежей, которые граждане и юридические лица должны осуществлять по договорам с предприятиями, организациями, предпринимателями. Ставить вопрос об уголовной ответственности за уклонение от оплаты за полученные услуги или выполненные работы можно лишь при учинении виновными лицами действий, свидетельствующих об их желании путем обмана или злоупотребления доверием уклониться от оплаты за полученное имущество полностью или частично.

От уклонения от оплаты за предоставленные услуги или выполненные работы отличаются действия по обращению в свою пользу или в пользу других лиц платежей за предоставленные потерпевшим услуги или выполненные работы. В этом случае получатель услуг или выполненных работ не уклоняется от оплаты за них. Он передает надлежащую оплату третьим лицам, которые не передают её подрядчику, и таким образом причиняют имущественный ущерб потерпевшему. Здесь мы сталкиваемся с тем, что виновный обращает в свою пользу (или в пользу других лиц) полученные от заказчиков средства, которые должны были быть переданы подрядчику за предоставленные услуги или выполненные работы.

Следует отметить, что в этой ситуации отсутствует факт изъятия имущества из фонда собственника (законного владельца). Средства (имущество), которые обращены третьими лицами в свою пользу, еще не были включены и не поступили в фонд собственника (законного владельца). Имеет место неполучение собственником или законным владельцем надлежащего эквивалента за предоставленные ими услуги или выполненные работы. Однако уклонение от передачи оплаты за эти блага осуществляется не со стороны заказчика (получателя этих благ), а со стороны третьих лиц.

На практике часто бывают случаи, когда проводник вагона обращает в свою пользу платежи за перевозку пассажиров или ручной клади. Так, Железнодорожным районным судом г. Симферополя была признана виновной в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием гражданка Ш., которая, работая проводником вагона № 13 поезда «Харьков-Симферополь» провезла без оплаты ручную кладь, чем причинила ущерб ж/д кампании.

Такая же квалификация должна быть и по аналогичным по своему характеру действиям работников сферы услуг (швейных, ткацких мастерских, разнообразных ремонтных салонов, автосалонов, типографий и т.п.), которые получают оплату за предоставленные ими услуги, не внося полученные средства в кассу этих предприятий.

Во многих случаях для правильного решения вопроса о правильности квалификации действий виновного нужно точно установить обязанности виновного и момент, с которого имущество считается поступившим в фонд собственника. Ключевым моментом для выяснения вопроса о наличии в действиях лица состава причинения имущественного ущерба или хищения путем присвоения является установление у виновного полномочий на получение имущества.

Переход имущества от собственника к уполномоченным им лицам считается уступкой этого имущества в соответствующие фонды для дальнейшего целевого использования. Действия работников, уполномоченных собственником на получение имущества или средств, обративших их в свою пользу, должны квалифицироваться как присвоение или растрата.

В уголовно-правовой литературе высказываются позиции, согласно которым передача имущества уполномоченным на его получение лицам без документального оформления ими факта уступки имущества не дает оснований для включения этого имущества в фонд собственника. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение, поскольку включение имущества в фонд собственника оказывает непо-

средственное влияние на квалификацию действий виновного.

А. И. Бойцов считает, что если имущество передано уполномоченному на его получение лицу, то такое имущество нужно считать поступившим в фонды собственника с момента фактической его передачи независимо от документального оформления такой уступки [6, с. 730]. Мы согласны с этим подходом и полагаем, что документальное оформление лишь фиксирует реальное правовое состояние имущества, а не создает его.

Представляет определённый интерес квалификация незаконного использования не вещных объектов (электроэнергии, интернет-времени и т.п.). Во многих теоретических источниках, в том числе комментарии к УК (ответ. ред. В. М. Лебедев), обращается внимание, что не могут быть предметом хищения объекты интеллектуальной собственности, а также электрическая и тепловая энергия [9, с. 396].

Поскольку практически всеми авторами причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием относится к иным корыстным преступлениям против собственности (не хищениям), то, соответственно, под этими деяниями следует понимать уклонения от уплаты различных законных платежей [9, с. 443] или от исполнения обязательств [7, с. 513]. Поэтому, полагаем, что неоплатное использование электроэнергии и интернет-времени следует квалифицировать по ст. 165 УК РФ.

Таким образом, как причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием следует рассматривать деяния по уклонению от оплаты за не вещные объекты собственности, которые в гражданском праве не относят к услугам или выполнению работ: разные виды энергии, интернет-времени. Круг таких не вещных объектов собственности в связи с постоянным научно-техническим прогрессом может постоянно увеличиваться, поэтому ограничивать преступное посягательство уклонением от оплаты лишь за энергию и Интернет-Время нельзя.

Список литературы

1. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / М.П. Журавлёв и др.; под ред. А.И. Рарога. -8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – 784 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно–практический комментарий / Авт. кол.: Э.Т. Борисов, Р. Р. Галиакбаров, А. С. Горелик и др.; Под ред. Э. С. Тенцова. – Ярославль: Влад, 2004. – 672 с.
3. Рарог А. И. Уголовное право. Особенная часть. – М.: Инфра-Норма, 2008.– с. 562.
4. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 295 с.
5. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. проф. В. В. Сташиса, В. Я. Тация. – Харьков: Право, 2010. – 608 с.
6. Бойцов А. И. Преступления против собственности.– СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. –М. : Проспект, 2015. – 1184 с.
8. Перч Н. В. Дифференциация уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба // Налоговые и иные экономические преступления: Сборник научных статей. – Вып. 5. Ярославль: ЯрГУ, 2002. – с. 554.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 14-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 1077 с.

Bugaev V. Feature of act as sign of objective side of infliction of property damage by deception or breach of trust // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – Р. 49–55.

The article examines the types of act, as an independent sign of objective side of infliction of property damage by deception or breach of trust, feature of its criminal maintenance, problematic questions of estab-

ishment and analysis of types of actions and inaction (illegal or substantive use of another's movable and immovable property; illegal unreturn or ill-timed return of property or monetary resources to the proprietor ; receipt of property or monetary resources with the use of illegal privileges; temporal use of moneysums, sums of funds or other values without the inpayment of percents for a credit or on lower rates; avoiding the disbursement of different payments that citizens and legal entities must carry out on corresponding agreements; using the electricity, thermal energy, services of different communication networks without paying or their paying for the lower tariffs) in process of implementation of objective side of this crime and its differentiation with other contiguous compositions of thefts, and also different going near permission of debatable moments in research of objective side of this groups of acts.

Keywords: the subject of a crime, object of encroachment, act, action, inaction, nonperformance of obligations, property damage, deception, breach of trust.

Spisok literatury

1. Uголовное право России. Chasti obschaya i osobennaya: uchebnik / M. P. Zhuravlyovi dr.; pod red. A.I. Raroga. -8-e izd., pererab. idop. – Moskva :Prospekt, 2014. – 784 s.
2. Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii: Nauchno–prakticheskiy kommentariy / Avt. kol.: E.T. Borisov, R.R. Galiakbarov, A.S. Goreliki dr.; Pod red. E.S.Tenchova. – Yaroslavl: Vlad, 2004. – 672 s.
3. Rarog A. I. Uголовноеправо. Osobennaya chast. – M.: Infra-Norma, 2008.–S. 562.
4. Plohova V. I. Nenasilstvennyie prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskaya i pravovaya obosnovannost. – SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 295 s.
5. Uголовное право. Osobennayachast: Uchebnik /Pod red. prof. V.V. Stashisa, V.Ya.Tatsiya. – Harkov: Pravo, 2010. – 608 s.
6. Boytsov A. I. Prestupleniya protiv sobstvennosti.–SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. – 775 s.
7. Uголовное право России. Chast iObschayai Osobennaya: uchebnik / pod red. A.V. Brilliantova. – 2-e izd., pererab. idop. –M. :Prospekt, 2015. –1184 s.
8. Perch N. V. Differentsiatsiya uголовnoy otvetstvennosti za prichinenie imuschestvennogo uscherba // Nalogovyye i inyye ekonomicheskyye prestupleniya: Sborniknauchnyihstatey. – Vyip. 5. Yaroslavl: YarGU, 2002. – S. 554.
9. Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / otv. red. V.M. Lebedev. – 14-e izd., pererab. idop. – M. :IzdatelstvoYurayt, 2014. – 1077 s.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Волошин И. А., Давиденко С. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Преступность несовершеннолетних является составной частью общей преступности. Каждое пятнадцатое преступление в России совершается подростками.

По статистике органов внутренних дел Российской Федерации, в последние годы снизился уровень преступности среди несовершеннолетних. Однако сохраняется деструктивная тенденция в качественных показателях преступности. Возросло число подростков, повторно привлеченных к уголовной ответственности, высоки показатели групповых преступлений, имеется значительный рост преступности среди девушек, повысилась криминальная активность детей младших возрастов, не достигших возраста уголовной ответственности. У молодежи все чаще проявляется пренебрежительное отношение к праву, отрицание его социальной ценности, осознанный выбор неправомерного поведения, а именно: пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, терроризм, бандитизм и др.

Преступность несовершеннолетних – крайне опасное явление для общества, препятствующее развитию современного, цивилизованного государства. Ведь люди, совершившие преступления в юном возрасте, вряд ли осознают свои права и обязанности, внутренне согласятся с законом, поймут свое положение в обществе. Несовершеннолетние преступники очень трудно поддаются перевоспитанию, поэтому важно предупреждать преступность. Правоохранительным органам нужно проводить пропагандистскую работу в школах, учебных и воспитательных учреждениях, работать с каждой социально неблагополучной семьей, активно бороться за каждого подростка.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ответственность, наказание, штраф, обязательные работы, исправительные работы, арест, лишение свободы, принудительные меры воздействия, судимость, погашение судимости, условно-досрочное освобождение.

Несовершеннолетний – это лицо, не достигшее определенного возраста, с которым закон связывает его полную гражданскую дееспособность, т.е. возможность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности. Несовершеннолетние пользуются особой защитой государства, которое устанавливает особый порядок осуществления их прав, ограничивает их способность своими действиями приобретать права, создавать для себя обязанности и нести юридическую ответственность, так как несовершеннолетние в силу своего возраста не могут в полной мере осознавать значение своих действий. Совершеннолетие в России наступает с 18 лет.

В Уголовном кодексе точно определен возраст, с которого наступает уголовная ответственность: «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста» (ст. 20 ч. 1).

Однако закон не исключает установления пониженного возраста уголовной ответственности, обуславливая это возможностью лица в данном возрасте осознавать противоправность совершаемых им общественно опасных деяний (кража, убийство,

хулиганство и др.), повышенной общественной опасностью ряда деяний (диверсия, бандитизм, террористический акт), достаточной распространенностью данных преступлений среди несовершеннолетних.

Ст. 20 ч. 2 Уголовного кодекса устанавливает исчерпывающий перечень деяний, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, кража, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах, терроризм, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, хулиганство при отягчающих обстоятельствах, вандализм, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения.

Малолетние, не достигшие 14-летнего возраста, не подлежат уголовной ответственности, так как не могут в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [6, с. 23].

При осуждении несовершеннолетних лиц суд вправе:

- назначить наказание (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы на бесплатной основе, исправительные работы, арест, лишение свободы на определенный срок);

- применить принудительные меры воспитательного воздействия (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо под надзор специализированного государственного органа, ограничение досуга).

При принятии решения суд в каждом конкретном случае выясняет и оценивает условия жизни и быта подростка: под чье влияние он попадает, имеются ли подстрекатели, занимаются ли родители воспитанием детей и др.

Штраф назначается только при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Суд должен учитывать, что размер штрафа не должен лишать осужденного необходимых для нормальной жизни материальных благ [7, с. 17].

Лишение права заниматься определенной деятельностью может быть назначено несовершеннолетнему, достигшему 16-летнего возраста, а в исключительных случаях 15 лет при наличии у него постоянной работы.

Обязательные работы назначаются на срок от 40 до 160 ч. Работы должны быть посильны для несовершеннолетних и исполняться ими в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность работы для лиц в возрасте до 15 лет предусмотрена не более 2 ч в день, для лиц от 15–16 лет – не более 3 ч в день.

Исправительные работы назначаются несовершеннолетним, осужденным на срок до одного года.

Арест назначается несовершеннолетним осужденным, достигшим к моменту вынесения судом приговора 16 лет, на срок от одного до четырех месяцев.

Одной из особенностей ответственности несовершеннолетних является то, что срок лишения свободы для них не может превышать десяти лет. Юноши, осужден-

ные впервые к лишению свободы, и девушки отбывают наказание в воспитательных колониях общего режима. Юноши, которые уже отбывали лишение свободы, направляются в воспитательные колонии усиленного режима. Лишение свободы назначается несовершеннолетним, совершившим тяжкие, особо тяжкие преступления, а в ряде случаев и преступления небольшой и средней тяжести. К несовершеннолетним не применяется пожизненное заключение и смертная казнь.

В исключительных случаях суд может применить льготы для несовершеннолетних в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. К таким исключительным случаям могут относиться: особенности умственного, интеллектуального и психического развития, степень зрелости, мотивы совершения преступления подростков. Для вынесения справедливого решения суд вправе назначить комплексную судебно-психологическую, судебно-психиатрическую и другие виды экспертиз.

Суд может освободить от наказания несовершеннолетнего, признанного виновным за совершение преступления небольшой или средней тяжести, применив принудительные меры воспитательного воздействия. Уголовная ответственность в данном случае исчерпывается фактом осуждения, а наказание не назначается. Несовершеннолетний может быть помещен в специализированное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, однако срок пребывания в таких учреждениях не может быть больше максимального срока наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Несовершеннолетних могут передать под надзор родителям или другим лицам с целью контроля за их поведением. Если родители не справляются с данной обязанностью, то несовершеннолетние передаются в специализированное учреждение.

Ограничение досуга несовершеннолетнего может предусматривать запрет посещения определенных мест, запрет управлять механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезд в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнего могут обязать возвратиться в общеобразовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Могут быть предъявлены и другие требования, необходимые для исправления несовершеннолетнего. Но они не должны причинять вред несовершеннолетнему и не должны унижать достоинства несовершеннолетнего [8, с. 27].

За нарушение или неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера отменяется и материалы направляются в суд для привлечения к уголовной ответственности за совершенное ранее преступление.

Действующим российским законодательством для несовершеннолетних предусмотрено условно-досрочное освобождение (Ст. 90 УК). Основанием применения этой нормы является совершение подростком впервые преступления небольшой или средней тяжести и полное признание своей вины в совершении преступления.

Условно-досрочное освобождение от отбывания лишения свободы и исправительных работ может быть предоставлено несовершеннолетнему, если он отбыл: не менее одной трети срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести, не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление, не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление.

В отличие от взрослых для несовершеннолетних предусмотрены половинчатые сроки давности привлечения к уголовной ответственности и к сроку давности исполнения обвинительного приговора. Статья 95 Уголовного кодекса предусматривает также сокращенные сроки погашения судимости: один год после отбытия лишения свободы за преступления небольшой или средней тяжести, три года после отбытия лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление.

В соответствии с частью четвертой статьи 18 УК РФ судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива преступлений.

В заключение хотелось бы отметить, что законы и правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации (статья 15). Основные права и свободы гражданина принадлежат каждому человеку от рождения (статья 17 Конституции РФ). Конституция Российской Федерации допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55), а также устанавливает, что гражданин РФ может осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет (статья 61). Надо помнить и знать об этом каждому гражданину Российской Федерации. А от того, насколько положения, разработанные криминологией, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, психологией, педагогикой согласованы между собой, зависят конституционные права и свободы человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., – 1993. – 12 с.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.96 №63-ФЗ.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ // Общая часть // Издательская группа ИНФРА.М-НОРМА. – М. – 1996. – С. 47.
4. Постановление от 25.12.1990 года № 5 "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную деятельность" (в редакции Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.1993 № 11).
5. Уголовное право России // Общая часть // Учебник. – М.: Юристь. – 1996. – С. 512.
6. З. Ф.Сафунов. Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Российская юстиция. – М,1997., Вып.7, с. 29.
7. З. Ф.Сафунов. Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Российская юстиция. – М,1997., Вып.7, с. 35.
8. Чихалова С. Н. Трудные судьбы подростков – кто виноват. – М.: Юридическая литература. – 1991. – С. 87.

Voloshin I.A., Davydenko S. Features criminal liability of minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 56–60.

Juvenile delinquency is an integral part of the overall crime rate. Every fifteenth offense is committed by teenagers in Russia.

According to statistics of the Interior of the Russian Federation in recent years has reduced the level of juvenile delinquency. However, there remains a destructive trend in the qualitative indicators of crime. An increased number of adolescents re prosecuted, high crime group, there is a significant increase in crime among

girls increased criminal activity of young children under the age of criminal responsibility. Young people are more frequently manifest disregard for the law, the denial of his social values, informed choice misconduct, namely, drunkenness, drug abuse, pornography, prostitution, family violence, terrorism, banditry and others.

Juvenile delinquency – a very dangerous phenomenon for society, preventing the development of a modern, civilized state. After all, people who commit crimes at a young age, hardly aware of their rights and responsibilities, internal agreement with the law, understand their position in society. Juvenile offenders are very difficult to rehabilitate, so it is important to prevent crime. Law enforcement authorities need to carry out propaganda work in schools, educational and training institutions, work with each social and dysfunctional family, to actively fight for every teenager.

Keywords: minor, responsibility, punishment, fine, community service, correctional labor, arrest, imprisonment, coercive measures, criminal record, cancellation of conviction, parole.

Spisok literaturyi

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. – M. – 1993g.
2. Ugolovnyiy kodeks RF ot 13.06.96 №63-FZ.
3. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF // Obschaya chast // Izdatelskaya gruppa INFRA. M-NORMA. – M. – 1996g. – S. 47.
4. Postanovlenie ot 25.12.1990 goda № 5 "O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih i o vovlechenii ih v prestupnuyu deyatelnost" (v redaktsii Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.12.1993 № 11).
5. Ugolovnoe pravo Rossii // Obschaya chast // Uchebnik.-M.: Yurist'. – 1996g. – S. 512.
6. Z.F.Safunov. Psihologo-psihiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnego obvinyaemogo // Rossiyskaya yustitsiya. – M.,1997g.,Vyip.7, s. 29.
7. Z.F.Safunov. Psihologo-psihiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnego obvinyaemogo // Rossiyskaya yustitsiya-M,1997g.,Vyip.7,s.35.
8. Chihalova S.N. Trudnyie sudbyi podrostkov – kto vinovat. – M.: Yuridicheskaya literatura. – 1991g. – S. 87.

УДК 343.281

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МОНГОЛИИ

Авирмэд Баасанцэрэн

Омская академия МВД России

Данная научная работа посвящена определению правовой природы и основана не только на рекомендациях и выводах ученых и исследователей, которые изучали, определяли историю и правовую природу условного осуждения как института, развивавшегося в зарубежных странах, но и основано на анкетировании судей, прокуроров, адвокатов, которые на практике занимались проблемой условного осуждения.

Ключевые слова: законная окружающая среда, судья, прокурор, другие адвокаты.

Условное осуждение занимает важное место в числе мер, альтернативных реальному лишению свободы. В УК Монголии 2002 г. в ст. 61 этот уголовно-правовой институт обозначен термином «тэнсэх», что означает в смысловом переводе «испытывать», «пробовать». Но в официальных переводах УК Монголии на русском языке используется термин «условное осуждение».

По вопросу о правовой природе условного осуждения в юридической литературе нет единого мнения. По мнению В. А. Ломако, условное осуждение – «это сложное юридическое образование, включающее в трансформированном виде признаки и свойства, присущие некоторым другим институтам уголовного права. Ему, в частности, присущи отдельные признаки отсрочки исполнения наказания, общественно-го воздействия, освобождения от наказания и погашения судимости»¹.

Похожую точку зрения высказывает О. Книженко², предлагающий признать институт условного осуждения самостоятельным институтом уголовного права, которому присущи черты и наказания и освобождения от наказания, и особого порядка применения наказания. Однако при этом автор утверждает об отсутствии необходимости конкретизации юридической (правовой) природы данного института, с чем вряд ли можно согласиться, поскольку выяснение юридической природы условного осуждения имеет серьезное практическое значение для законодательной деятельности и работы судов. В зависимости от того, как определена юридическая природа условного осуждения, предопределяется решение вопросов при назначении наказания по совокупности приговоров, замене вышестоящей инстанцией наказания, назначенного судом первой инстанции, и т.д.

Как правильно отмечает А. Б. Виноградов, главными причинами споров о природе условного осуждения являются изменявшееся время от времени место услов-

¹ Ломако В. А. Применение условного осуждения. – Харьков, 1976. – С. 21.

² Книженко О. Условное осуждение или система испытания // Законность. – 2002. – № 9. – С. 40.

ного осуждения в системе уголовного законодательства, а также неоднозначная судебная практика³.

Поэтому одни юристы считают условное осуждение особым видом наказания, другие видят в нем отсрочку исполнения приговора⁴, третьи признают условное осуждение особым порядком исполнения приговора или особым порядком отбывания наказания⁵, четвертые – освобождение виновного от отбывания наказания⁶, и, наконец, существует мнение, что условное осуждение есть не что иное, как условное неисполнение назначенного судом наказания⁷.

Доктор Б. Содовсурэн отмечает, что условное осуждение – это уголовно-правовая мера воздержания от исполнения судебных приговоров по лишению свободы и исправительной работе в течение определенного срока⁸.

Профессор С. Совд отмечает, что условное осуждение – это уголовно-правовой принцип воздержания от исполнения судебных приговоров в течение испытательного срока⁹.

Юрист Т. Дэндэв отмечает, что условное осуждение – это воздержание от исполнения судебных приговоров по лишению свободы и исправительной работе в течение испытательного срока¹⁰.

Академик С. Нарангэрэл считает, что условное осуждение – это одна из видов уголовно-правовых мер воздействия, особый порядок исполнения приговора¹¹.

Профессор С. Жанцан считает, что условное осуждение – это воздержание от исполнения судебных приговоров в течение испытательного срока, если суд постановил, что нет необходимости изолировать осужденного от общества¹².

Доктор С. Батхулэг отмечает условное осуждение наказанием, обычно обосновывая ее доводами, которые кратко можно сформулировать следующим образом:

³ Виноградов А. Б. Условное осуждение: законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С. 37.

⁴ Герцензон А. А. Уголовное право. Общая часть. – М., 1948. – С. 480; Яковлева Л. В. Эволюция правовых воззрений на юридическую природу условного осуждения. Сб.: История органов внутренних дел России. Вып.3. Сб.науч.тр. ВНИИ МВД. – М., 2000. – С.164.

⁵ С. Нарангэрэл. Уголовное право Монголии. Общая часть. – Улан-Батор, 1999. – С. 326 (на монгольском языке).

⁶ Кригер Г. А. Условное осуждение и роль общественности в его применении. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – С. 9; Ткачевский Ю. М. Юридическая природа условного осуждения // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 36; Горяйнова Е.А. Условное осуждение по советскому уголовному праву. Автореф. дис. канд. юр. наук. – М., 1987. – С. 8; Шарипов Т.Ш. Условное осуждение. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1992. – С. 13; Бурлакова, И. А. Условное осуждение: Теоретико-правовые и практические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГУ. Юридический факультет, 2003. – С. 35; Якубович М. И. О правовой природе условного осуждения // Советское государство и право. – 1946. – № 11-12. – С. 55; Карпец И. И. Индивидуализация наказания. – М., 1961. – С. 27; Ретюнский И. С. Уголовная ответственность и ее реализация. – Воронеж, 1983. – С. 56; Скобелин С. Ю. Условное осуждение: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. – С. 75.

⁷ Кондалов А. Н. Условное осуждение и механизмы его обеспечения // Государство и право. – 1999. – №7. – С. 103.

⁸ Б. Содовсурэн. БНМАУ-ын Эрүүгийн эрх зүй, Ерөнхий анги. УБ, 1969. 134 талд.

⁹ Г. Совд. БНМАУ-ын Эрүүгийн эрх зүй, Курс. УБ, 1973. 405 талд.

¹⁰ Т. Дэндэв. БНМАУ-ын Эрүүгийн эрх зүй, Эрүүгийн ялын асуудал. УБ, 1975.123 талд.

¹¹ С. Нарангэрэл. Эрх зүйн эх толь бичиг. – УБ., 2008. – 658 талд.

¹² С. Жанцан Монгол Улсын эрүүгийн эрх зүйн онол. – УБ., 2014. – 311 талд.

во-первых, условное осуждение является актом государственного осуждения, применяемого за совершение преступления. Суд от имени государства осуждает виновного к условной мере наказания, т.е. наказывает его.

Во-вторых, условное осуждение, как и все иные уголовные наказания, содержит элементы принуждения. Условно осужденный обязан вести себя определенным образом в течение испытательного срока.

В-третьих, условное осуждение решает цели наказания, что свойственно только наказанию.

Условное осуждение не является освобождением от уголовного наказания, а является лишь формой воздержания от исполнения приговоров. Правовым последствием условного осуждения является судимость на определенный период времени.

Условное осуждение находит широкое применение в судебной практике. Так, по данным выборочного исследования, проведенного в Монголии, условное осуждение в структуре уголовно-правовых мер, применяемых судами при назначении наказания, составило в 2010–2014 гг. 33,6–41,4%.

Интерес представляют результаты проведенного нами по специально разработанной анкете опроса 250 судей, прокуроров и следователей города Улан-Батор. Перед опрашиваемыми был поставлен вопрос о том, как, по их мнению, следует определять юридическую природу условного осуждения.

71 опрошенный (28,4%) посчитал условное осуждение одним из видов уголовного наказания, 51 (20,4%) сказал, что условное осуждение не является наказанием, 48 (19,2%) отнесли условное осуждение к особому порядку исполнения приговора, 41 (16,4%) – к освобождению от наказания, 29 (11,6%) отметили, что это воздержание от наказания, 23 (9,2%) сказали, что условное осуждение – это мера уголовной ответственности.

Условное осуждение представляет собой самостоятельный вид мер уголовно-правового воздействия и является по своей сути формой реализации уголовной ответственности. Оно может применяться только к лицам, осужденным судом за совершение преступления, и только от имени государства. При этом применение условного осуждения возможно только на основании приговора суда.

Как правильно указывает М. Д. Шаргородский, отсрочка при условном осуждении – «это лишь внешний, сопутствующий момент, являющийся следствием того, что право разрешения вопроса об исполнении назначенного наказания предоставляется суду при рассмотрении дела о новом преступлении, в случае нарушения условно осужденным установленного законом условия»¹³.

Точка зрения В. Н. Петрашева¹⁴, определяющая условное осуждение как «особый порядок назначения наказания в сочетании с особым порядком его исполнения...», тоже не приемлема, так как вопрос о применении условного осуждения встает после назначения судом наказания в обычном порядке. И исполняется не наказание, которое назначено в отношении виновного, а его заменяет испытательный срок.

¹³ Шаргородский М. Д. Условное осуждение / Уголовное право. Особенная часть: Учебник. – М., 1958. – С. 146.

¹⁴ Уголовное право. Общая часть. Учебное пособие / Под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999. – С. 449.

Ю. М. Ткачевский правильно отмечает, что «определение условного осуждения как особого порядка отбывания наказания лишает этот институт его уголовно-правового характера. Сторонники этой точки зрения отождествляют в этом случае понятия исполнение приговора и отбывание наказания»¹⁵.

Наряду с общими чертами условное осуждение и освобождение от наказания имеют и существенные различия. Так, при освобождении от наказания виновному вообще не назначается никакая мера наказания, тогда как при условном осуждении ему определяется конкретная мера наказания.

В УК РФ и УК Монголии определяется местоположение института условного осуждения в главе «Назначение наказания» (глава 10 УК РФ, глава 10 УК Монголии), а не в главе «Освобождение от наказания» (глава 12 УК РФ, глава 13 УК Монголии). В юридической литературе совершенно справедливо отмечается, что сущность условного осуждения заключается в том, что если суд, назначив указанные в законе виды уголовного наказания, придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, то он постановляет считать наказание условным. «В силу этого обстоятельства условное осуждение нельзя считать видом освобождения от наказания...»¹⁶.

Действительно, суд не освобождает от наказания, а назначает его. Условным, подчеркивают А. Н. Игнатов и С. А. Разумов, «считается назначенное наказание по приговору суда, которое не приводится в исполнение в течение определенного испытательного срока...»¹⁷. Из этих же соображений вряд ли обоснованно рассматривать условное осуждение как особую форму освобождения от наказания. Это подтверждает глава 12 УК РФ и глава 13 УК Монголии.

Соглашаясь с авторами, утверждающими, что при условном осуждении нет исполнения наказания¹⁸, нельзя рассматривать условное осуждение и как неприменение наказания¹⁹, так как понятие применение охватывает назначение и исполнение. Поэтому одна часть – назначение как этап – применена, то есть имеет место в объективной действительности. Нет лишь другой стороны применения – исполнения. Исполнение предполагает, что в течение всего условного осуждения реализуется, прежде всего, карательная сторона назначенного наказания. При условном же осуждении реализации кары, в полном объеме характерной для назначенного судом наказания, нет. Наоборот, это карательное воздействие в полном объеме не осуществляется под определенным условием в течение испытательного срока.

Поэтому, думается, что более правильным является признание условного осуждения неисполнением назначенного судом основного наказания при соблюдении осужденным установленных законом условий, выполнение которых обеспечивается

¹⁵ Ткачевский Ю. М. Юридическая природа условного осуждения // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 33.

¹⁶ Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Изд-во «Новая волна», 1998. – С. 208.

¹⁷ Игнатов А. Н., Разумов С. А. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. Общая часть. – М.: Изд-во ИНФРА-М – НОРМА. – 1996. – С. 201.

¹⁸ См.: Кондалов А.Н. Условное осуждение и механизм его обеспечение: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. – С. 18–19.

¹⁹ Например, Зайцева Д.Т. См.: Зайцева Д.Т. Криминопенологические проблемы условного осуждения: Автореф. дис... канд. юр. наук. Краснодар, 2004. – С. 7.

угрозой исполнения назначенного наказания. Следует отметить, что в УК Монголии этот момент отражается в самой норме об условном осуждении: «Если условно осужденный в испытательный срок не совершит преступление и докажет свое исправление, то судебный приговор о лишении свободы не исполняется» (ст. 61 УК Монголии 2002 г.).

В настоящее время большинство авторов верно указывает, что условное осуждение является мерой или формой реализации уголовной ответственности за совершенное преступление²⁰.

Ст. 45 Уголовного кодекса Монголии дает следующее определение уголовной ответственности: «уголовная ответственность — это мера государственного принуждения, которая в соответствии с уголовным законом ограничивает права и свободы лица, виновность за совершение преступления которого установлена судом. Уголовная ответственность обеспечивается наказанием и иными мерами уголовной ответственности, установленными уголовным законом»²¹. Однако это определение рассматривает только ретроспективный аспект уголовной ответственности.

На наш взгляд, наиболее приемлемо определить уголовную ответственность в совокупности следующих элементов:

- обязанность лица дать отчет о содеянном перед государством в лице уполномоченных органов;
- выраженную в судебном приговоре отрицательную оценку совершенного деяния и порицание лица, его совершившего;
- назначенное виновному наказание или иную меру государственного принуждения.

Действующее уголовное законодательство Монголии для привлечения лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности предусматривает определенные меры – «наказания и иные меры уголовной ответственности» (ст.6 УК Монголии). УК Монголии условное осуждение включил вместе с отсрочкой исполнения судебного приговора в главу 10 «Назначение наказания». То есть условное осуждение само по себе в уголовно-правовом смысле не является ни видом уголовного наказания, ни видом освобождения от наказания, а представляет собой «иную меру уголовной ответственности». По этой причине оно может быть поставлено в один ряд с отсрочкой исполнения приговора и рассматриваться самостоятельно, отдельно от других институтов, таких как наказание и освобождение от наказания.

Таким образом, по нашему мнению, условное осуждение наряду с наказанием и другими мерами уголовной ответственности является самостоятельной мерой уголовной ответственности, выражающейся в неисполнении назначенного основного наказания под определенными условиями, предусмотренными в законе, выполнение которых обеспечивается угрозой исполнения назначенного наказания.

Нам представляется, что должно быть разграничение применения условного осуждения в зависимости от категории совершенного преступления. По данным

²⁰ См. напр.: Чугаев А.П. Назначение наказание: Учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – С. 193; Бурканов Ю.А. Юридическая природа и возможности расширения применения условного осуждения // Региональные проблемы борьбы с преступностью: Сп. науч. тр. – М., 1998. – С. 55.

²¹ УК Монголии от 03.01.2002 // Торийн мэдээлэл. 2002. № 5 (на монгольском языке).

проведенного опроса, 192 (76,8%) опрошенных считают нецелесообразным применять условное осуждение при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, 134 (53,6%) – при рецидиве преступлений, 106 (42,4%) – при повторном совершении преступлений, 50 (20%) – за преступления средней тяжести, 43 (17,2%) – к лицам, нуждающимся в лечении от алкоголизма или наркомании.

А возмещение ущерба или устранение причиненного вреда лицом, совершившим преступление, по УК Монголии является обстоятельством, смягчающим наказание (п. 3 ч.1 ст. 55), и должно быть учтено при назначении наказания в равной мере с другими обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание. Кроме того, это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о небольшой общественной опасности осужденного или содеянного, а может и зависеть от имущественного положения лица. В связи с этим нам представляется целесообразным исключить из редакции данное положение.

Согласно ст. 61 УК Монголии основанием применения условного осуждения при наличии вышеперечисленных обязательных условий являются: учет характера и степени совершенного преступления, личность виновного и обстоятельств дела судом, с помощью которых он придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным назначенного наказания в виде лишения свободы.

Некоторые авторы считают, что основанием для применения условного осуждения является убеждение суда в отсутствии необходимости отбывания виновным назначенного наказания²². А другие, наоборот, отрицают данное высказывание и считают, что в основу применения условного осуждения кладутся объективные обстоятельства. Так, А. К. Музеник²³ рассматривает основание применения условного осуждения в широком и узком смыслах слова. «Применение» наказания и иных уголовно-правовых мер, понимаемое в широком смысле слова, предполагает как их назначение судом, так и последующую реализацию. Основания последующей реализации условного осуждения – это, во-первых, вступивший в законную силу приговор суда (как юридический факт), во-вторых, конкретные правовые предписания, предусмотренные в отношении осужденных условно с отсрочкой исполнения приговора суда или непосредственно законом. Здесь же основания применения условного осуждения понимаются в узком смысле – как основания назначения судом указанных мер.

На наш взгляд, не следует чрезмерно субъективизировать само понятие оснований. Основания – это не убеждение суда как таковое, а фактические обстоятельства, в совокупности выражающие объективную реальную возможность достижения целей, предусмотренных законом для условного осуждения. Оценка этих обстоятельств под углом зрения указанных целей и возможности их достижения и порождает убеждение суда в необходимости применения условного осуждения. Учет и оценка судом отмеченных выше фактических обстоятельств, изложенных в приговоре, составляют сущность мотивировки условного осуждения. Под обстоятельствами дела следует понимать всю совокупность данных, характеризующих как деяние, так и

²² Минязева Т. Об индивидуализации уголовной ответственности // Сов. юстиция. – 1987. – № 23. – С. 9; Кыдыралиева С. Условное осуждение по уголовному праву Кыргызской ССР. – Фрунзе, 1968. – С. 51.

²³ 23 Музеник А. К., Уткин В. А., Филимонов О. В. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. – Томск, 1990. – С. 17.

лицо, его совершившее. Следовательно, «обстоятельства дела» охватывают и «обстоятельства, характеризующие личность». Однако указание в законе на необходимость учета данных, характеризующих личность, при применении условного осуждения призвано подчеркнуть тот факт, что этот институт применим лишь в том случае, если лицо, виновное в совершении преступления, заслуживает доверия и может быть исправлено без реального исполнения наказания.

Нельзя дать исчерпывающий перечень тех обстоятельств, учет которых дает суду возможность применить к виновному лицу условное осуждение, но можно представить признаки, относящиеся к обстоятельствам дела и личности виновного, учитываемые для применения условного осуждения.

Так, по мнению Г. С. Гаверова²⁴ степень общественной опасности преступления определяется: а) важностью охраняемого объекта, которому преступлением нанесен ущерб; б) стадией осуществления преступного намерения (приготовление, покушение, оконченное преступление); в) характером психического отношения виновного к совершенному общественно опасному деянию и его последствиям (умысел или неосторожность); г) наличием или отсутствием признаков, свидетельствующих о совершении преступления группой лиц в соучастии, и формой – этого соучастия; д) наличием или отсутствием вредных последствий и степенью тяжести этих последствий; е) способом, методом и другими признаками, характеризующими объективную сторону преступления; ж) другимиотягчающими и смягчающими обстоятельствами, характеризующими преступление.

Безусловно, что указанные обстоятельства, определяя степень общественной опасности совершенного преступления, в то же время характеризуют и личность виновного. Однако общественная опасность личности преступника будет также характеризоваться:

- а) степени и характером участия субъекта в совершенном преступлении (при соучастии);
- б) наличием обстоятельств, определяющих цель и мотив преступления;
- в) смягчающими или отягчающими обстоятельствами, относящимися к личности виновного.

Последняя точка зрения представляется правильной, поскольку обстоятельства дела, свидетельствующие о степени общественной опасности преступного деяния и личности виновного, всегда должны учитываться судом при индивидуализации наказания. Эти обстоятельства могут явиться основанием как для определения виновному минимального размера наказания в пределах санкции закона, так и для назначения наказания ниже низшего предела в порядке, установленном законом. Однако для применения условного осуждения судом должны быть выявлены дополнительные специфические основания. Ст. 61 УК Монголии предусматривает возможность условного осуждения лишь в том случае, когда суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным назначенного наказания. Следовательно, сами по себе обстоятельства дела и данные о личности виновного при условном осуждении могут выступать лишь в качестве предпосылок (или условий) для назначения этой меры. Основанием же для применения условного осуждения будут являться лишь такие об-

²⁴ Гаверов Г. С. Условное осуждение и вопросы его эффективности // Наказания, не связанные с лишением свободы (под ред. И.М. Гальперина). – М.: Юрид. лит. – 1972. – С. 101.

стоятельства дела и данные о личности виновного, которые свидетельствуют о нецелесообразности отбывания назначенного наказания.

С учетом изложенного можно определить основания условного осуждения как совокупность фактических обстоятельств, необходимых и достаточных для вывода суда о возможности достижения целей уголовной ответственности без реального исполнения лишения свободы, но в условиях испытания.

Специфические черты условного осуждения по действующему законодательству Монголии, отличающие его от наказания и других мер уголовной ответственности, таковы:

1. В случае, когда, учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, обстоятельства совершения преступления, суд придет к выводу о нецелесообразности отбывания осужденным наказания, он может постановить назначенное наказание условным (ст. 61 УК Монголии).

2. При условном осуждении обязательно назначается один из основных видов наказаний – лишение свободы (ч. 1 ст. 61 УК Монголии).

3. Для назначения условного осуждения необходимы следующие условия: лицу впервые назначено наказание в виде лишения свободы, совершение преступления средней тяжести, возмещение ущерба или устранение причиненного вреда лицом, совершившего преступление (ч. 1 ст. 61 УК Монголии).

3. Суд устанавливает испытательный срок от 1 года до 5 лет (независимо от срока назначенного лишения свободы), в течение которого условно осужденный должен доказать свое исправление, выполняя возложенные на него определенные обязанности и не нарушая общественный порядок или трудовую дисциплину. Несоблюдение таковых может повлечь отмену условного осуждения судом и вынесение постановления суда об исполнении назначенного им реального наказания.

4. При назначении условного осуждения возникают специфические уголовно-правовые последствия, а именно: условно осужденный является судимым во время испытательного срока. В иных случаях сроки, в течение которых существует судимость, определяются в другом порядке. Судимость погашается по истечении испытательного срока (п. 1 ч. 2 ст. 78 УК Монголии).

5. При совершении нового преступления в течение испытательного срока условно осужденному назначается наказание по совокупности приговоров (ч. 3 ст. 61 УК Монголии).

Таким образом, условное осуждение наряду с наказанием и другими мерами уголовной ответственности является самостоятельной мерой уголовной ответственности, в максимальной степени соответствующее механизму реализации принципов уголовной политики Монголии, главным образом отражающее принципы справедливости и гуманности.

Baasantseren A. The legal nature of probation the criminal legislation of Mongolia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 61–69.

The article is about the determination of legal environment based on not only recommendations and conclusions of scientists and researchers who determines history and legal environment of suspended sentence institution that developing in foreign countries but also it is based on questionnaire from subjects /judge, prosecutor, other lawyers/ who implement suspended sentence.

Key words: legal environment, judge, prosecutor, other lawyers.

Spisok literatury:

1. Lomako V. A. *Primeneniye uslovnogo osuzhdeniya*. – Kharkov. 1976. – S. 21.
2. Knizhenko O. *Uslovnoye osuzhdeniye ili sistema ispytaniya* // *Zakonnost*. – 2002. – № 9. – S. 40

3. Vinogradov A. B. Uslovnoye osuzhdeniye: zakonodatelnyy, teoreticheskiy i pravoprimeritelnyy aspekty. Diss. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar. 2001. – S. 37.
4. Gertsenzon A. A. Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast. – M., 1948. – S. 480; Yakovleva L. V. Evolyutsiya pra-vovykh vozzreniy na yuridicheskuyu prirodu uslovnogo osuzhdeniya. Sb.: Istoriya organov vnutrennikh del Rossii. Vyp. Z. Sb. nauch. tr. VNII MVD. – M., 2000. – S. 164.
5. S. Narangerel. Ugolovnoye pravo Mongolii. Obshchaya chast. – Ulan-Bator. 1999. – S. 326 (na mongol-skom yazyke).
6. Kriger G. A. Uslovnoye osuzhdeniye i rol obshchestvennosti v ego primenenii. – M.: Izd-vo MGU. 1963. – S. 9.
7. Tkachevskiy Yu. M. Yuridicheskaya priroda uslovnogo osuzhdeniya // Ugolovnoye pravo. – 1999. – № 1. – S. 36.
8. Goryaynova E. A. Uslovnoye osuzhdeniye po sovetskomu ugolovnomu pravu. Avtoref. dis. kand. yur. nauk. – M., 1987. – S. 8.
9. Sharipov T. Sh. Uslovnoye osuzhdeniye. Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. – M., 1992. – S. 13.
10. Burlakova. I. A. Uslovnoye osuzhdeniye: Teoretiko-pravovyye i prakticheskiye problemy: Dis. ... kand. yurid. nauk. – M.: MGU. Yuridicheskiy fakultet. 2003. – S. 35.
11. Yakubovich M. I. O pravovoy prirode uslovnogo osuzhdeniya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1946. – № 11-12. – S. 55.
12. Karpets I. I. Individualizatsiya nakazaniya. – M., 1961. – S. 27.
13. Retyunskiy I. S. Ugolovnaya otvetstvennost i ee realizatsiya. – Voronezh. 1983. – S. 56.
14. Skobelin S. Yu. Uslovnoye osuzhdeniye: kriminologicheskiy i ugolovno-ispolnitelnyy aspekty: Dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk. 2003. – S. 75.
15. Kondalov A. N. Uslovnoye osuzhdeniye i mekhanizmy ego obespecheniya // Gosudarstvo i pravo. – 1999. – № 7. – S. 103.
16. B. Sodovsuren. BNMAU-yn Eryygiyn erkh zyy. Erynkhiy angi. UB. 1969. 134 tald.
17. G. Sovd. BNMAU-yn Eryygiyn erkh zyy . Kurs. UB. 1973. 405 tald.
18. T. Dendev. BNMAU-yn Eryygiyn erkh zyy. Eryygiyn yalyn asuudal. UB. 1975. 123 tald.
19. S. Narangerel. Erkh zyyн ekh tol bichig. – UB., 2008. – 658 tald.
20. S. Zhantsan Mongol Ulsyn eryygiyn erkh zyyн onol. – UB., 2014. – 311 tald.
21. Gaverov G. S. Uslovnoye osuzhdeniye i voprosy ego effektivnosti // Nakazaniya. ne svyazannyye s li-sheniym svobody (pod red. I.M. Galperina). – M.: Yurid. lit. – 1972. – S. 101.

УДК 930.22; 343.98

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Жигулин А. М., Моисеев А. М.

Рассмотрена проблема документирования военных преступлений, совершаемых в зоне вооруженных конфликтов. Показана применимость криминалистического подхода к упорядочению и предварительному исследованию материалов, предоставляемых в международные судебные инстанции. Обосновано, что привлечение специальных знаний для первичной обработки материалов документирования обеспечивает их достоверность и доступность.

Ключевые слова: военные преступления, криминалистика, следовая картина, специальные исследования.

Введение. В ходе вооруженных конфликтов нередко отмечаются нарушения правил ведения войны, факты совершения военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях. Источниками свидетельств этого могут выступать самые разные субъекты от международных наблюдателей до общественных организаций и местных жителей. Сбор информации о преступлениях международного характера на территориях военного конфликта активно осуществляют правозащитные организации, которые относительно международной юрисдикции выступают в качестве внепроцессуального субъекта [1, с. 256]. Собранные ими материалы характеризуются значительным объемом, однако требуют систематизации и предварительной обработки. Исследование следов преступлений входит в предмет науки криминалистика. Она разрабатывает современные подходы к упорядочению документальных массивов значительного объема. Перспективным среди них называют семантический. В связи с этим становится актуальной задача применения современных средств систематизации и обработки массива документов о военных преступлениях, предоставляемого общественными организациями в международные судебные инстанции.

Целью нашего исследования является установление применимости криминалистического подхода к решению задачи систематизации и предварительной обработки результатов документирования данных, собранных общественностью о преступлениях международного характера.

Изложение основного материала. На Донбассе создана Общественная комиссия по фиксации и расследованию преступлений международного характера. Основными ее задачами являются: 1) создание и ведение единого реестра преступлений геноцида; военных; против человечности; 2) подготовки и обращения в юрисдикции с заявлениями о привлечении к уголовной и гражданско-правовой ответственности лиц, совершивших указанные преступления. Общественная комиссия совместно с другими общественными организациями Донецкой Народной Республики производит документирование событий с признаками военных и другого вида преступлений. Процедура документирования содержит отбор и систематизацию

объяснений очевидцев, изготовление различного рода фото-видеоматериалов, геодезических карт, схем, планов и т.п., а также проведение предварительного исследования местности и сбор материальных следов события.

С позиций криминалистики разнообразные источники информации о событии, содержащем признаки военных преступлений, представляют собой следы в широком значении этого термина [3]. Следами документируемого события называем любые разнохарактерные источники информации об обстоятельствах и процессах, его сопровождающих. Событие понимаем как совокупность явлений и процессов, составляющих объект документирования. Поскольку они распределены по времени и пространству, то и упорядочение результатов документирования естественным образом должно соответствовать пространственно-временным характеристикам события. Предлагаем систематизацию материалов, полученных в результате документирования события, производить по временному принципу. Для этого выделяем ключевые факты, происходящие в период протекания данного события. Таковыми называем факты, отражающие существенные процессы, действовавшие на определенном его этапе. Сменяемость указанных процессов соответствует последовательности ключевых фактов, отличающихся изменением обстановки на месте события. Один ключевой факт отличается от другого существенным различием формируемых его процессов. Процессы, протекающие в рамках события, с течением времени трансформируются, что влечет закономерные изменения обстановки. Например, в ходе документирования события, связанного с артиллерийским обстрелом жилых кварталов, ключевыми фактами обозначаем подрыв артиллерийского снаряда, повреждения объектов окружающей обстановки, изменения обстановки в результате ликвидации последствий и проведения восстановительных работ. Начальный ключевой факт – подрыв артиллерийского снаряда – это быстротекущий многофакторный процесс, включающий перемещение снаряда с определенного направления на данный участок местности, взаимодействие взрывателя с преградой, взрыв заряда, разлет осколков, образование взрывной воронки по поверхности грунта. Последующий ключевой факт, сменяющий факт подрыва артиллерийского снаряда, – повреждение объектов окружающей обстановки – характеризуется процессами действия поражающих факторов взрыва. К ним относятся: образование пробойн и выбоин взрыво-осколочного характера, обрушение конструкций под действием ударной волны, разнообразные процессы, связанные с воздействием высокой температуры, и т.п. Его сменяет факт изменения обстановки в результате ликвидации последствий взрыва и проведения восстановительных работ. К нему относятся процессы, связанные с тушением пожара, обрушением ненадежных конструкций, восстановительными работами и т.п. Таким образом, документируемое событие – артиллерийский обстрел жилых кварталов – содержит указанные ключевые факты. Каждому из них соответствует совокупность разнообразных следов, собранных по поводу данного события. Представление события в виде последовательности ключевых фактов рассматриваем как его модель, отражающую естественную последовательность процессов, формирующих следы документируемого события.

Множественность процессов, протекавших в период развития события данного вида, определяет значительное количество следов различной природы и характера. Природу следа устанавливаем по наименованию основного процесса, действующего при его образовании. По признаку природы выделяют следы механического, хими-

ческого, биологического и т.п. происхождения. Характером следа обозначаем форму его представления. След может быть представлен в иллюстративной форме, например, фотоснимками и видеозаписью; в текстовой – в виде описаний и пояснений, таблиц и схем и т.п.; в материальной форме – например, как осколки снаряда, обугленные элементы строения и т.п.; результатами специальных исследований – актами экспертиз, отчетами по результатам исследования объекта специалистом, геодезическими картами с указанием расположения поврежденных строений и т.п.

В качестве системообразующего признака следов документируемого события выбираем их принадлежность к одному ключевому факту. Совокупность следов, отражающих информацию об одном факте, в криминалистике обозначают термином «следовая картина». В целом она представляет собой систему информационных источников различной природы и характера, объединенных данным фактом. Отмечаем, что следовая картина ключевого факта, составляющего документируемое событие, характеризуется множественностью и, как следствие, неупорядоченностью.

Для описания и систематизации следовой картины предложено применять математический аппарат матричного анализа [4]. В соответствии с таким подходом множественную следовую картину ключевого факта представляем в виде двумерной матрицы (таблицы). По ее строкам располагаем следы одной природы, а столбцами матрицы обозначаем их характер. Поскольку один след может приобретать различный характер, т.е. быть представленным в различных формах, то он занимает несколько ячеек в матрице следовой картины. Так, след «осколки снаряда» помещаем в строку объектов механического происхождения, но в зависимости от формы их представления – как описание, фотоснимок либо как материальных объект, – они занимают соответствующие ячейки в указанной строке. Например, запись с наружного видеорегистратора, зафиксировавшую подрыв снаряда и последующее возгорание, помещаем в одном столбце, но в различных строках матрицы – в строке, описывающей взрыв, а также в тех, в которых отражены процессы горения, обрушения конструкций и другие. Для сбережения прямоугольной формы матрицы ее пустые ячейки заполняем нулями. Тогда упрощается проведение математических операций с матрицами, описывающими следовую картину различных ключевых фактов, что отрывает возможности для установления обстоятельств профилактического и прогностического характера. Матрица следовой картины является открытой системой: ее пустые ячейки в любой момент могут быть дополнены вновь обнаруженными следами.

По нашему мнению, матричное (табличное) представление следовой картины ключевых фактов существенно упрощает для представителей судебных инстанций восприятие результатов документирования. Действительно, моделирование ключевого факта в виде матрицы, в строке которой помещены все формы представления следа, упрощает обнаружение имеющихся противоречий и неполноты собранных материалов. Также такая систематизация способствует объективизации результатов документирования события путем выявления недостаточно информативных следов.

Рассмотрим факторы, определяющие степень объективности представления события результатами документирования. Отмечаем, что, во-первых, деятельность внепроцессуальных субъектов, производящих документирование, не является судебно-следственной. Она не предусматривает процедур, повышающих достоверность получаемой информации, таких как привлечение понятых при осмотре, пре-

дупреждение информаторов об ответственности за предоставление ложных сведений, проверка адекватности применяемых технических средств и т.п. Во-вторых, документирование одного события производится, как правило, несколькими независимыми лицами – представителями различных СМИ, общественных организаций, а также отдельными гражданами. К сожалению, они не согласовывают между собой свои действия. Содержание фиксируемых ими материалов – это, как правило, видеоряд, сопровождаемый комментариями журналиста или очевидца-участника события. При этом не выдерживается рекомендуемый криминалистикой принцип «от общего – к частному» процедуры фиксации. Так, отсутствие обзорного панорамного изображения исключает установление расположения объекта относительно топографических ориентиров. Часто материалы не передают общий вид поврежденного объекта, что затрудняет оценку объема разрушений. Комментарии, сопровождающие видеоряд, содержат эмоционально-насыщенные выражения, но зачастую искажают существенные параметры размера и характера повреждений, не отражают длительность действия поражающих факторов, не ориентируют на местности поврежденные объекты. Лексика указанных комментариев часто содержит неоднозначные выражения бытового характера. Поэтому при восприятии видеоматериалов, полученных из различных источников, создается впечатление их хаотичности. Зафиксированные элементы обстановки, а также явления и обстоятельства, отраженные в различных сообщениях, не совпадают по лексическому обозначению, по параметрам размера, расположения, временным характеристикам. Очевидно, что такие документы не могут стать основанием для принятия судебных решений. Таким образом, предоставляемые материалы хотя и обладают избыточностью вследствие дублирующей деятельности разных субъектов документирования, но отличаются и значительной степенью противоречивости.

В-третьих, несогласованность действий лиц, производящих документирование события, приводит и к наличию существенных пробелов в результирующих материалах. В некоторых случаях в них оказываются пропущенными топографические, размерные и другие существенные характеристики события. В результатах документирования неизбежны противоречия, вызванные объективными факторами, такими как разница восприятия у различных субъектов, применение разных средств измерения, различия в технических характеристиках звуко- и видеозаписывающих устройств и др. Такие противоречия называем мнимыми, поскольку они отражают реальные обстоятельства события, но только с различной степенью точности. Вместе с тем, нами встретились случаи намеренного искажения информации о некоторых элементах документируемого события. Такие противоречия называем реальными, поскольку они отражают существенные несовпадения в содержании информации, которая закреплена в различных следах одного события. В криминалистике разработаны действенные методы устранения противоречий различного характера. Одним из таких подходов является использование специальных знаний. Мы предлагаем привлекать их и для выявления противоречий в материалах документирования событий рассматриваемого вида.

Отмечаем, что результаты документирования содержат сведения о сложных процессах. Поэтому они представлены не всегда в доступной форме. Процессуальный субъект не может принимать решение по материалам, если затруднено их понимание для всех участников судебного процесса. В судопроизводстве для обеспе-

чения доступности обстоятельств расследуемого события используют язык юридических документов. Однако, не вся информация, отражающая следовую картину, представлена в пригодном для восприятия виде. Значительная ее часть закодирована изменениями вещной обстановки события, различного рода изображениями, а также субъективными образами и т.п. Такие следы недоступны для непосредственного восприятия большинством участников судопроизводства. Поэтому полагаем целесообразным применение специальных знаний для перевода закодированной информации на юридический язык [5, с. 39]. Заметим, что универсальной формой представления информации скрытого характера является система текстовых юридических документов. Поэтому считаем целесообразным сопровождать документы, изготовленные в форме фото- и видеоизображений, фонограмм, топографических карт и схем их текстовыми описаниями. Для их составления рекомендуем привлекать специалистов, владеющих навыками интерпретации явлений, относящихся к соответствующей отрасли знаний. В результате в каждую строку матрицы, отображающей следовую картину ключевого факта, помещаем текстовое описание соответствующего следа. Наличие такого представления следов открывает возможности для применения процедур семантического поиска по массиву следовой картины ключевого события. Семантический поиск понимаем как процедуру установления совпадения (или несовпадения) смысла в различных описаниях. В научной криминалистической литературе обоснована позиция относительно применимости семантических сетей в следственной и судебной практике. Однако, данный инструмент не использовался для анализа множественной следовой картины события. Предлагаем осуществлять его для устранения противоречий в следовой картине.

Семантическая сеть может служить информационной моделью события преступления [6, с. 74]. По нашему мнению, такой подход открывает перспективы и для упорядочения материалов документируемого события. Семантическая сеть – это система организации знаний, аналогичная сознанию человека. Знание – одна из форм представления информации, наряду со сведениями и сообщениями [7, с. 46]. Содержательной единицей знания называют смысл. Семантический поиск основан на установлении одинаковости смысла в различных информационных объектах. Используем существенное преимущество семантической сети – представление ее элементов на естественном языке. Графической моделью семантической сети является математическое дерево или граф. В его узлах располагают описания объектов, в нашем случае – следов. Соединения между узлами отображают логические связи между объектами, такие как частичное или полное соответствие, а также дополнение либо взаимное исключение. Поиск по семантической сети осуществляется специальной программой, которая учитывает как содержательное значение узлов и связей между ними, так их смысловой контекст.

Рассмотрим возможность семантического поиска по матрице следовой картины ключевого события. Его задачей может быть установление совпадающих смыслов в описаниях следов. В результате такой процедуры может быть установлен единый смысл в описаниях, содержащихся в различных ячейках матрицы. Это означает, что в них отображен единый след. Противоречия, вызванные его различными представлениями, являются мнимыми. В результате матрица может быть оптимизирована путем объединения совпадающих по смыслу ячеек. Тем самым следовая картина упрощается за счет исключения дублирующих элементов.

В ином случае при установлении несовпадения смыслов в следах одного ключевого факта можно говорить о наличии реального противоречия между ними. Они могут быть вызваны тем, что в сравниваемые ячейки матрицы помещены искаженные следы. В предоставляемых судебным инстанциям материалах документирования такие следы могут быть отмечены как проблемные.

Остановимся на возможностях применения специальных знаний для исследования противоречий различного характера в следовой картине события. С этой целью предлагаем применять диагностические криминалистические исследования сопоставительного характера. Их проведение предполагает наличие установленного эталона, сравнение с которым позволит анализировать имеющееся противоречия. Полагаем, что в качестве такого эталона возможно использование результатов специального исследования места события, проводимого с участием специалиста-криминалиста. Ознакомлением с массивами документированных данных нами установлено, что во многих материалах, подготовленных общественными организациями для передачи в международные судебные инстанции, представлены результаты специальных исследований, оформленные как заключения специалиста по криминалистическому исследованию места события. Такие материалы содержат описание его обстановки, произведенное в соответствии с криминалистическими рекомендациями, результаты измерений с указанием примененного инструментария и реальных погрешностей. В необходимых случаях дана привязка объектов к геодезическим ориентирам (таким, например, как граница проезжей части улицы, опоры ЛЭП, другие заметные сооружения). Прилагаемая геодезическая карта участка исследованной местности наглядно отображает существенные обстоятельства ключевого факта, такие как направление артиллерийского выстрела, расположение взрывной воронки и других объектов. Можно утверждать, что в итоге достигнута объективизация данных о событии. Поэтому результаты специальных исследований могут служить эталоном при проведении сравнительного анализа следов с целью устранения разнохарактерных противоречий в материалах документирования. Отметим, что, по нашим наблюдениям, результаты специальных исследований могут способствовать не только оптимизации следовой картины, то и восполнять пробелы, допущенные при документировании данного события.

Таким образом, проведение семантического поиска по массиву следовой картины одного ключевого факта позволяет установить в ней наличие мнимых и реальных противоречий. Объединение ячеек матрицы, совпадающих по смыслу заключенной в них информации, уменьшает степень избыточности предоставляемых материалов. Также семантическим поиском могут быть выявлены противоречащие по смыслу следы документируемого события. Матрица следовой картины ключевого факта является открытой системой, адаптированной к проведению семантического анализа.

Последующие этапы обработки массива данных состоят в сопоставительном исследовании матриц, отображающих различные ключевые факты. Так, сравнение их смыслового ядра позволяет выделить существенные связи между ними. Тогда ключевые факты складываются в логически обоснованную последовательность. Семантический поиск по нечетким и неоднозначным признакам, содержащимся в различных матрицах, позволяет установить неочевидные связи вероятностного характера. В результате мы получаем систему ключевых событий с четко установлен-

ным содержанием, а также связи между ними различной степени логической строгости. По нашему мнению, семантическая обработка массива документированной информации позволит представить ее в виде, доступном для восприятия всеми участниками судопроизводства.

Нами исследованы массивы документов, собранных общественной организацией по фактам артиллерийских обстрелов жилых кварталов (количество собранных материалов – более 130). Установлено, что они содержат фотоснимки, полученные представителями СМИ и общественными организациями, а также отдельными гражданами. Значительную их часть составляют результаты специальных исследований обстановки события, проведенных с целью установления характера и причин повреждений, направления артиллерийского выстрела, типа и калибра снаряда, а также пожаро-технических и оценочных строительно-технических исследований и др. Материалы документирования распределены по ключевым фактам, т.е. в них выделены информационные источники, отображающие подрыв снаряда, факт причинения повреждений окружающей обстановке, а также факт ликвидации последствий взрыва. Матричное распределение материалов позволяет устанавливать противоречия и пробелы в результатах документирования. В некоторых случаях материалы удалось дополнить недостающими сведениями в ходе дополнительного осмотра участка местности. Для разрешения отдельных противоречий, таких, например, как несовпадения данных осмотра места события и сообщений, полученных от граждан, были проведены специальные исследования по методикам установления несостоятельности показаний. Отдельные материалы, отображающие обстоятельства неочевидного характера, сопровождаются комментариями специалистов. Таким образом, в практике документирования применяют криминалистические исследования для упорядочения и первичной обработки материалов.

Выводы.

1. Сформирована терминологическая система документирования военных преступлений международного характера. За ее основу взята понятийная база криминалистики. Предложено термином «событие» обозначать совокупность явлений и процессов, составляющих объект документирования. Ключевыми фактами обозначены этапы развития события, отличающиеся изменением обстановки, вызванными сменой формируемых его процессов. Следы в аспекте документируемого события – это любые разнохарактерные источники информации об обстоятельствах и процессах, его сопровождающих. Понятием следовая картина обозначена система следов одного ключевого факта. Матрица (таблица) следовой картины – это форма упорядочения следов: по ее строкам располагают следы одной природы, по столбцам следы распределяют по характеру. Каждый след в матрице представлен текстовым описанием. Также он присутствует в ней в материальной форме или в виде изображения либо сообщения. Матрица следовой картины представляет собой открытую систему, в любой момент она может быть дополнена новыми результатами документирования.

2. Установлена применимость семантического подхода к обработке результатов документирования события, производимого внепроцессуальным субъектом. Семантический поиск осуществляется по массиву следов и состоит в установлении совпадения смыслов. По результатам семантического поиска возможна оптимизация сле-

довой картины путем исключения дублирующих объектов, а также установления реальных противоречий между следами различной природы и характера.

3. Показано, что применение специальных знаний для первичной обработки материалов документирования позволяет представлять их в виде, доступном для восприятия всеми процессуальными субъектами.

Список литературы

1. Путин В. В. Выступление на Генеральной Ассамблее ООН / В. В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/119712>.
2. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект / А. Жигулин // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5. – С. 250-261.
3. Крылов И. Ф. Криминалистическое учение о следах / И. Ф. Крылов. – Л.: ЛГУ, 1976. – 197 с.
4. Моисеев А. М. Следовая картина преступления и ее экспертное исследование / А. М. Моисеев // Другі Таврійські юридичні наукові читання: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Сімферополь, 7-8 листопада 2014 року). – Сімферополь: Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського, 2014. – 108-113.
5. Моисеев О. М. Экспертні технології: теорія формування і практика застосування: монографія / О. М. Моисеев. – Х.: Вид. агенція «Апостиль», 2011. – 424 с.
6. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности: научно-практическое пособие / П. П. Ищенко. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 168 с.
7. Крылов В. В. Расследование преступлений в сфере информации: монография / В. В. Крылов. – М.: Городец, 1998. – 264 с.

Zhigulin A.M., Moiseev A.M. Military crimes documentation: criminalistics aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 70 – 78.

The problem of military crimes documentation carried out by social organizations in the territory of Donetsk People's Republic has been considered. The information gathering about the crimes of an international character in the territory of a military conflict is carried out by human rights organizations. The collected materials by them require systematization and pre-processing. The application aim of criminalistics measures to organization of documents array about military crimes for providing it to the international court instances has been actualized.

The terminological base for description of the results of military crimes documentation has been specified. The traces of a documented event are marked as any various information sources about the circumstances and processes which accompany it. The event is defined as a set of phenomena and processes, which make up the object of documentation. The key facts are those facts, which reflect the significant processes, occurred at a certain stage of the event. The traces of the documented event have been suggested to distribute in relation to the key facts. The collection of traces, which reflects the information about one fact, has been defined as the term "a trace picture" It is a system of information sources of different nature and character.

The trace picture has been requested to present in the form of a two-dimensional matrix. It contains various documentary information sources. The expediency of supporting documents made in the form of photos and videos, sound recordings, topographic maps and charts with their text descriptions has been shown. For their completion, it has been recommended to involve experts of relevant disciplines. The matrix of the trace picture is an open system. The proposed systematization of the trace picture greatly simplifies the perception of the documentation results for members of court instances.

The possibility of semantic search by the matrix of the trace picture has been determined. Its task is to establish concurrent meanings in the descriptions of traces. According to the results of semantic search, the optimization of the trace picture by eliminating duplicate objects and the establishment of the contradictions between traces of a different nature and character are possible.

The applicability of special knowledge for the investigation of the trace picture of the event has been proved. It has been proposed to apply the diagnostic criminalistics investigation. It has been shown that the results of special studies may help to optimize the trace picture and fill the gaps made during documenting of the event.

The results of the analysis of materials collected by a social organization upon artillery attack of residential areas have been generalized. The array contains the documents obtained by the media and public organiza-

tions as well as individual citizens. The demolition of a projectile, the fact of causing damage to the environment, the fact of the elimination of the explosion consequences are the key factors. The matrix distribution of materials has allowed to establish contradictions and gaps in the results of the documentation. In some cases, the material has been able to complete the missing information in the supplementary examination of the place of the event.

Key words: military crimes, criminalistics, trace picture, special study.

References

1. Putin V. V. The report in General Assembly of the UN. Available at: <https://russian.rt.com/article/119712>.
2. Zhigulig A. Community in conditions of social conflict: juridical-international aspect, Vestnik Rossiyskoy natsii, 2015, No. 5, pp. 250-261.
3. Krylov I. F. Criminalistics study about traces. Leningrad, LSU, 1976, 197 p.
4. Moiseev A. M. The trace picture of the crime and its expert investigation, The second Taurida juridical scientific reading: materials of the international research and practice conference (Simferopol, November 7-8th 2014). Simferopol, Taurida National V.I. Vernadsky University, 2014.
5. Moyisyeyev O. M. The expert technologies: the theory of formation and practical application: monograph, Kharkiv, Publisher's agent "Apostil", 2011, 424 p.
6. Ishchenko P. P. The information support of investigative activity: research and practice manual, Moscow, Urlitinform, 2011, 168 p.
7. Krylov V. V. The crimes investigation in the matter of information: monograph. – Moscow, Gorodets, 1998 – 264 c.

УДК 343.8

РЕЙДЕРСТВО – ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ПРЕСТУПНОСТЬ

Герасименко В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В работе исследуется развитие и проникновение в российское общество негативного экономического явления «рейдерство». Дается оценка, что рейдерство в настоящее время имеет существенную криминальную составляющую, а главная деструктивная сущность его проявляется в подрыве экономической безопасности государства, во вреде для международного имиджа и инвестиционной привлекательности страны. Указываются факторы возникновения и распространения «рейдерства», в том числе несовершенство законодательно-правовой базы в РФ. И обосновывается вывод о необходимости разработки и введения в Уголовный Кодекс соответствующей статьи или статей.

Исследуется рейдерство как вид преступной деятельности с целью обоснования её как криминологический вид преступности.

В работе анализируются все элементы состава данного правонарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. И на этом основании делается вывод о возможных формулировках двух составов преступления с наименованием «Рейдерство». Одно преступление рассматривается как захват собственности, а другое как организованная преступная деятельность. Основанием разграничения этих составов преступлений является цель и объект: собственность или экономическая деятельность. Также предлагается включить в эти составы несколько квалифицирующих признаков, относящихся к способу, субъекту и предмету преступных действий.

Ключевые слова: рейдерство, преступность, состав преступления, антирейдерское законодательство, собственность, экономическая деятельность.

В современных условиях криминализации экономических отношений довольно широкое распространение приобрел сравнительно новый вид преступной деятельности – рейдерство (от англ. raid – налет, набег; raiders – лица, совершающие налеты, набеги), который представляет реальную угрозу экономической безопасности Российской Федерации. Это крайне опасная для общества и государства преступная деятельность, которая препятствует нормальному экономическому развитию российского общества, повышению эффективности национальной экономики, компрометирует экономическую политику государства, снижает доверие общества к государственным органам и подрывает авторитет России на международной арене, в том числе с точки зрения иностранных инвестиций.

В настоящее время ущерб от рейдерства для экономики Российской Федерации по различным экспертным оценкам достигает от 20 до 50 млрд. долл. ежегодно [4]. Современное российское рейдерство – это, фактически, самостоятельный вид высокодоходной криминальной деятельности, которая нередко носит организованный характер, включающая в себя: планирование преступной деятельности, разделение ролей, получение доходов, наличие источников финансирования, и сопряжена с коррупционными злоупотреблениями в правоохранительной, судебной, чиновничь-

ей и предпринимательской среде. Поэтому в настоящее время разработка мер по противодействию рейдерству, прежде всего в целях устранения причин, порождающих это явление, и реализация таких мер в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации имеет первостепенное значение [5].

В российском законодательстве определение рейдерства отсутствует, а в научной литературе подходы к его определению неоднозначны. Этим же во многом обусловлено то, что в настоящее время рейдерские проявления не имеют достоверного статистического отражения [2].

В многочисленных исследованиях, посвященных рейдерству [3], под этим явлением понимается: во-первых, агрессивная атака на компанию для захвата бизнеса или его части, т.е. получение контроля над бизнесом вопреки воле основных собственников; во-вторых, враждебный захват бизнеса с нарушениями закона; в-третьих, получение контроля в самом широком смысле одним предприятием над другим методами как законными, так и незаконными; в-четвертых, захват активов при помощи инициирования бизнес-конфликтов; в-пятых, недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, которое осуществляется с использованием недостаточности правовой базы и с коррупционным использованием государственных, административных и силовых ресурсов; в-шестых, тщательно спланированная система деятельности, направленная на получение чужой компании, осуществляющей предпринимательскую и (или) иные виды экономической деятельности, которая, как правило, включает в себя сочетание незаконных, полузаконных (не прописанных в законе, иными словами – противоправных, но не нашедших законодательного запрета) и законных способов приобретения привлекательного, но чужого бизнеса; в-седьмых, особый вид враждебного поглощения, при котором ценные активы подвергшейся рейдерской атаке компании распродаются, и бизнес перестает существовать; в-восьмых, крайне опасное социальное явление, связанное с криминальными проявлениями в сфере экономики страны, направленное на похищение чужого имущества путем незаконного изменения права собственности, в том числе и недвижимости, с использованием обманных действий в правовой и судебной сферах государства, с последующим захватом собственности и применением или угрозой применения сил и средств, опасных для жизни и здоровья человека, с причинением владельцам имущества ущерба в крупном или особо крупном размере; в-девятых, захват имущества (ценных бумаг, производственных мощностей и бизнеса в целом – предприятия как объекта имущественных прав) помимо воли его собственника с применением средств и способов криминального характера (во всех известных случаях имели место элементы коррупции), а также приобретение крупных пакетов акций (поглощение) помимо установленной процедуры и воли менеджмента поглощаемой компании. Первый вид рейдерства используется в отношении юридических лиц любых организационно-правовых форм; второй – только в отношении открытых акционерных обществ.

На наш взгляд, рейдерство выражается в незаконном насильственном или ненасильственном (довольно часто – в совокупном) криминальном захвате объектов чужой собственности, предприятий и их имущества с целью завладения, которое нередко сопровождается совершением обманных действий и причинением собственникам (владельцам) имущества физического и материального вреда (ущерба). Конечная цель криминальной рейдерской деятельности состоит в незаконном захвате

(насильственном или ненасильственном) объектов чужой собственности, предприятий и их имущества путем перехода права собственности на соответствующие объекты «атакующему» лицу (лицам), консолидации контрольного пакета акций (в случае акционерного общества). В последние годы растет количество рейдерских захватов квартир и объектов жилищно-коммунального хозяйства.

Например, насильственный отъем предприятия против воли его собственника с привлечением сотрудников частных охранных предприятий, вооруженных представителей криминалитета, судебных приставов или сотрудников силовых структур; применение насилия или его угрозы в отношении акционеров захватываемого предприятия, не желающих продавать свои акции, или его непосредственного руководства вплоть до физического устранения руководителя (руководителей) компании (компаний) и т.п.

Ненасильственный отъем возможен, например, путем подделки реестра акционеров, правоустанавливающих документов или существенного нарушения легитимности их получения; совершения ненасильственных хищений, вымогательств, неправомερных или преступных действий, связанных с банкротством (нередко «заказных»); использования сфальсифицированных решений собраний акционеров, поддельных договоров купли-продажи акций, поддельных и незаконных судебных решений, вынесенных путем подкупа или обмана судей, отдельных представителей правоохранительных структур, органов государственной власти и т.п.

Список таких определений можно продолжить, однако у всех этих определений есть несколько общих признаков. Во-первых, цель рейдера – захват чужой собственности и/или корпоративных прав контроля. Во-вторых, действия рейдера по сути своей являются незаконными, даже если используемые им инструменты формально основаны на законе (обращения в суд, заявления в полицию и пр.). В третьих, рейдерство – это бизнес, т.е. захват осуществляется не ради захвата, а ради коммерческой прибыли, в среднем составляющей 300 процентов [3].

Условно рейдерство делится на три типа: черное, серое и белое. «Черное» рейдерство – самая криминализованная разновидность этого явления. Используемые в данном случае методы всегда незаконны и нередко связаны с физическим насилием. Это может быть подкуп, шантаж, силовой вход на предприятие, подделка реестра акционеров и т. д. «Серое» рейдерство – это средний вариант, полукриминальный, часто связанный с подкупом и с использованием внешне законных способов, но по сути недобросовестных и неправомερных. Наконец, «белое» рейдерство, которое наиболее распространено на Западе. В этом случае опытные рейдеры используют пробелы в законодательстве и корпоративном регулировании компании-жертвы себе во благо. При «белом рейдерстве» нередко используются забастовки, сговор с профсоюзами и пр. Следует отметить, что «черное рейдерство» – явление, сопутствующее «эпохе первоначального накопления капитала» во всех странах при переходе к рыночному капитализму.

При исследовании такого негативного, противоправного явления, как рейдерство, возникает вопрос, что это – преступление или преступность. Выводы по данному вопросу влияют на характеристику данного явления, законодательное регулирование его, мер по его предупреждению и борьбе с ним.

Криминологи всю преступность группируют на различные виды, критериями которых являются уголовно-правовая характеристика, субъекты преступлений, сфе-

ра деятельности, мотивы преступлений. Например, по объекту определяют экономическую и экологическую преступность, по объективной стороне – насильственную и организованную преступность, по субъекту – женскую и должностную преступность, по субъективной стороне – корыстную и неосторожную преступность. Количество критериев безгранично, и в науке количество видов преступности постоянно увеличивается, исследуется и изучается.

Есть точка зрения, высказанная Смирновым Г. К., Соловьевым А. А., Доброхотовым Р., Косьяненко Н. С., Рудик О. С. и другими, что рейдерство – это один из видов преступности, критерием которой является цель отчуждения предприятия, его имущества, имущественных прав, денежных средств, а также недвижимости, земельного участка с использованием незаконных средств и способов. Однако, как вид преступности, состоящий из совокупности различных самостоятельных преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ, рейдерство не соответствует этому требованию.

Те преступления, за которые в настоящее время привлекаются к ответственности «рейдеры», не образуют единую систему и общность. А представляют собой отдельные действия единого преступного процесса или преступной деятельности. Данная деятельность, а именно криминальный захват, основана на незаконных технологиях с нарушением ст. ст. 159 (мошенничество), 170 (регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом), 171 (незаконное предпринимательство), 174 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем), 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершенного им преступления), 195 (неправомерные действия при банкротстве), 196 (преднамеренное банкротство), 197 (фиктивное банкротство), 202 (злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами), 204 (коммерческий подкуп), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 286 (превышение должностных полномочий), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), 292 (служебный подлог), ч. 1, 3 ст. 327 (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков) и ст. 330 (самоуправство) УК РФ. С противодействием рейдерству и наказанием за него связано около 35 статей УК РФ [1].

Кроме того, рейдерство нередко сопровождается совершением преступлений против личности, собственности, правосудия, порядка управления и т.п. Поэтому при квалификации действий лиц, участвующих в рейдерской деятельности, могут применяться нормы, закрепленные в ст.ст. 105 (убийство), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (побои), 127 (незаконное лишение свободы), 160 (присвоение или растрата), 161 (грабеж), 162 (разбой), 163 (вымогательство), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества), 168 (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), 201 (злоупотребление полномочиями), 210 (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), 213 (хулиганство), 303 (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), 312 (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или ареста либо подлежащего конфискации) УК РФ [1].

Из научных исследований и анализа уголовных дел выделяется целый массив незаконных действий, которые следует отнести к признакам рейдерства [6]. Это скупка акций у мелких акционеров, разглашение данных реестров держателей акций, вынесение незаконных судебных определений (решений) по делам относительно корпоративных конфликтов, нарушения со стороны органов государственной исполнительной службы при исполнении судебных постановлений (решений), произвол частных охранных структур и групп людей, использующих их при таких обстоятельствах. И, в конце концов, силовой захват спорных предприятий, в том числе во исполнение соответствующих судебных решений, акционерных обществ (в том числе с государственной долей собственности) посторонними коммерческими структурами через миноритарных акционеров, действующих в их пользу.

Мы согласны с высказанным в научной литературе [11] мнением о том, что в настоящее время существуют две «слабые» стороны уголовно-правового регулирования противодействия рейдерству: 1) УК РФ не охватывает весь спектр деяний, посредством которых совершаются рейдерские захваты; 2) нормы уголовного закона недостаточно адаптированы к специфике данной категории преступлений. Проблема в том, что в настоящее время на практике рейдерские захваты объектов чужой собственности, предприятий и их имущества нередко квалифицируются по ст.ст. 330 («Самоуправство»), 159 («Мошенничество»), 210 («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»), 163 («Вымогательство»), 183 («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»), 179 («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения») УК РФ (1).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что сегодня «рейдерство» или рейдерскую деятельность нельзя обоснованно назвать видом преступности.

Рейдерство по своей сущности является преступлением, так как это виновно совершенное общественно опасное деяние. Но оно не указано в Уголовном кодексе и не запрещено под угрозой наказания. Таким образом, рейдерство как противоправное общественно опасное двуединое явление есть, а уголовно-правового понятия и правовой характеристики этого явления нет.

Как показывает правоприменительная практика [5], действующие уголовно-правовые нормы не вполне соответствуют специфике этой категории преступлений. В связи с этим привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к рейдерству, становится возможным только на завершающем этапе захвата, когда имущество компании уже похищено или иным противоправным способом выведено из под контроля собственника или законного владельца.

В целях совершенствования правового регулирования ответственности за рейдерство летом 2010 г. уже был принят ряд антирейдерских поправок в уголовное законодательство, но проблему они так и не решили, поскольку внесенные изменения не позволяют в полной мере классифицировать преступление, а наказания, предусмотренные действующими статьями, довольно мягкие [8].

С 5 июля 2010 года вступили в законную силу изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 1 июля подписан Федеральный закон № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» [8].

Указанным законом в Уголовный кодекс РФ внесены изменения, направленные на повышение эффективности противодействия так называемому рейдерству, то есть захватам имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий. Однако в этих законах не упоминается термин «рейдерство». В частности, в Уголовный кодекс введены или изменены ст.ст. 170-1, 185-2, 185-5, 28-3 [8].

Уголовный Кодекс дополнен статьёй 170-1, устанавливающей уголовную ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета.

Статья 185-2 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена частью третьей, предусматривающей ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно за умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Помимо этого, Федеральным законом предусматривается уголовная ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Ответственность за эти действия установлена статьёй 185-5 Уголовного Кодекса РФ.

Новая статья 285-3 Уголовного кодекса устанавливает ответственность должностного лица за умышленное внесение в один из единых государственных реестров заведомо недостоверных сведений, а равно за умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в указанные единые государственные реестры.

Санкции новых статей предусматривают наказание в виде крупных штрафов, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишения свободы вплоть до десяти лет [8].

Дополнение Уголовного Кодекса указанными нормами позволит привлечь рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах рейдерского захвата, упреждая наступление последствий, при которых истребование захваченного имущества ограничено институтом защиты добросовестного приобретателя. После ужесточения законов рейдерские бригады взялись за мелкие предприятия и суммы ущерба уменьшились. По подсчетам СКР, если в 2009 г. ущерб от рейдеров оценивался в 16 млрд. рублей, то после принятия антирейдерских законов ущерб в 2011 г. оценивается в 2 млрд. Эти меры частично противодействуют рейдерству, но не обеспечивают эффективной борьбы с этим явлением и жизнь требует разработки единого понятия преступления и с наименованием «рейдерство».

В настоящее время, рассматривая дела о рейдерстве, правоохранители борются не с причиной, а со следствием. Причиной «популярности» рейдерства в нашей стране стали «дырки в законодательстве». Поэтому в первую очередь нужно реформировать законодательство таким образом, чтобы закрыть все «дырки», чтобы невозможно, невыгодно, опасно было заниматься рейдерством. И Минюст должен взяться за это направление вместе с правоохранительными органами. Надо ввести сам термин «рейдерство» и что это такое, как квалифицировать. В основном все рейдеры действуют по 3–4 схемам. Правоохранительные органы эти схемы знают.

Разложив на составляющие все схемы рейдерства, можно понять, какими изменениями в законе можем перекрыть их.

По своей сущности рейдерство подразделяется на несколько видов. Рейдерство: 1) легальное и 2) нелегальное. Легальное рейдерство может быть: 1.1) добровольное и 1.2) недружественное. Нелегальное рейдерство также может быть: 2.1) недружественное и 2.2) силовое. Нелегальное недружественное рейдерство выступает в формах: 2.1.1) Недружественного завладения собственностью и 2.1.2) недружественного завладения землей. Нелегальное силовое рейдерство проявляется в: 2.2.1) силовом захвате предприятия; 2.2.2) силовом захвате имущества и квартир, финансовых активов и 2.2.3) захвате контроля над субъектом хозяйственной деятельности.

Учитывая указанное многообразие форм рейдерства, действительно сложно дать его единое понятие.

Мы согласны с мнением [13] о необходимости введения в УК РФ самостоятельной статьи или статей о рейдерстве в целях ужесточения уголовной ответственности за совершение рейдерских действий. И чтобы выполнить эту задачу, необходимо на основе уголовно-правовой характеристики дать понятие этого преступления. Сегодня имеется несколько предложений по данному поводу, и одно из них предлагается нами.

Первой и главной проблемой, требующей правовой регламентации, является определение уголовно-правового понятия и сущности рейдерства. Основой их определения является анализ состава нелегального силового рейдерства.

Исследование объекта преступного посягательства позволяет указать вид преступления, его объективные признаки и способы совершения, а также специфические квалифицирующие признаки преступления. Общественная опасность рейдерства при незаконном захвате предприятий проявляется в смене собственника, в сворачивании хозяйственной деятельности (закрытии предприятий), использовании земельного участка для других целей, а также в увольнении руководителей предприятия и работников. Рейдерство – правонарушение многообъектное. В Российской Федерации оно посягает на одинаковых по важности два основных объекта при двух взаимосвязанных целях. Одни действия влекут разрушение хозяйственного механизма, захват предприятия, поглощение его, хозяйственное слияние, захват субъекта хозяйственной деятельности. Они составляют преступления в сфере экономической деятельности.

Другие действия преследуют цель завладения собственностью, имуществом, имущественными правами, помещениями и объектами недвижимости, землёй, финансовыми активами предприятия. Это преступления против собственности без признаков хищения. Уголовно-правовая характеристика указанных преступлений отличается по способам, формам их совершения, целям и вредным последствиям. При указанных обстоятельствах целесообразно разработать и установить два понятия рейдерства. Одно как преступление против собственности. Другое как преступление в сфере экономической деятельности.

Основой определения и разграничения двух уголовно-правовых понятий и содержания рейдерства являются объективные признаки состава этого правонарушения. Одни рассматривают рейдерство как совокупность нескольких изолированных противоправных уголовно наказуемых действий, а другие считают рейдерство как единый процесс, совершаемый разными способами и лицами, т.е. единое уголовное

деяние, совершенное преступной организацией. Многообразие действий при рейдерстве необходимо альтернативно указать в объективной стороне этого преступления, как квалифицирующие обстоятельства.

На рейдерство как преступление в сфере экономической деятельности законодатель в России обратил внимание в первую очередь. В нижней палате парламента разработан законопроект, которым вводится в УК РФ новая статья о незаконном присвоении прав на бизнес. В Госдуме РФ подготовлен проект федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс РФ», вводящий новую уголовную статью «Присвоение прав на владение и управление юридическим лицом и (или) его активами». Авторы законопроекта считают, что изменения в уголовном законодательстве позволят более эффективно противодействовать рейдерству [9].

По новой статье присвоение прав на владение и управление юридическим лицом или его активами путем незаконного приобретения права владения, пользования или распоряжения долями будет наказываться лишением свободы на срок от 3 до 5 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей. Если преступление совершено с использованием служебного положения или в крупном размере, то предусмотрено наказание уже на срок от 5 до 8 лет со штрафом в размере до 5 млн. рублей или конфискацией имущества. Если же преступление, предусмотренное данной статьей, повлекло за собой угрозу безопасности общества или государства, а равно причинение ущерба государству в особо крупном размере, то предлагается наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 20 лет с конфискацией имущества.

В пояснительной записке к законопроекту сказано, что необходимость внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство обусловлена тем, что с 1990-х годов в сфере перераспределения коммерческой собственности сложился и активно развивается сектор криминальной деятельности, в котором имущество хозяйствующих субъектов незаконным путем вопреки воле их учредителей или органов управления переходит в собственность других лиц, то есть фактически захватывается.

Парламентарии уверены, что для повышения эффективности борьбы с этим явлением следует отнести такие деяния к категории тяжких преступлений со всеми вытекающими последствиями для виновных лиц.

Нами предлагается, во-первых, определить рейдерство как заказ и (или) организация нападения на предприятие, учреждение, организацию с целью его захвата, что повлекло нарушение его нормальной работы, а также нападение на предприятие, учреждение, организацию с целью его захвата, совершенное организованной группой (рейдерство).

При этом устанавливается уголовная ответственность только за один вид рейдерства – нелегальное силовое рейдерство, объектом которого является сфера хозяйственной деятельности.

Второе понятие. Рейдерство – это организованная преступная деятельность, предусматривающая совершение незаконных действий, связанных общим умыслом на противоправный захват предприятия или завладение собственностью, объединенный с использованием неправосудных судебных решений или коррупции в правоохранительных органах.

В этой статье одновременно указываются признаки, характерные для преступлений против собственности. Понятие рейдерства сводится исключительно к сило-

вому захвату предприятия. Но это противоречит общепринятому в настоящее время пониманию рейдерства как совокупности приемов и средств, используемых при недружественном поглощении или установлении контроля над юридическими лицами. Противоречив и термин «захват». Он не позволяет под рейдерством понимать завладение имуществом и отчуждение собственности, а также создает возможность для отнесения к «рейдерству» действий, которые не имеют ничего общего с настоящим рейдерством, и поэтому выглядит неоправданным. При этих противоречиях в одном понятии рейдерства совмещаются два различных преступления, которые надо разделить и дать второе понятие рейдерства как преступления против собственности.

Объективная сторона рейдерства должна содержать все его действия, известные судебной-следственной практике. Рейдерство – это процесс, цепочка, целый ряд действий для достижения поставленной конкретной цели. Даже одно незаконное действие, звено в цепи рейдерства дает право определить эту цепочку и все действия рейдеров как продолжаемые в едином противоправном процессе.

А как наказать рейдера, если в Уголовном кодексе нет специальной статьи за такие действия? Часто отсутствие такой статьи ученые и практики объясняют отсутствием необходимости в ней, или тем, что за действия, которые сопровождают захват предприятия, можно привлечь к уголовной ответственности по другим статьям, имеющимся в Уголовном кодексе. При этом рейдер-организатор чаще остается безнаказанным, а привлекаются к уголовной ответственности второстепенные лица, совершившие в цепи рейдерской атаки какое-то одно незаконное действие.

Рейдерство, как преступление против собственности, имеет основной объект – собственность, а объективная сторона, выражается в термине «незаконное завладение», а не «захват». При этом происходит недружественное (не добровольное, но и не силовое) завладение предприятием, завладение субъектом хозяйственной деятельности, завладение имуществом, имущественными правами, денежными средствами и другой собственностью.

Таким образом, второе понятие рейдерства можно рассматривать как незаконную организованную деятельность с целью завладения субъектом хозяйственной деятельности и его собственностью.

Некоторые авторы, в числе которых Смирнов Г. К., Соловьев А. А., Доброхотов Р., Косьяненко Н. С., Рудик О. С., рассматривая рейдерство как силовой захват предприятия с применением оружия и насилия, относят его к преступлению против общественной безопасности.

В связи с этим они полагают, что в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ следует ввести самостоятельную ст. 227-1 «Рейдерство», предусматривающую ответственность за незаконный насильственный, т.е. с применением насилия либо с угрозой его применения (ч. 1), или ненасильственный (ч. 4) захват объектов чужой собственности, предприятий и их имущества с целью завладения, повлекший причинение ущерба в крупном размере. Предлагаемая статья в ч. 2 должна содержать квалифицирующие (совершение деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, повлекшего причинение ущерба в особо крупном размере), а в ч. 3 – особо квалифицирующие (совершение деяния организованной группой, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные

тяжкие последствия, лицом с использованием своего служебного положения) признаки рейдерства. Авторы считают, что целесообразно также в указанную статью включить примечание, предусматривающее условия освобождения от уголовной ответственности за рейдерство. Заметим также, что гл. 24 УК РФ уже содержит смежный с рейдерством уголовно-правовой состав преступления – пиратство (ст. 227 УК РФ), в котором предусмотрена уголовная ответственность за нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. В качестве статей, содействующих борьбе с рейдерством, могут выступать указанные выше ст.ст. 170-1, 185-2, 185-5 и 285-3 УК РФ. Содействовать борьбе с рейдерством может также ужесточение уголовной ответственности за хищение ценных бумаг путем выделения самостоятельной разновидности хищения по примеру ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность». По мнению сторонников данной точки зрения, отнесение хищения ценных бумаг к тяжкому преступлению по простому, неквалифицированному составу преступления (наказание, аналогичное наказанию, предусмотренному ч. 1 ст. 164 УК РФ, – лишение свободы на срок от шести до десяти лет с высоким штрафом) «способно остановить некоторых из тех, кто занимается рейдерством, не гнушаясь никакими способами завладения чужой собственностью». В числе квалифицирующих признаков предлагается предусмотреть хищение с использованием высоких (компьютерных и иных) технологий.

Заметим также, что существуют и другие подходы к совершенствованию уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству. Так, в научной литературе заявляется о позиции, согласно которой предлагается включить понятие «рейдерство», предварительно классифицированное в законе с точки зрения уголовно-правовой терминологии, как квалифицирующий признак в составы таких преступлений, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), подделка или изготовление поддельных документов (ст. 327 УК РФ). Кроме того, предлагается ввести в УК РФ норму, предусматривающую уголовную ответственность за преступные действия регистраторов, причем как государственных, так и частных.

Таким образом, рейдерская деятельность – это целый ряд преступных действий, а потому рейдерство необходимо рассматривать как отдельный вид организованной преступной деятельности, предусматривающей совершение ряда преступлений, связанных общим умыслом на противоправный захват чужой собственности, объединенный с использованием неправосудных судебных решений и коррупции в правоохранительных органах.

Список литературы:

1. Уголовный Кодекс РФ от 13.06.96 351-ФЗ.
2. Буксман А. России необходим закон о рейдерстве / А. Буксман // Независимая газета. — 2012. — 15 октября. — № 236. — С. 3.
3. Смирнов Г. К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства в России в сфере противодействия рейдерству // Российская юстиция. — 2009, — №12, — С. 6-10.
4. Рейдерство и пути противодействия рейдерским захватам // Консультация. 13 января 2011. mosuruslugi.ru/consultation/q/230/

5. Ельмеева И. Г. Практика рейдерских захватов в России [Текст] / И. Г. Ельмеева // Материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2013 г.). — СПб.: Реноме, 2013. — С. 10-12.
6. Андреева Л. А. Уголовная ответственность юридических лиц в системе мер противодействия рейдерству // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. — Тюмень: "ТГАМЭУП", 2012, Вып. 9. — С. 63-67.
7. Косарева Н. Е. Законодательные меры противодействия рейдерству в Российской Федерации // Материалы международной научно-практической конференции. — Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. — С. 205-212.
8. Доброхотов Р. Закон о рейдерстве. Пояснительная записка и проект антирейдерских поправок в УК РФ и УПК РФ. Силовика VS Бизнес, - 13.05.10. http://slon.ru/russia/zakon_o_reyderstve-384991.xhtml
9. И. Сухарев, А. Ищенко, С. Каргинов. За рейдерство предлагается сажать на 20 лет // «Известия» от 27 февраля 2015 г. (часть II).
10. В России одобрили законы о рейдерстве и об инсайде // BlackInvestor, — 05 Июль 2010, <http://lenta.ru/articles/2010/07/05/zakony/>
11. Соловьев А. А. Правовые основы противодействия рейдерству // Юрист. — 2011. — №1. — С. 8-14.
12. Федоров А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). WoltersKluwerRussia, 2010. ISBN 9785466004359.
13. Смирнов Г. К. Старший инспектор СК РФ. Опубликовано: 21 июня 2012 г. http://expert.ru/2012/06/21/news-18_30/

Gerasimenko V. The raid – a crime or a criminality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2015. — Т. 1 (67). № 3. — P. 79 – 90.

In the article we investigate development and penetration of the economic phenomenon called "raid" which has negative investigated in Russian society. We think, that a corporate raid has a substantial criminal constituent, and it's main destructive essence is shown in injury of economic security of the state, in harm for an international image and investment attractiveness of country. The factors of origin and distribution of corporate "raid" are specified and shown up in imperfection of legislatively base of Russian Federation. And as a conclusion we talk about the necessity of development and introduction for Criminal Code the corresponding article or some.

A corporate raid is investigated as a type of criminal activity with the purpose of ground of it, as a criminology type of criminality.

All elements of composition of this offence are analyzed: object, objective side, subject and subjective side. So we make a conclusion about possibility of formulations for two corpus delicts called "raid". One crime is examined as a property capture and other as the organized criminal activity. The differentiation of these compositions of crimes is an aim and object: property or economic activity. It is also suggested to plug in these compositions a few characterizing signs, related to the method, subject and article of criminal acts.

Keywords: corporate raid, criminality, corpus delict, antiraid legislation, property economic activity.

Spisok literatury:

1. Uголовный Кодекс РФ от 13.06. 96 351-FZ
2. Buksman A. Rossiineobhodimzakon o reyderstve / A. Buksman // Nezavisimaya gazeta. — 2012. — 15 oktyabrya. — № 236. — S. 3.
3. Smirnov G.K. Problemy I primeneniya isovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatelstva v Rossii v sfere protivodeystviya reyderstvu // Rossiyskaya yustitsiya. — 2009, — №12, — S. 6-10.
4. Reyderstvo I puti protivodeystviya reyderским zahvatam // Konsultatsiya. 13 yanvarya 2011. mosruslugi.ru/consultation/q/230/
5. Elmeeva I. G. Praktika reyderских zahvatov v Rossii [Tekst] / I. G. Elmeeva // Materialy II mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyun 2013 g.). — SPb.: Renome, 2013. — S. 10-12.
6. Andreeva L.A. Ugolovnaya otvetstvennost yuridicheskikh lits v sistememer protivodeystviya reyderstvu // Sovershenstvovanie deyatelnosti pravoohranitelnykh organov po borbe s prestupnostyu v sovremennykh usloviyah. — Tyumen: "TGAMEUP", 2012, Vyip. 9. — S. 63-67.

7. Kosareva N.E. Zakonodatelnyie mery I protivodeystviya reyderstvu v Rossiyskoy Federatsii // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Vladivostok: Izd-voDalnevost. feder. un-ta, 2011. – S. 205-212.

8. R. Dobrohotov. Zakon o reyderstve. Poyasnitelnaya zapiska I proekt antireyderskih popravok v UK RF i UPK RF. Silovika VS Biznes, - 13.05.10. http://slon.ru/russia/zakon_o_reyderstve-384991.xhtml

9. I.Suharev. A.Ischenko. S. Karginov. Zareyderstvo predlagaetsya sazhat na 20 let. // «Izvestiya» ot 27 fevralya 2015 g. (chast II).

10. V Rossii odobrili zakonyi o reyderstve I ob insayde // Black Investor, - 05 Iyul 2010, <http://lenta.ru/articles/2010/07/05/zakony/>

11. Solovev A.A. Pravovyye osnovyi protivodeystviya reyderstvu // Yurist. – 2011 №1. – S.8-14.

12. Fedorov A. Yu. Reyderstvo I korporativnyiy shantazh (organizatsionno-pravovyye meryi protivodeystviya). Wolters Kluwer Russia, 2010. ISBN 9785466004359.

13. Smirnov G.K. Starshiyinspektor SK RF. Opublikovano: 21 iyunya 2012 g. http://expert.ru/2012/06/21/news-18_30/

УДК 343.618:343.85

ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мидловец М. В., Соляной А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В работе исследуется объект и предмет, а также общественно-опасные последствия преступных посягательств при совершении дорожно-транспортных преступлений. Авторами исследуются теоретические научные наработки в области определения объекта и предмета посягательства, а также раскрываются родовая, видовая, непосредственный и дополнительный непосредственный объект дорожно-транспортного преступления в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. В соответствии с законами Российской Федерации по обеспечению дорожно-транспортной безопасности раскрывается предмет дорожно-транспортных преступлений, который выступает особым элементом отграничения данных преступлений от других составов, общественная опасность которых имеет такие же последствия, а именно преступлений против жизни и здоровья человека. Предлагается расширить основания возникновения уголовной ответственности за совершенное дорожно-транспортное преступление причинением ущерба в крупных и особо крупных размерах, которые будут определяться в соответствии со стандартами, установленными для определения крупного и особо крупного размера ущерба, причиненного преступлениями против собственности. Авторами предлагается криминализация неоднократного умышленного нарушения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, которые хоть и не привели к наступлению предусмотренных диспозицией ст. 264, 268 Уголовного кодекса Российской Федерации общественно-опасных последствий, но могли бы.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, эксплуатация транспорта, дорожно-транспортные преступления, объект, предмет, общественно-опасные последствия, имущественный вред.

Главной целью и обязанностью государства является обеспечение безопасности внутренней и внешней, что представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, специальных и иных мер. Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из наиболее актуальных направлений деятельности государства, так как дорожно-транспортные преступления (далее – ДТП) посягают на наиболее значимые и охраняемые права и свободы – жизнь и здоровье человека, а также имущество, что в свою очередь, также негативно сказывается и на экономике государства.

ДТП являются одним из наиболее часто совершаемых видов преступлений, при этом обладают высокой латентностью. В Российской Федерации ДТП составляют 20-23% в общей структуре преступности. По данным Департамента безопасности дорожного движения МВД России, за прошлые десять лет на территории нашей страны ежегодно в среднем совершается более 200 000 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибает от 25 000 до 30 000 человек, и ранения различной степени тяжести превышают количество зарегистрированных ДТП практически в 1,5 раза.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О безопасности дорожного движения» обеспечением безопасности дорожного движения является деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий, которая проявляется в охране жизни, здоровья и имущества граждан, защите их прав и законных интересов, а также интересов общества и государства. Успешное предупреждение ДТП возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на эффективности мер по обеспечению безопасности дорожного движения, что во многом зависит от точности и полноты уголовного законодательства в данной сфере. В настоящее время возникла необходимость совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего составы преступлений, посягающих на безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта, объект и предмет посягательства, опасные последствия преступного деяния, которые имеют важное значение для квалификации и расследования преступлений в сфере дорожного движения. В правоприменительной деятельности, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения, много недостатков, которые, как правило, «списывают» на счет сотрудников ГИБДД, полиции в целом, но именно недостатки в законодательном определении объекта и предмета ДТП, общественно-опасных последствия приводят к таким ошибкам на практике.

Определение объекта преступления имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение, позволяет раскрыть социально-политическую сущность данной группы преступлений, выявить общественно-опасные последствия, установить пределы действия уголовно-правовой нормы; предшествует правильной и точной квалификации. Под объектом преступления следует понимать наиболее значимые, поддающиеся правовому воздействию и объективно требующие правовой охраны общественные отношения, способствующие нормальному развитию общества, которым преступлением может быть причинен существенный вред [16, с. 104]. Но в последнее время в литературе было выражено мнение, что под объектом преступления необходимо понимать не общественные отношения, а определенные социально-значимые ценности, интересы, на которые посягает преступное деяние, вызывая вред, и охраняется уголовным законом [11, с. 98; 13, с. 14]. Оба подхода заслуживают внимания, но, исследуя объект преступления как социальную ценность, определяется важность охраняемого предмета и степень общественной опасности последствий. Определение объекта как общественных отношений имеет практическое значение, так как, взяв за основу предмет конкретного отношения, законодатель структурирует нормы по их обеспечению и охране, закрепляя в определенной последовательности в уголовном законодательстве и определяя их место в Уголовном кодексе.

Ранее считалась общепризнанной трехчленная классификация объектов преступления (общий, родовой, непосредственный), однако, с принятием нового УК РФ, целесообразным стало деление объектов преступления на общий (Особенная часть), родовой (раздел Особенной части); видовой (глава Особенной части); непосредственный объект (обязательный элемент состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой Особенной части) и дополнительный непосредственный объект.

Ответственность за дорожно-транспортные преступления предусмотрена ст. ст. 264, 264.1, 268 УК РФ Главы 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» Раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Общим объектом для всех преступлений, в том числе ДТП, является совокупность общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона.

Согласно такой классификации и структуре УК РФ родовым объектом транспортных преступлений является группа однородных по своей сущности общественных отношений, объединенных в законодательной системе Особенной части в самостоятельный IX раздел о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. В ныне действующем ФЗ № 390 «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. [3] не дается определения общественной безопасности, но в юридической литературе по-прежнему используется представленное определение в ст.1 Закона РФ от 05.03.92 г. № 2446-1 «О безопасности» [4]. В соответствии с ним под «безопасностью» понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Безопасность воспринимается как важное социальное благосостояние, к сохранению и поддержанию которого государство, общество и каждая отдельная личность предпринимают всесторонние меры.

Видовым объектом ДТП выступает безопасность движения и эксплуатация транспорта. Законодатель не дает определения безопасности движения и эксплуатации транспорта. В ст. 2 ФЗ «О безопасности дорожного движения» закрепляется определение безопасности дорожного движения, под которой понимается «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий» [1], что ограничивается дорожно-транспортным движением. Ст. 1 ФЗ «О транспортной безопасности» определяет транспортную безопасность как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства» [2], что ограничивается транспортом как объектом, исключая само движение. Поэтому определение безопасности движения и эксплуатации транспорта было выработано в науке уголовного права, под которым следует понимать состояние защищенности перемещения и использования для перевозки людей и (или) грузов автомобильного, трубопроводного, железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, метрополитена и иного транспорта, а в случаях, предусмотренных законом, ещё и соответствующей транспортной инфраструктуры [9, с. 90].

Непосредственный (конкретный) объект может быть сформулирован как индивидуально определенное общественное отношение, нарушенное отдельно взятым преступлением, ответственность за которое предусмотрена нормой УК РФ. Так, непосредственным объектом ДТП выступает безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств как часть общественной безопасности и общественного порядка.

Следует отметить, что ДТП законодатель определяет как неосторожные, но, по своей сути, виновный чаще всего нарушает правила дорожного движения осознанно, умышленно. Виновный может не желать наступления общественно опасных последствий, причинения вреда имуществу, жизни и здоровью человека, но, полагаясь «на случай», допускает нарушение правил дорожного движения, не задумываясь о последствиях, которые могут наступить [13, с. 140–142]. В данном случае считаем необходимым предусмотреть уголовную ответственность за неоднократное умышленное нарушение правил дорожного движения, которые хоть и не привели к существенным последствиям, но могли, и неоднократная административная ответственность не повлияла на сознание виновного. Такая норма позволит предупредить легкомысленное нарушение правил дорожного движения и предотвратить наступление общественно-опасных последствий.

Дополнительным непосредственным объектом ДТП, исходя из определяемых законодателем общественно-опасных последствий (ст. ст. 264, 268 УК РФ), является жизнь и здоровье человека. Однако в таком случае рассматриваемое дорожно-

транспортное преступление следовало бы относить к преступлениям против жизни и здоровья. При этом, как мы видим из диспозиции ст. ст. 264, 268 УК РФ, законодатель предусматривает уголовную ответственность за ДТП лишь в случае причинения вреда жизни и здоровью человека: причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1, 2 ст. 264 УК РФ, ч. 1 ст. 268 УК РФ), повлекшие смерть человека (ч. 3–6 ст. 264 УК РФ, ч. 2,3 ст. 268 УК РФ). При этом законодатель оставляет без внимания имущественный вред, причиняемый ДТП, и степени общественной опасности таких последствий.

Общественно-опасные последствия преступления определяют предмет посягательства. В данном случае уголовная ответственность наступает за причинение вреда жизни и здоровью человека. Казалось бы, при таком построении вопроса криминализации деяния данная норма должна содержаться в Главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» Раздела VII «Преступления против личности». Но законодатель отграничивает наступление этих последствий по неосторожности, тем самым исключая цель и умысел виновного в наступлении таких последствий.

Для более точного выяснения этого вопроса необходимо определение предмета посягательства ДТП. Нам представляется наиболее точным определение И. В. Кузнецова, который предмет преступления трактует как вещь или другой физический (вещественный) предмет внешнего мира, предусмотренный уголовным законом, путем незаконного воздействия на который наносится вред соответствующим охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам либо создается угроза причинения такого вреда [10, с. 15]. Так, предметом ДТП является дорожный транспорт, к которому относятся автомобиль, трамвай, трактор, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право [5]; «устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами, и включающие в себя: а) транспортные средства автомобильного транспорта, используемые для регулярной перевозки пассажиров и багажа или перевозки пассажиров и багажа по заказу либо используемые для перевозки опасных грузов, на осуществление которой требуется специальное разрешение; ...» [2]. Таким образом, предметом ДТП выступает любое механическое средство передвижения, на управление которым необходимое специальное разрешение. Именно в этой части законодатель отошел от обычной практики отнесения того или иного преступления в зависимости объекта преступления и наступивших общественно-опасных последствий, выделив преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта по предмету посягательства, отдельно отграничив дорожно-транспортные преступления.

Поэтому мы считаем правильной позицию законодателя, который сгруппировал транспортные преступления, отделив их от других общественно-опасных деяний по особому предмету, представляющему повышенную общественную опасность. Но наступление ответственности только за причинение вреда жизни и здоровью человека считаем недостаточным, так как аварии на транспорте посягают и на вещи материального мира, собственность как частную, так и муниципальную, государственную, что негативно сказывается на экономике государства. Что касается крупного ущерба, то эта разновидность последствий ДТП вообще не предусмотрена, что вызывает много вопросов, так как чаще всего ДТП своим последствием имеет порчу транспортного средства, иного имущества, с которым совершено столкно-

вение, личное имущество пешехода или имущество, находящееся в муниципальной или государственной собственности [15].

Статьями 1064, 1079 ГК РФ предусмотрена возможность возмещения лицу вреда, причиненного действиями другого лица, а также обязанность владельца объекта повышенной опасности возместить вред, причиненный источником повышенной опасности. Однако, предусмотрев уголовную ответственность за причинение вреда в крупном или особо крупном размере вследствие нарушения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, законодатель тем самым повысил бы «страх уголовной ответственности» за нарушение правил дорожного движения, сократил бы время на судебные процессы, избавив тем самым потерпевшего (гражданского истца) от необходимости подачи искового заявления о возмещении вреда, причиненного объектом повышенной опасности вследствие нарушения безопасности движения и эксплуатации транспорта, доказывания вины лица и сбора доказательств. Таким образом, следует представить ч. 1 ст. 264 УК РФ таким образом:

«Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека и/или имуществу в крупных или особо крупных размерах, – наказывается ...». Под крупным размером следует понимать не сумму, предусмотренную в ст. 263, 263.1 УК РФ, превышающую один миллион рублей как такую, что причиняется крупногабаритным пассажирским транспортом, а такую, что предусмотрена Примечанием 4 к ст. 158 УК РФ Главы 21 «Преступления против собственности», где крупным признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что дорожно-транспортные преступления имеют особый характер ввиду своего предмета, а установление точного объекта преступления способствует правильной квалификации совершенного деяния, так как закрепленные в УК РФ общественно-опасные последствия ДТП могут ошибочно квалифицироваться как последствия преступлений против жизни и здоровья. Именно поэтому также следует криминализировать нарушение безопасности дорожного движения, повлекшие причинение имущественного вреда в крупных и особо крупных размерах.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрании законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., N 50, ст. 4873.
2. Федерального закона от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2007. N 7. Ст. 837.
3. ФЗ «О безопасности»: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. – М., 2010.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» // «Российская газета» от 6 мая 1992 г. – №103.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
6. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года N 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс»
7. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности долж-

- ностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Текст] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. N 47. Ст. 4531.
8. Габдрахманов А.Ш. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Габдрахманов А.Ш.; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2007. – 190 с.
9. Кудрявцев В.Л. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник ЮУПИ. – 2012. №2 (8). – С. 89 – 99.
10. Кузнецов И. В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. – 26 с.
11. Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. – 624 с.
12. Любимов Л.В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – 234 с.
13. Перфилов В.П. Теоретические и практические вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Перфилов Владимир Павлович; [Место защиты: Акад. эконом. безопасности МВД РФ] / Москва, 2008. – 174 с.
14. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений: Науч.-но-практическое пособие. — М.: РАП. 2011. – 168 с.
15. Проценко С. Значение общественно опасных последствий в составе транспортного преступления. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://sovbez-kbr.ru/materialj/mnenie_spec/bezopas/mnenie_bezopas_56.htm
16. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Марцева. Омск, 1998. – 528 с.

Midlovets M.V., Solyanoy A. The Object, The Subject and The Socially Dangerous Consequences of a Road Crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 91 – 97.

The article study the object and the subject, as well as socially dangerous consequences of criminal attacks in the commission of a road traffic offenses. The author examines the theoretical scientific developments in the domain of the object and the subject of attacks, disclosed genera, species, direct and additional direct road traffic offenses in the context of the criminal laws of the Russian Federation. In accordance with the laws of the Russian Federation to ensure road safety reveals the subject of road traffic offenses, which serves a distinct element distinguishing such crimes from other trains, public danger which has the same effect, namely crimes against human life and health. It is proposed to broaden the base of criminal responsibility for committing a road traffic offense causing damage in the large and extra large sizes, which will be determined in accordance with the standards established for the determination of large and extra large amount of damage caused by crimes against property. The author proposes the criminalization of repeated intentional violation of a road traffic safety and operation of transport, which, although they have not led to the socially dangerous consequences, stipulated by the dispositions of art. 264, 268 of the Criminal Code of the Russian Federation, but they could.

Keywords: traffic safety, transport operation, road traffic crimes, an object, a subject, a socially dangerous consequences, property damage.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija». // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 dekabrya 1995 g., N 50, st. 4873.
2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralja 2007 g. N 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. N 7. St. 837.
3. «O bezopasnosti»: Federal'nyy zakon Rossijskoj Federatsii ot 28 de-kabrya 2010 g. № 390-FZ. M., 2010.
4. Zakon RF ot 5 marta 1992 g. №2446-I «O bezopasnosti» // «Rossiyskaya gazeta» ot 6 maya 1992 g. - №103.
5. Ugolovnyy kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. N 25 st. 2954.

6. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 goda N 537 «O strategii natsio-nal'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda» [Elektronnyy re-surs] // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant plyus»
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 N 1090 «O Pravilakh dorozhnogo dvizheniya» (vmeste s «Osnovnymi polozheniyami po dopusku trans-portnykh sredstv k ekspluatatsii i obyazannosti dolzhnostnykh lits po obespeche-niyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya») [Tekst] // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1993. N 47. St. 4531.
8. Gabdrakhmanov A.Sh. Prestupleniya protiv bezopasnosti dvizheniya i eks-pluatatsii transporta: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis-sertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Gabdrakhmanov A.Sh.; [Me-sto zashchity: Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina]. - Kazan', 2007. - 190 s.
9. Kudryavtsev V.L. Prestupleniya protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transporta // Vestnik YuUPI. 2012. 2 (8). S. 89-99.
10. Kuznetsov I. V. Ponyatie i vidy predmetov prestupleniy v ugolovnom prave Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2007. – 26 s.
11. Kurs ugolovnogo prava. Tom 1. Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii / Pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. M.: IKD "Zertsalo-M", 2002. – 624 s.
12. Lyubimov L.V. Dorozhno-transportnye prestupleniya: problemy zakono-datel'nogo konstruirovaniya sostavov i differentsiatsii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya: Dis. ... kand. yurid. nauk 12.00.08 .-M.: RGB, 2005. – 234 s.
13. Perfilov V.P. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluata-tsii transportnykh sredstv / Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Perfilov Vladimir Pavlovich; [Mesto zashchity: Akad. ekonom. bez-opasnosti MVD RF] / Moskva, 2008. – 174 s.
14. Pikurov N. I. Kvalifikatsiya transportnykh prestupleniy: Nauch- no-prakticheskoe posobie. — M.: RAP. 2011. – 168 s.
15. Protsenko S. Znachenie obshchestvenno opasnykh posledstviy v sostave transportnogo prestupleniya. [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: http://sovbez-kbr.ru/materialj/mnenie_spec/bezopas/mnenie_bezopas_56.htm
16. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast' : uchebnik / pod red. A. I. Martseva. Omsk, 1998. – 528 s.

УДК 343

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Подкорытова Л. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Одним из видов социального отклонения, существенно влияющим на функционирование всего общества, является преступление. В статье исследуются вопросы исторической изменчивости понятия и круга преступлений при едином понимании их отрицательного влияния на общество. Подчеркивается потребность общества своевременно и правильно реагировать на негативное поведение отдельных индивидов, устанавливая наиболее значимые общественные блага (ценности), подлежащие охране под угрозой наказания. Анализируя ориентиры для определения ценностей, охраняемых государством, отмечается, что они зависят от экономических отношений в обществе, а также от уровня цивилизационного развития государства. Подчеркивается, что триада таких ценностей, как собственность, личность, государство, защищалась на всех исторических этапах развития общества. Анализируется исторический опыт формирования уголовно-правовых понятий, вопрос о соотношении формального и материального в едином понимании преступления. Подчеркивается, что только факта фиксации деяния в уголовном законе недостаточно, чтобы определить само понятие преступления. Необходим доктринальный анализ легально закрепленных в законодательстве положений и научный поиск оптимальной конструкции понятия преступление как фундаментальной категории. Делаются выводы о необходимости охраны не только классовых и групповых интересов, но и общечеловеческих ценностей от преступных посягательств.

Ключевые слова: преступление, государство, общество, личность, социальная ценность, законодательство, правовая доктрина.

Любое общество нуждается для продолжения существования в определенной упорядоченности своей жизни и согласования разнообразных (а нередко и противоречивых) интересов отдельных индивидов. Уровень и характер организованности определяются многими факторами (конкретными условиями существования того или иного общества, природными условиями, историческим периодом, религиозными предпочтениями, эстетическими и нравственными понятиями) и проявлялось это в различного рода ограничениях, которые (добровольно на основе согласия или в силу принуждения) возлагались на членов общества, что вызывалось объективной необходимостью [1, с. 141].

Любые виды социального отклонения от установленных норм и правил поведения обществом порицались, а те, которые наиболее существенно затрагивали интересы общества, воспринимались крайне отрицательно, поскольку они причиняли вред общим социальным благам, т.е. «переступали за какой-то предел, разрушая целостность этого общества» [2, с. 47]. Вызванное необходимостью выживания в первобытном обществе подчинение установленным запретительным нормам поведения (табу) обеспечивалось силой общественного сознания, не требовало применения принуждения, однако (вплоть до изгнания) жесткие меры к нарушителям, применяемые от имени социальной власти, и постепенно сформировалось под страхом лишения общественной поддержки понятие недопустимости нарушения установ-

ленных правил. В ходе исторического цивилизационного развития интересы отдельных индивидов всё больше вступают в противоречие (иногда открытое и жесткое) и государство берёт на себя обязанность принуждения, что меняет механизм регуляции и согласования интересов человека и общества через принятие четких правовых норм, однако уже не только запретительных, но и обязывающих, и разрешительных. Нормы права разграничивают поведение отдельного человека, учитывая интересы не только всего общества, но и отдельных его групп и индивидов, на дозволенное и недозволенное, правомерное и неправомерное, поощряемое и наказуемое.

Действия государства, устанавливающие чётко определённую границу допустимого поведения человека, вызывают негативную реакцию части общества, поскольку наличие любого запрета предполагает объективную необходимость или возможность его нарушения. При расхождении интересов личности и государства возникает противопоставление поведения личности требованиям правовой нормы. Именно это имел в виду Н. С. Таганцев, подчёркивая, что преступление «заключает в себе переход..., отклонение на разрешение чего-то». Негативное поведение человека (активное или пассивное) вначале рассматривалось государством обобщённым понятием «обида», «грех», но постепенно происходит индивидуализация конкретной личности с учётом нарушения конкретного запрета. Государство выделяет наиболее значимые общественные блага (ценности), необходимые для реальной охраны интересов социальных классов или групп, индивидуумов, ограничивая круг допустимого поведения индивидуальной личности императивными требованиями (запретами) не причинять им существенный вред под угрозой наказания, т.е. появляются нормы уголовно-правовой ответственности, хотя они ещё не выделяются среди иных норм, термин «преступление» в российском законодательстве появился лишь в XIX в. Ориентиры для определения ценностей, на защиту которых направляет усилия государство, зависят от экономических отношений в общества, а также от цивилизационного развития той или иной страны, однако триада ценностей «собственность, личность, государство» защищалась всегда. В условиях исторических изменений того или иного общества значимость указанных ценностей переносилась из одной категории на другую, но общая совокупность их оставалась неизменной.

Так, уголовно-правовые нормы Древних государств обеспечивали защиту интересов одного господствующего класса рабовладельцев, карательная политика ограничивала рабов от действия правовых норм, определяя их не субъектами, а объектами правоотношений. Законник царя Хаммурапи определяет: «Если человек выколол глаз сыну человека, (то) должно выколоть ему глаз. Если от выколол глаз рабу человека..., (то) он должен отвесить половину его (покупной) цены»; Законы Ману: «Никогда нельзя убивать брахмана, даже погрязшего во всяческих пороках»; Институты Гая: «Основное деление, относящееся к праву лиц, заключается в том, что все люди суть или свободные, или рабы; Византия. Эколога: «Укрывший свободного человека..., да подвергнется отсечению руки. Укрывший чужого раба..., отдаёт ещё и другого» [3, с. 29]. Право феодального общества в условиях социального неравенства при новой экономической формации основное внимание уделяло охране имущественных интересов класса феодалов, применяя за посягательство на жизнь и здоровье человека имущественный эквивалент компенсационного возмещения, измеряя социальную ценность личности материальной стоимостью. Право

весьма подробно рассматривает все возможные случаи посягательства на собственность (конкретизируются варианты и риски ущерба экономических интересов собственников – кража дичи, свиней, животных, рабов, лодок, колокольчика для свиньи, повреждение изгороди и т.д.), также детально определяется порядок возмещения ущерба с учётом равноценной денежной компенсации потерпевшим [4, с. 203].

Постепенно экономический интерес в обществе становится преобладающим, и в XVIII в. Законом испанского короля Дона Альфонса компенсация при потере собственности выплачивается независимо от сословия не только сеньорам, но и вассалам. Буржуазное государство, отменив все сословные привилегии и провозгласив формальное равенство перед законом, в формах и методах правового воздействия продолжало сохранять ориентиры на защиту правящего класса собственников. Примером тому являются нормы ст. ст. 39 и 40 Великой хартии вольностей, подписанной английским королем в 1215 г., в которых гарантия политического и экономического равенства адресовалась лишь баронам [4, с. 307]. Новые формы правосознания проникают в общество только с изменением экономических условий существования, возникновением послефеодального рынка со свободной торговлей и частным предпринимательством, в основу которых были положены идеи Томаса Гоббса о естественном равенстве людей между собой и Джона Локка о праве личности на жизнь, свободу и собственность [5, с. 182]. Позднее утвердившаяся в Европе доктрина Ш. Монтескье о разделении властей стремилась обосновать принципы законности и политической свободы. Это позволило итальянскому просветителю Чезаре Беккариа в 1764 г. развить теорию общественного договора в условиях активизации экономической и общественной жизни Италии, что привело к возникновению классической школы уголовного права с идеями взаимной ответственности государства и граждан для создания общества, в котором найдёт своё выражение высшая свобода человека – право совершать всё, что не запрещено законом [6, с. 56]. Просветительно-гуманистические идеи Ч. Беккариа в период Французской революции 1789 г. оказали влияние на формирование основных принципов уголовного права, закреплённых в ст. 5 Декларации прав человека и гражданина – «всё, что не запрещено законом, не может встречать препятствия и никто не может быть принужден к выполнению того, что законом не предусмотрено». Классический (формальный) подход к пониманию норм уголовного права раскрывает содержание ст. 7 Декларации: «никто не может быть обвинен, арестован или заключен под стражу, иначе как в случаях, определённых законом», а также ст. 4 Декларации: «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона» На таких же принципах основана и Конституция Франции 1810 г., утверждавшая: «всё, что не запрещено законом, дозволено» [7, с. 13]. Данную доктрину полностью восприняли представители немецкой философии А. Фейербах, И. Бентам, Г. Гегель, которые, развивая политические и нравственные идеи Вольтера, сформулировали важнейший принцип уголовного права: «нет наказания без закона», что было необходимо для формирования идеологии правового, социально-ориентированного государства. Приверженцы классической школы выработали теоретические положения, позволявшие говорить о создании правовой базы для охраны интересов личности и гарантиях защиты от произвола и субъективизма правящей элиты государства, были выработаны понятия вины, покушения, соучастия, выделены элементы состава преступления [8, с. 18]. Постепенно смещается восприятие нарушений социальных и правовых норм,

акцент переносится с интересов всего общества на интересы отдельной личности, от деяния на преступника. Впервые проявляется социальная сущность права, когда указанием на необходимость строгого соблюдения предписаний закона независимо от сословной принадлежности ограничивается произвол господствующего класса. Подобный подход получил широкую поддержку общественного мнения во многих странах, поскольку проводил регулирование общественных интересов на началах равенства, устраняя принципы феодальной юрисдикции. Сторонники такого (нормативистского) подхода утверждали, что лишь строгое следование правовым предписаниям позволит установить порядок в обществе, и следовать этим правилам необходимо неукоснительно. При этом запрещенность для всех воспринималась как элемент стабильности, упорядоченности и справедливости. Принцип «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания о том в законе») закреплён в ст. 113-3 Уголовного кодекса Франции и в ст. 14 Уголовного кодекса Германии, указавшей, что преступлением является «запрещенное под угрозой наказания деяние» [9, с. 86].

Аналогично воспринималась сущность уголовного права и в российском законодательстве 1845–1864 гг., а также в ст. 1 Уложения 1903 г. («преступлением признаётся деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания») [10, с. 12]. Английский правовед лорд Эткин в 1931 г. также утверждал, что понятие преступления возможно раскрыть при помощи лишь одного стандарта: «чтобы деяние было запрещено под страхом наказания». Вместе с тем подобные рассуждения не позволяли чётко определить критерии, по которым законодатель проведет оценку того или иного деяния. Провозглашая независимость от субъективизма юрисдикции, учёные не устанавливали ограничений для законодателя, и это не могло удовлетворить общество. Всё более актуальной становилась проблема о сущности не просто неправомерного, а именно преступного деяния, каковы качественные критерии, позволяющие говорить о преступном нарушении, поскольку факта фиксации деяния в уголовном законе недостаточно, чтобы определить само понятие преступления и уже английская законодательная доктрина подчёркивает, что «невозможно выработать понятие, удовлетворяющее всех» [11, с. 186].

XX век с его монополистическим и государственно-монополистическим капиталом во многих странах изменил социально-экономические реалии, и государства отходят от формального восприятия уголовно-правовых отношений. Основное внимание переносится на факторы, определяющие обусловленность поведения человека (как правомерного, так и неправомерного), учитывая в первую очередь социальные факторы, позволяющие понять сущность преступления. Возникает социологическая школа, представители которой (Ф. Граматика, Д. Фрэнк, М. Ансель, В. А. Туманов, В. А. Карташов) переносят акцент не на наказание, а на защиту общества от личности, оказавшейся за гранью дозволенного в силу сложившихся социальных условий жёсткого капиталистического общества. [11, с. 212]. Однако пропагандируемая доктрина социальной защиты, гуманизации наказания, ресоциализации преступника широкого распространения не получила, Европа оставалась в рамках формального понимания борьбы с преступностью. С наибольшей остротой проявилась эта проблема в России, когда отсутствие нормативных актов после 1917 г. затрудняло формирование нового советского государства в условиях гражданской войны. Государство, проводя уголовную политику, реализовывало принцип антагонизма борющихся классов и необходимости утверждения идеологии победившего

класса трудящихся. При таких условиях в режиме военного времени прежние теоретические выводы были отвергнуты и правовое регулирование исходило из интересов социалистических правоотношений. Формальный подход был отменен, основным становится социальное значение деяния, которое относится к неправомерному исходя из его социального содержания при сложившемся правосознании граждан.

В Основах уголовного законодательства 1919 г. было введено, а в 1922 г. в ст. 6 Уголовного Кодекса РСФСР закреплено понятие преступления как «всякое общественно-опасное действие или бездействие, вредоносное для интересов социалистических правоотношений». Подобная трактовка (т.е. материалистический подход) сохранялась длительное время, изменялся лишь защищаемый объект социалистических отношений, вначале это: «угроза основам советского строя и правопорядка», затем: «общественный строй, его политическая и экономическая системы, собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом», но при этом уже отмечается признак противоправности, т.е. элемент формального восприятия норм уголовного права [12, с. 36]. Таким образом, складывалось неоднозначное понимание сущности преступления, которое ориентировалось одновременно на защиту правопорядка (а не социальных ценностей), но не отвергало значение общественной опасности как элемента понятия преступления.

Вопрос о соотношении формального и материального в едином понимании преступления стал особо актуальным во время подготовки нового Уголовного Кодекса Российской Федерации. Дискуссии наиболее активно развернулись о подходе к пониманию преступления. В поддержку формально-материального подхода высказывал определённые доводы А. В. Наумов, который предлагал использовать лишь правовые характеристики деяния, не выводя на первый план социальную природу преступления [13, с. 52]. Другие юристы (В. И. Баранов) отстаивали материальное определение, указывая на возможность государства своевременно реагировать на изменение социальных или политических реалий в общественной жизни, поскольку именно материальный подход позволяет выявить принцип включения того или иного деяния в разряд преступных, что невозможно осуществить при формально-классовой трактовке [14, с. 24].

Достаточно длительная дискуссия о сущности неправомерного поведения, которое следует определять понятием «преступление», длилась до 1996 г. и остановилась после принятия нового Уголовного Кодекса Российской Федерации. Законодательно определено, что преступлением признаётся [15, с. 166]. Вместе с тем, вряд ли возможно согласиться с мнением В.П. Малкова о том, что «в уголовном праве завершилась дискуссия о дефиниции преступления» [16, с. 4].

К моменту принятия Уголовного Кодекса РФ 1996 г. в обществе преобладала материалистическая трактовка спорной проблемы определения понятия преступления, и содержание нового закона не могло не вызвать в обществе широкого обсуждения, т.к. взгляды сторонников материалистического подхода базировались на исторически сложившемся мнении прогрессивных деятелей российского общества. В конце XIX в. В. Д. Спасович доказывал, что объективным свойством любого преступления является его способность причинить вред обществу и что именно анти-социальный характер является «виновно совершенное общественно опасное деяние,

запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания (ч.1 ст. 14 УК РФ) «мотивом отнесения деяния к числу преступлений» [17, с. 283], И.Д. Сергиевский считал, что преступление «есть деяние, причиняющее вред обществу или частным лицам» [18, с. 124]. Аналогичные взгляды высказывали и английские учёные: «преступлением является всякое нарушение права, рассматриваемое с точки зрения вредной направленности такого нарушения против общества в целом» [19, с. 428].

Теоретические исследования продолжались с учётом не только общественных и социальных реалий, но и на основе философского осмысления сущности современного общества, его интересов и насущных потребностей. Одним из первых о необходимости дальнейших исследований говорил И. А. Гонтарь, который не просто показал неоднозначность подходов к проблеме преступности, но и подчеркнул необходимость установления соответствия между общественно опасным деянием и содержанием предусматривающей его уголовно-правовой нормы, отдавая при этом приоритет социальной оценке преступного деяния [20, с. 147].

Представляется совершенно обоснованным мнение о том, что общественная опасность деяния как критерий определения преступления возникает в результате изменения социального отношения к негативным проявлениям, которая определяется и устанавливается не субъективной волей господствующего класса, а является объективной категорией, свидетельствующей о ценностных общественных ориентирах. Вместе с тем, необходимо отметить, что объективный характер восприятия социальной опасности преступных проявлений следует понимать с позиций справедливости как фундаментального принципа правового регулирования. Исторический аспект развития человеческого общества свидетельствует о том, что категория «справедливость» не является неизменной, поскольку её понятие определяется социально-экономической формацией того или иного государства, и справедливым было то, что считалось справедливым «в то или иное время в том или ином обществе» [21, с. 358], т.е. сочетание как объективного, так и субъективного, что не может не создавать сложности в практической реализации правовых предписаний. Данную сложность, видимо, призвано разрешать положение ст. 14 УК РФ, где в ч.1 зафиксировано формальное понимание преступления, а в ч. 2 УК РФ подчеркнута необходимость наличия признака общественной опасности.

Подобная неопределённость формулировок не разрешила проблемы приоритета категорий (формального или материального), о чём спорили учёные до принятия нового УК РФ и продолжают дискутировать в настоящее время. Так, отмечая противоречивую природу общественной опасности, Н. Ф. Кузнецова обращает внимание на нелогичность установления вредоносного характера деяния уже после оценки его Уголовным Кодексом РФ. Ещё на одно противоречие указывают Ю. И. Скуратов и В. М. Лебедев, поскольку ст. 14 УК РФ отдельно указывает в качестве самостоятельных признаков общественную опасность и виновность как объективную и субъективную стороны преступления, трактуя их при этом и совместно, и обобщённо как объективно-субъективную категорию в ст. 15 УК РФ. Представляется убедительным предложение Н. Ф. Кузнецовой: для устранения противоречия определить категорию виновности как субъективную подсистему, равную подсистеме общественно опасного деяния [22, с. 218], что весьма актуально в связи с наметившейся в последнее время тенденцией расширения позитивистского восприятия и снижения значимости материального подхода.

Отмеченные выше сложности подчёркивают необходимость уточнения теоретических выводов по основной проблеме уголовного права о природе и сущности понятия преступления как социального явления. Более точного определения требует также и современная государственная и международная политика, поэтому уголовная правовая наука активно анализирует исторически изменчивую (с учётом потребностей не только внутригосударственных общественных связей, но и в глобальных масштабах международных правовых отношений) современную реальность. Необходим доктринальный анализ легально закреплённых в законодательстве положений и научный поиск оптимальной конструкции понятия преступления, как фундаментальной категории, после чего возможно будет обратиться к анализу производных от ключевых конструкций положений.

Между тем, до настоящего времени остаются неразрешённые вопросы, на которые обращают внимание учёные: проявляется ли общественная опасность преступления в посягательстве на господствующие общественные отношения (В. С. Карпухин) либо в нарушении (причинении вреда) охраняемым уголовным законом общественным ценностям (В. С. Прохоров), либо в фактическом причинении вреда (А. П. Козлов), либо в степени общественной опасности посягательства (А. И. Марцев) [23, с. 117].

Попытки решить эту проблему путём анализа признаков преступления, указанных в законе (виновности, противоправности, общественной опасности, наказуемости) дать ответа не смогли, на что совершенно справедливо указывает Н. Ф. Кузнецова. Не увенчались успехом и попытки сформировать новую философскую концепцию уголовного права на основании 4-х типов взаимосвязей, которые отдельно и взаимно взятые вместе раскрывали бы содержание и соотношение признаков преступления как социального явления и «конфликтного правоотношения» [24, с. 289]. Кроме того, современное общество нуждается в правовой доктрине, отражающей не только охрану классовых и групповых интересов, но и уголовно-правовую защиту общечеловеческих ценностей от преступных посягательств в общемировом просторе, поэтому следует согласиться с Е. В. Елифановой: «существует настоятельная потребность качественно нового осмысления понятия преступления» [25, с. 8], тем более, что сейчас в современном мире проявляется стремление нарушить сложившийся мировой правопорядок с помощью насилия и нарушения основных прав человека со стороны экстремистских образований.

Список литературы

1. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
3. Історія держави і права країн Стародавнього світу: Навч. посібник. – Львів: Світ, 2001. – 384 с.
4. Косарев А. И. История государства и права зарубежных стран/А.И. Косарев. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2012. – 376 с.
5. Бачихин В. А., Чефанов В. А. История философии права. – Харьков. 1998. – 234 с.
6. Власов В. И., Власова Г. Б. История политических и правовых учений. – Ростов-на-Дону, 2003. – 512 с.
7. Малиновский А. Уголовное право зарубежных государств – М.: Новый юрист, 1998. – 128 с.
8. Всеобщая история государства и права: Древний мир: Древний Рим. Учебник. Ч. 1: Вып. 2 / Перетерский И. С. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 195 с.

9. Уголовное право России. Часть общая: учебник для бакалавров /отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014 – 568 с.
10. Российское законодательство X –XX веков. Том 6. Законодательство первой половины XIX в. –М., 1988. – 276с.
11. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная часть / под ред. Н.Е. Крыловой. – М., Юрист, 2013. –1054 с.
12. Назаренко Г.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Ось-89, 2005 г. – 256 с.
13. Наумов А. В. Уголовное право России. Общая часть. – М., Юрист, 2003 –493 с.
14. Баранов В. И. Понятие преступления в уголовном праве. – Самара, 2000. –93 с.
15. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2014. –224 с.
16. Малков В. П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 45-48.
17. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т.1. – СПб., 1863. – 428с.
18. Сергиевский И. Д. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. д.ю.н. В. С.Комиссарова, д.ю.н. Н. С.Крыловой, д.ю.н. И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879с.
19. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть /под ред. и с предисл. И. Д.Козочкина. – М.: Омега, 2003 – 576 с.
20. Гонтарь И. А. Преступления и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 200с.
21. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. – М.: Норма-инфра-М, 1998. – 678 с.
22. Курс уголовного права. В 5 томах. Т.1 Общая часть: Учение о преступлении /под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. – 334 с.
23. Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание: Учеб. пособие. Омск, 1986. – 68 с.
24. Философия уголовного права / под ред. Ю.В. Голика/. – СПб., 2004. – 360с.
10. Епифанова Е.В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 7-11.

Podkorutova L. Social and legal conception of crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 98 – 106.

One of the types of social deviation which possesses the power to affect the functioning of the entire society is a crime. In the given paper we study the problem of historical versatility of the conception itself, and range of crimes taking into consideration the common interpretation of its negative influence on the society. We emphasize the needs of the society to take timely and proper measures to improper behavior of certain individuals establishing the most significant public benefits protected under the threat of punishment. Analyzing the guidelines to definition of values protected by law, it is noted that they depend on both economic relations within the society and on the developmental level of the state. It is also stressed that a triad of such values as property, personality, and state is being defended during all the historical stages of state development. We analyze the historic experience of criminal and legal formation of conception in a common interpretation of crime. We note that it is not enough only to fix the act in the criminal law to define the conception of crime; it is necessary to carry out a doctrinal interpretation of legally provided regulations and scientific research for optimum pattern of conception of crime as a fundamental category. We make conclusions about the necessity of protection from criminal infringements not only class and group interests, but also of universal values.

Key words: crime, state, society, personality, social value, legislation, legal doctrine.

Spisok literatury

1. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektsiy /pod red. N.I.Matuzova, A.V.Malko. – 2-e izd., pererab. I dop. – М.: Yurist, 2001. – 776s.
2. Tagantsev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast obschaya. V 2 t. T. 1. – М.: Nauka, 1994. – 380 s.
3. Ictoriya derzhavi i prava kraYin Starodavnego svitu: Navch.posibnik. – Lviv: Svit, 2001. – 384s.
4. Kosarev A. I. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyih stran/A.I. Kosarev. – 3-e izd. – М.: Yurisprudentsiya, 2012. – 376 s.
5. Bachihin V. A., Chefanov V.A. Istoriya filosofii prava. – Harkov. 1998. –234s.
6. Vlasov V. I., Vlasova G.B. Istoriya politicheskikh i pravovyih ucheniy. –Rostov-na-Donu, 2003. – 512s.
7. Malinovskiy A. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih gosudarstv – М.: Novyyi yurist, 1998. – 128s.
8. Vseobschaya istoriya gosudarstva i prava: Drevniy mir: Drevniy Rim. Uchebnik. Ch. 1: Vyip. 2 / Pereter-skiy I. S. – М.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1945. – 195 с.
9. Ugolovnoe pravo Rossii. Chast obschaya: uchebnik dlya bakalavrov / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014 – 568 с.

10. Rossiyskoe zakonodatelstvo H –HH vekov. Tom 6. Zakonodatelstvo pervoy polovinyi HHH v. –M., 1988. – 276s.
11. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih stran. Obschaya i osobennaya chast / pod red. N.E. Kryilovoy. – M., Yurist, 2013. –1054s.
12. Nazarenko G. V. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast. Kurs lektsiy. – M.: Os-89, 2005 g. – 256 s.
13. Naumov A. V. Ugolovnoe pravo Rossii. Obschaya chast. – M., Yurist, 2003 – 493s.
14. Baranov V. I. Ponyatie prestupleniya v ugovnom prave. – Samara, 2000. – 93s.
15. Ugolovnyiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: Prospekt, 2014. –224s.
16. Malkov V.P. Harakter i stepen obschestvennoy opasnosti prestupleniy v sisteme obschih nachal naznacheniya nakazaniya // Rossiyskaya yustitsiya. – 2008. – № 9. – с.45-48.
17. Spasovich V. D. Uchebnik ugovnogo prava. T.1. – SPb., 1863. – 428s.
18. Sergievskiy I. D. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obschaya chast /pod red. d.yu.n. V. S.Komissarova, d.yu.n. N. S.Kryilovoy, d.yu.n. I. M. Tyazhkovoy. – M.: Statut, 2012. – 879s.
19. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih gosudarstv. Osobennaya chast /pod red. i s predisl. I. D. Kozochkina. – M.: Omega, 2003 – 576s.
20. Gontar I. A. Prestupleniya i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovnom prave. – Vladivostok : Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1997. – 200s.
21. Nersesyants V. S. Istoriya politicheskikh i pravovyih ucheniy. Uchebnik dlya vuzov. – M.: Norma-infra-M, 1998. – 678 s.
22. Kurs ugovnogo prava. V 5 tomah. T.1 Obschaya chast: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoy i I. M. Tyazhkovoy. – M., 2002. – 334s.
23. Martsev A. I. Prestuplenie: suschnost i sodержanie: Ucheb. posobie. Omsk, 1986. — 68 s.
24. Filosofiya ugovnogo prava / pod red. Yu.V. Golika/. – SPb., 2004. – 360s.
25. Epifanova E. V. Rossiyskaya ugovno-pravovaya nauka o ponyatii prestupleniya // Zhurnal ros-siyskogo prava. – 2008. – № 4. – S. 7–11.

УДК 343.61

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
КЛЕВЕТУ**

Скворцова О. В., Бовгиря А. Н., Литвина А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В работе исследуются положения действующего уголовного законодательства РФ, предусматривающие ответственность за клевету. Авторами отмечается наличие дискуссионных вопросов относительно процесса реформирования уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за данное деяние. Исследуется содержание ключевых терминов и понятий. Дается описание признаков данного деяния, проводится их разграничение. Анализируется процесс криминализации и декриминализации данного состава, а также судебная практика в отношении клеветы как преступления и административного правонарушения.

Ключевые слова: клевета, достоинство, честь, репутация, криминализация, декриминализация, объект уголовно-правовой охраны, ложные сведения, процесс реформирования, заведомо ложные сведения, изменения в характере общественных отношений, административное правонарушение.

В соответствии со статьей 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством и ничто не может служить основанием для его умаления [4]. Согласно ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в составе клеветы объектом преступного посягательства является сфера общественных отношений, которая регулирует справедливую моральную оценку качеств человека и его поступков в обществе [8]. Осознание значимости общественной оценки человеческих поступков и действий присуще ему с древнейших времен. «Достоинство», «честь» и «репутация» являются важными этическими ценностями, составляющими общественную оценку. Стоит согласиться, что обществу всегда были важны воспитание и поддержка чувства собственного достоинства и чести. Следовательно, и правовая охрана вышеперечисленных понятий имеет исключительное значение. В настоящее время клевета является единственным общим составом преступления против чести, достоинства и репутации, существующим в современной редакции уголовного закона. Этим и обусловлена актуальность данной темы для написания статьи.

Автор статьи ставит себе цель отследить тенденции, которые отражаются в не последовательной позиции законодателя, связанной с декриминализацией и последующей криминализацией клеветы. Являясь конституционными ценностями, достоинство, честь, репутация личности не должны утратить качество объекта уголовно-правовой охраны. Важно обратить внимание на пробелы в их правовой охране и внести предложения, направленные на оптимизацию границ уголовной ответственности. Новизна темы нашего исследования заключается в том, что процесс рефор-

мирования законодательства, регламентирующего ответственность за клевету, напрямую зависит от политических течений, преобладающих в нашем государстве.

Клевета – это понятие многогранное, поскольку употребляется практически во всех сферах нашей жизни. По мнению ученых: «Клевета – это “материя”, чрезвычайно сложная, тонкая и опасная». Именно поэтому необходимо раскрыть уголовно-правовое понятие «клевета». Воспроизведем текст диспозиции ст. 128.1 действующей редакции УК РФ – «Клевета»:

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

3. Клевета, совершенная с использованием своего служебного положения.

4. Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера.

5. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления [8].

Анализируя понятие «клевета», следует отметить, что виновник должен говорить ложь осознанно, так как законодатель подразумевает именно заведомую клевету. Сообщение одному или нескольким лицам вымышленных или искаженных сведений и фактов о другом человеке, каких-либо его действиях, высказываниях является распространением заведомо ложных сведений. Заведомость ложных сведений проявляется в осознании виновным несоответствия или возможности несоответствия действительности сообщаемых им о другом человеке сведений. Несоответствующие действительности сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином требований действующего законодательства или общепринятых моральных норм и унижают его честь и достоинство, являются порочащими. Но всё же честь и достоинство являются оценочными и взаимосвязанными между собой морально-этическими понятиями. Такое понятие, как «репутация», также является оценочной категорией. Репутация определяет социальный статус человека с позиции добропорядочности, представления о нем других людей или представления о себе самом в самосознании. Ложные сведения, прежде всего, должны быть конкретными и непосредственно содержать факты, которые можно подвергнуть проверке. Такие оценочные категории как: «хитрый», «неадекватный», «непорядочный», «трудный», «опасный», «нехороший» не могут являться достаточными для признания этих утверждений уголовно наказуемой клеветой. Также не влечет за собой уголовной ответственности за клевету распространение о другом человеке сведений, хотя и позорящих, но соответствующих действительности. Если лицо, добросовестно заблуждаясь, распространяет позорящие сведения, которые не соответствуют действительности, то такие действия не могут быть расценены как уголовно наказуемые [1, с. 1].

В науке известно много различных определений понятия «декриминализация». Одним из элементарных является следующее определение: декриминализация – исключение уголовной ответственности за ранее преступные и наказуемые деяния. Более удачным, по мнению авторов, является следующее понятие: декриминализация – отмена, исключение уголовной ответственности за те или иные деяния, ранее

признававшиеся преступлениями, в том числе перевод этих деяний в категорию менее значительных правонарушений. Только благодаря действиям законодателя могут быть декриминализованы те или иные составы преступлений.

Основой законодательного решения о декриминализации являются следующие причины: 1) общественные отношения, которые ранее находились под охраной уголовного закона, были принципиально изменены; 2) произошло кардинальное изменение общепринятой нравственной оценки определенного деяния; 3) отсутствие эффективных методов борьбы с теми или иными деяниями уголовно правовыми средствами и т. д.

С момента принятия УК РФ 13 июня 1996 г. в обществе не происходили кардинальные изменения в характере общественных отношений, охраняемых статьями, предусматривавшими ответственность за оскорбление и клевету. В современных условиях, наоборот, приобретают особое звучание проблемы защиты чести, достоинства. За последние восемь лет количество преступлений против чести и достоинства личности более чем вдвое увеличилось. Ориентир России на международные стандарты в области прав человека накладывает на нее определенные обязательства, связанные с реальным обеспечением провозглашенных Конституцией прав и свобод: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [2, с. 1].

8 декабря 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9]. Рассматриваемый закон был направлен, в первую очередь, на дальнейшую либерализацию российского уголовного законодательства. Изменения были внесены более чем в 50 статей УК РФ. В частности, утратила силу ст. 129 «Клевета» УК РФ. Но в то же время Кодекс об Административных Правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) был дополнен ст. 5.60 «Клевета» [3]. Ст. 129 УК РФ состояла из трех частей: ч. 1 предусматривала уголовную ответственность за активные действия, состоящие в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство и репутацию другого человека; ч. 2 – за совершение указанных действий публично или в средствах массовой информации; ч. 3 – за совершение указанных действий, соединенных с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

В УК РФ ст. 129 «Клевета» располагалась в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». Как указывается в уголовно-правовой литературе, данная глава «объединяет нормы, охраняющие средствами уголовного закона личную свободу, честь и достоинство человека. Поскольку эти ценности являются составными элементами понятия “личность”, родовым объектом преступлений, предусмотренных этой главой, следует признать личность как социально-биологическое существо, обладающее комплексом личных и социальных прав (право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, свободу, честь, достоинство, политические, трудовые, семейные и иные права и свободы). Видовой объект преступлений, предусмотренных главой 17 УК РФ, является составным: его образуют общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации человеком его неотъемлемых прав на личную свободу, честь и достоинство».

Административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.60 КоАП РФ, помещено в гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» Особенной части КоАП РФ. При этом даже поверхностно анализируя административные правонарушения, входящие в эту главу, можно сделать вывод, что они тем или иным образом касаются порядка или правил, установленных исполнительными органами государственной власти и регулирующих различные сферы жизни общества, нарушение которых может приводить к ущемлению прав граждан. Таким образом, общественные отношения, на которые посягают административные правонарушения, перечисленные в гл. 5 КоАП РФ, относятся к сфере государственного управления, т.е. области практической деятельности исполнительных органов и должностных лиц. Правонарушение же, состав которого содержится в ст. 5.60 «Клевета» КоАП РФ, нарушает только право гражданина на честь, достоинство и добрую репутацию. При этом необходимо помнить, что понятие о чести и достоинстве в значительной степени является субъективным, т.е. прежде всего сам потерпевший решает, нарушено ли кем-либо его названное право или нет, и подавать или не подавать об этом нарушении заявление в соответствующие органы. В отличие от других статей, которые входят в гл. 5 КоАП РФ, в диспозиции ст. 5.60 не говорится о нарушении каких-либо правил и порядка, что неудивительно, поскольку они полностью позаимствованы из УК РФ. Однако ст. 129 УК РФ охраняла исключительно права человека на честь, достоинство и репутацию, которые, в соответствии с Конституцией РФ, относятся к личным естественным и неотъемлемым правам человека, а не являются предоставленными каким-либо органом исполнительной власти и даже государством в целом. Таким образом, можно сделать вывод, что общественные отношения, которые охраняются ст. 5.60 КоАП РФ, не относятся к сфере административного регулирования, и дополнение КоАП РФ ответственностью за клевету являлось весьма спорным [5, с. 1].

В. В. Путин 28 июля 2012 года подписал, а в последующем обнародовал Закон о внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты России, на основании которого в данном Кодексе была восстановлена уголовная ответственность за клевету. Еще в момент рассмотрения законопроекта о криминализации клеветы руководство страны указало на нецелесообразность включения пункта о лишении свободы в перечень санкций за совершение указанного вида преступлений.

Согласно поправкам в УК РФ клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, наказывается штрафом в размере до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до 240 часов. В том случае, если человек распространил ложные сведения с использованием своего служебного положения, ему грозит санкция в виде штрафа на сумму до 2 миллионов рублей или накажут обязательными работами на срок до 320 часов. Если клевета будет касаться опасных заболеваний или совершения преступления, в таком случае будут налагаться еще большие суммы штрафов. За ложные сведения о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, и обвинения человека в совершении преступления сексуального характера осужденному грозит штраф до 3 миллионов рублей или отработать до 400 часов. Штраф за клевету, соединенную с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, до 5 миллионов рублей. Под клеветой, как и

раньше, понимается распространение ложных сведений (утверждений), которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию. По сравнению с прежней редакцией УК РФ каких-либо изменений в общем определении понятия клеветы не появилось.

В последнее время в обществе происходят изменения общепринятой нравственной оценки соответствующих деяний на фоне падения общепринятых моральных и нравственных устоев в обществе. Этот фактор и является основной причиной декриминализации клеветы. Такие категории как «мораль» и «нравственность», «честь» и «достоинство», «совесть» и «благородство» в современном обществе постепенно уходят на второй план, а реальное состояние нравственности в обществе можно охарактеризовать как глубокий нравственный кризис. Не всегда причиной отмены соответствующей нормы и декриминализации деяния является неэффективность выбранного средства уголовно-правовой борьбы. Со стороны законодателя это, прежде всего, является упрощенным подходом к решению проблемы. Важным и неотъемлемым признаком любого цивилизованного общества является уважение достоинства человека. Следует отметить, что одного лишь признания за человеком неотъемлемого права на честь, достоинство недостаточно. Для защиты данных нематериальных благ от противоправных посягательств со стороны других лиц необходимы надежные уголовно-правовые механизмы. Имеющаяся в уголовно-правовой науке точка зрения на причины декриминализации позволяет ее привести в доказательство ошибочности законодательного решения, нашедшего отражение в Федеральном законе от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[10]. Зарубежное уголовное законодательство является дополнительным аргументом в пользу криминализации клеветы. В настоящее время оснований для декриминализации клеветы не имеется. Законодательный подход к защите интересов личности, ее прав и свобод должен быть иным и идти не по пути декриминализации норм, охраняющих такие базовые нравственные категории, как честь и достоинство личности, а совершенствовать данные нормы в уголовном законе. Важным направлением является совершенствование составов преступлений против чести и достоинства, потребность которого диктуется самой жизнью. В связи с последними законодательными изменениями актуальность и практическая значимость данных доработок не вызывает сомнения.

Аналогичные случаи возвращения норм об уголовной ответственности уже происходили, поэтому совершение подобного в отношении клеветы не удивительно. Можно сделать вывод, что повторная криминализация клеветы представляется единственно возможным уголовно-правовым средством наведения порядка в сфере общественных отношений, основанных на уважении друг к другу и связанных с признанием обществом и государством чести и достоинства человека и гражданина [6, с. 1].

Еще одним обстоятельством, ставящим под сомнение превращение клеветы и оскорбления из уголовно наказуемых деяний в административные правонарушения, является порядок расследования таких правонарушений. Практика показывает, что широкое внедрение в общественную жизнь информационных технологий, в частности распространение Интернета, привело к тому, что некоторые противоправные деяния, в том числе и распространение сведений, порочащих честь и достоинство

граждан, стали распространяться в сети Интернет. Так, в 2014 г. 80% всех рассмотренных подразделениями дознания ГУ МВД России по г. Москве заявлений и обращений граждан о распространении в отношении их сведений, порочащих их честь и достоинство или их унижающих, что подпадало под признаки преступлений, предусмотренных ст. 129 УК РФ, касались совершения указанных деяний именно в Интернете. При этом необходимо отметить, что при расследовании уголовных дел по указанным преступлениям сотрудникам правоохранительных органов приходилось осуществлять комплекс оперативно-технических, оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1, с. 1].

Таким образом, изменения, касающиеся клеветы, внесенные в УК РФ и КоАП РФ Федеральным законом № 420-ФЗ, являются недостаточно продуманными и логичными с точки зрения системности российского права. Исходя из необходимости охраны средствами уголовного права чести и достоинства человека наряду с другими правами личности, декриминализация могла бы коснуться только основного состава клеветы с сохранением уголовной ответственности за квалифицированные виды этих преступлений. Кроме того, надо заметить, что как в средствах массовой информации, так и в уголовно-правовой литературе происходит постоянное сопоставление отечественных законов с западноевропейскими, как с наиболее полно, по мнению многих, защищающими права и свободы человека и гражданина. Российская правовая система по своей сути наиболее близка к романо-германской правовой семье или к так называемой континентальной системе права. Особенностью последней является наличие систематизации и кодификации законодательства. Анализ уголовных законодательств, относящихся к той же правовой семье европейских стран с точки зрения присутствия в них статьи, предусматривающей ответственность за клевету, показывает, что в большинстве уголовных законов такие нормы есть [5, с. 1].

Список литературы

1. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики < http://refereed.ru/ref_1f6eca92c8eef7a29b78e4c826dfad2a.html />(последнее посещение – 15.11.2015 г.).
2. Клевета: проблемы правоприменительной практики < <http://cyberleninka.ru/article/n/kleveta-problemy-pravoprimeritelnoy-praktiki> />(последнее посещение – 15.11.2015 г.).
3. Кодекс об Административных Правонарушениях Российской Федерации < <http://www.kodap.ru/>>(последнее посещение – 14.12.2015 г.).
4. Конституция Российской Федерации <<http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>> (последнее посещение – 15.11.2015 г.).
5. О декриминализации клеветы и оскорбления <<http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1501402> />(последнее посещение – 15.11.2015 г.).
6. Статья о клевете в УК РФ: почему она вернулась и кто теперь под ударом? <<http://www.poltzkey.ru/proizvol/narusheniya-prav-zhurnalistov/55787.html>>(последнее посещение – 15.11.2015 г.);
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации <<http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>>(последнее посещение – 14.12.2015 г.);
8. Уголовный кодекс Российской Федерации < http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_25.html#p1791>(последнее посещение – 14.12.2015 г.);

9. Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" <<http://www.rg.ru/2011/12/08/p-raboty-site-dok.html> >(последнее посещение –14.12.2015 г.).
10. Федеральный закон от 28.07.2012 N 141-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133284/>(последнее посещение – 14.12.2015 г.).

Skvortsova O.V., Bovgirya A.N., Litvina A.V. Criminally-legal analysis of the process of reforming the laws governing libel // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 108 – 114.

We study the provisions of the existing criminal legislation of the Russian Federation providing for libel liability. The authors note the presence of controversial issues concerning the process of reforming criminal legislation, regulating the responsibility for the act. We study the content of key terms and concepts. We give a description of the signs of the act, held the distinction between them. Analyzes the process of criminalization and decriminalization of the composition and jurisprudence concerning defamation as a crime and an administrative offense.

Keywords: slander, dignity, honor, reputation, criminalization, decriminalization, the object of criminal law protection, false reference, the reform process of deliberately false information, changes in the nature of public relations, administrative offense.

Spisok literatury

1. Dekriminalizatsiya klevety i oskorbleniya kak odna iz form realizatsii ugolovnoy politiki <http://refereed.ru/ref_1f6eca92c8eef7a29b78e4c826dfad2a.html />(posledneeposeshenie – 15 noyabrya 2015 g.);
2. Kleveta: problemy pravoprimenitelnoy praktiki <<http://cyberleninka.ru/article/n/kleveta-problemy-pravoprimenitelnoy-praktiki> />(posledneeposeshenie – 15 noyabrya 2015 g.);
3. Kodeks ob Administrativnykh Pravonarusheniyaх Rossiyskoy Federatsii <<http://www.kodap.ru/>>(poslednee poseschenie – 15 noyabrya 2015 g.);
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii <<http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>>(posledneeposeshenie – 15 noyabrya 2015 g.);
5. O dekriminalizatsii klevety i oskorbleniya <<http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1501402> />(posledneeposeshenie – 15 noyabrya 2015 g.);
6. Statya o klevete v UK RF: pochemu onavernulasiktoteper pod udarom? <<http://www.politzeky.ru/proizvol/narusheniya-prav-zhurnalistov/55787.html>>(poslednee poseschenie – 15 noyabrya 2015 g.);
7. Ugolovno – protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii <<http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>>(poslednee poseschenie – 15 noyabrya 2015 g.);
8. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_25.html#p1791>(poslednee poseschenie – 15 noyabrya 2015 g.);
9. Federalnyy zakonot 07.12.2011 N 420-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i ot delnykh zakonodatelnykh akty Rossiyskoy Federatsii" <<http://www.rg.ru/2011/12/08/p-raboty-site-dok.html> >(posledneeposeshenie – 15 noyabrya 2015 g.).
10. Federalnyy zakonot 28.07.2012 N 141-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i ot delnykh zakonodatelnykh akty Rossiyskoy Federatsii" <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133284/>(poslednee poseschenie – 15 noyabrya 2015 g.).

УДК 343.9.022(1-924.71)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Скребец Е. С.

Крымский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел России

Статья посвящена определению основных направлений и особенностей противодействия экстремизму в Крымском федеральном округе. Отражены некоторые региональные аспекты полуострова, специфика возникновения экстремистского поведения в Крыму. Определены причины и условия существования экстремизма. Рассмотрены проблемные вопросы распространения экстремизма и противодействия экстремистским действиям в Крымском федеральном округе, а также даны такие определения понятиям: профилактика экстремизма, выявление, пресечение, предупреждение экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, профилактика экстремизма, государственная безопасность, приоритетные направления деятельности, правоохранительные органы.

Свободное и равноправное развитие граждан всех национальностей, проживающих в Крымском федеральном округе, содействие интеграции и адаптации ранее депортированных граждан в российское общество, удовлетворение национально-культурных потребностей национальных меньшинств является основной задачей, которую необходимо решать в сфере межнациональных отношений на основе действующего законодательства Российской Федерации и международного права.

Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации необходима система правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, а также наличие эффективной государственно-правовой политики, которая направлена на противодействие экстремизму.

Так, в 2014 году в состав Российской Федерации со специфическим географическим и геополитическим положением, многонациональным, этническим составом населения было включено два новых субъекта: Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Тем самым, увеличивая межконфессиональное пространство российского государства.

В период пребывания Республики Крым в составе Украины вопросы экстремистской направленности в законодательстве данного государства отображены не были. Таким образом, в Крыму открыто действовали экстремистские и террористические организации: «Хизб ут-Тахрир», «Ат-Такфир валь Хиджра», «ваххабиты», исповедующие радикальный ислам, которые являются запрещенными на территории Российской Федерации. Отличительной чертой этих организаций является отстаивание радикальными методами своих идеологических взглядов, что в подавляющем большинстве противоречит интересам цивилизованных государств [1].

Особенностью Крымского федерального округа является его географическое расположение, многонациональный народ, проживающий в нем, многорелигиозность, курортная и туристическая составляющая. Постоянные миграционные процессы, происходящие в Крыму, дают возможность преступным элементам проникать на полуостров с целью подрыва нормальной, полноценной жизни населения. Особое влияние также оказывает непосредственное «соседство» Крымского полуострова с Украиной, где в регионах преобладает беспокойная обстановка, постоян-

ные призывы правительства Украины к возвращению Крыма любыми путями, попытки дестабилизации жизни полуострова. Как отметила А. А. Коноплева, причиной развития экстремистских настроений в республике является информационная война, которая ведется украинскими и западными СМИ, направленная на развитие паники и депрессивных настроений у крымчан относительно вхождения Крыма в состав Российской Федерации [2]. В связи с этим в регионе повышены угрозы распространения экстремистских настроений среди населения как на религиозной, национальной почве, так и политической, экономической и социальной. Исходя из вышеуказанного, безопасность Республики Крым является важной составляющей в обеспечении государственной целостности и безопасности Российской Федерации.

Таким образом, деятельность органов полиции, а также государственных служб, организаций и самого населения по противодействию экстремизму должны носить системный, целостный, комплексный и постоянный характер.

Особое внимание необходимо уделять межнациональным отношениям, которые должны находиться на уровне взаимоуважения и понимания.

Молодежь как основная составляющая нашего общества, находясь на стадии становления личности, обладая недостаточной психологической зрелостью и устойчивостью, ослаблением воспитательной работы как внутри семьи, так и со стороны образовательных организаций, а также негативным влиянием средств массовой информации и телекоммуникативной сети Интернет, является основным инструментом в осуществлении экстремистской деятельности.

В настоящее время перед правительством Российской Федерации и Крымского федерального округа стоит задача по нейтрализации и недопущению распространения действий экстремистского характера по территории России. В этом направлении в Республике Крым на региональном уровне созданы Народные дружины, которые оказывают содействие органам государственной власти, правоохранительным органам в предупреждении и пресечении правонарушений, охране и обеспечении общественного порядка, оказании противодействия проявлениям экстремизма и терроризма.

Общество постоянно развивается, тем самым указывает на необходимость постоянного изучения и анализа процессов, происходящих в нем. Развитие законодательства должно соответствовать развитию общества и общественных отношений.

Правовая система противодействия экстремизму, которой в своей деятельности руководствуются органы внутренних дел, включает в себя Конституцию Российской Федерации, Уголовный Кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ 28.11.2014 г., Пр – 2753, а также международные договоры и иные нормативно-правовые акты, направленные на противодействие экстремизму.

При этом Указом Главы Республики Крым был утвержден Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы от 30.01.2015 № 26-У, целью которого является предупреждение радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущения их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность [3]. Данный План является одним из основных нормативно-правовых актов в деятельности правоохранительных органов для осуществления противодействия экстремизму на территории Крымского федерального округа.

Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц» [4].
- Приоритетным в деятельности органов внутренних дел, государственных органов, а также населения в борьбе с экстремизмом является грамотное осуществление профилактических мер. Именно от правильной их реализации зависит выявление, предупреждение и устранение действий экстремистского характера.
- Под профилактикой экстремизма понимается принятие и осуществление мер воспитательного и пропагандистского характера, направленного на предупреждение действий экстремистского характера.
- Выявление экстремистской деятельности представляет собой действия либо процессы, направленные на обнаружение участников осуществления экстремистских действий, а также непосредственную экстремистскую деятельность.
- Предупреждение экстремизма – это комплексная система мер социального, политического, экономического и правового характера, направленная на предотвращение и недопущение возникновения экстремизма, совершения действий экстремистского характера, а также последствий экстремизма.
- Пресечением экстремизма являются предусмотренные законом меры, направленные на прекращение действий экстремистского характера, а также недопущение негативных последствий.

Экстремизм является антисоциальным и антигосударственным явлением, которое требует комплексного и детального изучения. В своих проявлениях он давно вышел за пределы отдельных государств и составляет серьезную угрозу безопасности всего мирового сообщества, затрагивает интересы человека, общества и государства.

Одним из основных направлений противодействия экстремизму в Крымском федеральном округе, по нашему мнению, является:

1. Устойчивое развитие социального, экономического, политического и культурного развития региона.
2. Пропаганда и распространение взаимоуважения, взаимопонимания и толерантности.
3. Административно-правовое регулирование деятельности партий, учреждений и организаций.
4. Повышение качества и результативности деятельности полиции, направленной на противодействие экстремизму.
5. Повышение уровня эффективности профилактики экстремистских правонарушений. Особое внимание необходимо уделить профилактике экстремизма среди подростков и молодежи.
6. Предупреждение распространения идеологии экстремизма.
7. Выявление и устранение причин и условий возникновения и распространения экстремистской деятельности.

Как известно, экстремизм могут осуществлять люди различного социального положения, имеющие разную религиозную и национальную принадлежность, образование, воспитание, возраст, пол. Для практических органов стоит задача в выявлении признаков экстремистской деятельности на начальных этапах для быстрого

реагирования, недопущения развития процесса данной деятельности и негативных последствий.

Согласимся с мнением С. А. Буткевича и А. А. Коноплевой о том, что актуальным остается вопрос организации профессионального обучения работников центров противодействия экстремизму МВД по Республике Крым и УМВД России по г. Севастополю, личный состав которых преимущественно сформирован из специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью, подразделений уголовного розыска, координации деятельности органов внутренних дел в сфере международных отношений ГУМВД Украины в Автономной Республике Крым и УМВД Украины в г. Севастополе [5].

Причинами и условиями экстремизма являются:

1. Политико-правовые причины: коррумпированность чиновников, ухудшение материально-технической базы.

2. Социально-экономические причины: рост социально-экономического неравенства, безработица.

3. Религиозные причины: распространение религиозного экстремизма, нетерпимость друг к другу между национальностями.

4. Психологические причины: потеря веры населения в возможность государства обеспечить безопасность граждан, чувство социальной незащищенности.

Главной задачей правительства на современном этапе развития общества является формирование таких общественных и государственных идей и настроений, которые объединяют граждан различного происхождения и национальностей, дают возможность реализовывать свои культурные, религиозные, социальные потребности, не затрагивая интересов других граждан и не нарушая законодательство Российской Федерации.

Целью экстремистских действий является психологическое давление на население, направленное на подрыв авторитета государства в обеспечении безопасности своих граждан. Это может проявляться через средства массовой информации, во время проведения демонстраций, митингов, путем демонстрирования запрещенной атрибутики, символики, которые негативно воспринимаются населением.

Борьба правоохранительных и государственных органов с проявлениями экстремизма на сегодняшний день выходит на первый план, так как действия экстремистского характера несут не только тяжкие последствия, а зачастую и необратимые. Общие усилия государства и общества должны быть направлены на опережение, предупреждение экстремистской деятельности, выявление и пресечение, а также на устранение причин и условий существования данного антигосударственного и антиобщественного явления.

Для успешной борьбы с экстремистскими преступлениями необходимо:

- разработать тактику действий по опережению, предупреждению, выявлению, оперативному пресечению экстремистской деятельности;

- организовать эффективную взаимопомощь органов полиции с государственными органами, а также с населением;

- сформировать у населения неприятие к проявлениям действий экстремистского характера;

- создать детские, молодежные, спортивные организации, деятельность которых направлена на возрождение культуры народов, развитие разных видов спорта, патриотическое воспитание молодежи, развитие индивидуальных, культурных, физических способностей молодежи.

Перечисленные меры не являются исчерпывающими. Для наиболее эффективной профилактики и борьбы с экстремизмом необходимо комплексное использова-

ние мер и средств административно-правового характера, а также слаженные взаимодействия между государственными органами и населением.

Список литературы

1. Савочкин Д. С. Актуальные проблемы развития системы противодействия экстремизма в Украине // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. – 2010. – № 2 (48). – С. 200–206.

2. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 08 октября 2015 г. – Электрон. дан. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), с.63–64.

3. Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018 годы: указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У. – Симферополь, 2015. – 17 с.

4. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. – № 30. – Ст. 3.

5. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 81.

Skrebets E. The main directions and features of counteraction to extremism in the Crimean federal district // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 114–118.

Article is devoted to definition of the main directions and features of counteraction to extremism in the Crimean federal district. Some regional aspects of the peninsula, specifics of emergence of extremist behavior in the Crimea are reflected. The reasons and conditions of existence of extremism are defined. Problematic issues of distribution of extremism and counteraction to extremist actions in the Crimean federal district are considered, and also such definitions are given to concepts: prevention of extremism, identification, suppression, prevention of extremism.

Keywords: extremism, prevention of extremism, state security, priority activities, law enforcement agencies.

Spisok literatury

1. Savochkin D. S. Aktual'nye problemy razvitiya sistemy protivodejstvija jekstremizma v Ukraine // Nauchnyj vestnik Dnepropetrovskogo gosudarstvennogo universiteta vnutrennih del. – 2010. — № 2 (48). – S. 200 – 206.

2. Protivodejstvie jekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki [Elektronnyj resurs] : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 08 oktjabrja 2015 g. – Elektron. dan. – Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2015. – 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM)., s.63 – 64.

3. Ukaz Glavy Respubliki Krym ot 30 janvarja 2015 g. № 26-U «Ob utverzhenii Kompleksnogo plana protivodejstvija ideologii terrorizma v Respublike Krym na 2015-2018 gody». – Simferopol', 2015. – 17 s.

4. O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti: federal'nyj zakon ot 25 ijulja 2002 g. № 114-FZ // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. – № 30. – St. 3.

5. Butkevich S.A., Konopleva A.A. Rasprostranenie jekstremizma v Respublike Krym: problemy protivodejstvija i puti ih reshenija // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1 (19). – S. 81.

УДК 343.58

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Сычёва А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Настоящая статья посвящена проблеме квалификации деяний по признакам статьи 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации, несовершенству трактовки указанной статьи. Автор затрагивает этический и нравственный аспекты взаимного существования человека и животного мира в условиях несовершенства в нормативно-правовом регулировании данного вопроса. В статье анализируется российская и международная правоприменительная практика при защите животных от агрессивного отношения, законодательные изменения в этой области на территории Российской Федерации, а также общественно опасные последствия деяний, квалифицируемых по статье 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Целью данной работы является детерминация и постановка актуальной для современного российского общества проблемы превенции и привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих акты жестокости и насилия, имея как прямой, так и косвенный умыслы. Исследование вопроса незтичного отношения к животным сводится к неотложной необходимости реформирования не только законодательной базы в области экспериментальных исследований, проводимых на животных, но также государственной политики в подходе к формированию иного морально-нравственного видения существующей проблемы, пропаганде культуры сосуществования человека и животных.

Ключевые слова: животные, жестокое обращение, незтичное отношение к животным, хулиганские побуждения, живодерство, гибель и увечья, садистские методы, защита прав животных, присутствие малолетнего, тестирование на животных.

Отношение человека к животным в полной мере отражает его нравственные качества, а культура обращения людей с братьями меньшими является общегосударственным показателем развития общества внутри него. Практика в отношении защиты животных от жестокого отношения в настоящее время весьма неутешительна: несмотря на то, что во многих странах введены строгие меры ответственности за жестокое отношение к животным, на территории России ситуация остается стабильно плачевной.

Действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации содержит статью 245 — жестокое обращение с животными, предусматривающую уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних, а также в случае если это деяние совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц.

При детальном изучении указанной статьи проблема привлечения к ответственности в данной категории уголовных дел становится очевидна.

В далеком 2000 году был отклонен, а позднее в 2008 году и вовсе снят с рассмотрения проект закона «О защите животных от жестокого обращения». Исполняющий обязанности президента Российской Федерации на тот момент В. В. Путин свою позицию обосновал в письме от 03 января 2000 года № ПР-6, заявив, что закон не имеет собственного предмета правового регулирования, так как значительная часть содержащихся в нем норм, касающихся вопросов, отнесенных в соответствии со статьями 71 и 72 Конституции Российской Федерации к ведению Российской Федерации или совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, уже закреплена Федеральными законами «О животном мире», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Гражданским кодексом Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации, Кодексом РСФСР об административных правонарушениях, Законом Российской Федерации «О ветеринарии» и другими нормативными правовыми актами [8, с. 1]. Между тем в этом же письме была отмечена необходимость более детального урегулирования в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе РСФСР об административных правонарушениях соответствующих составов правонарушений. И хотя в целом законопроект отклонен по причине многочисленных недоработок и недостатков в области урегулирования данных правоотношений, его одобрение и дальнейшее принятие непременно изменили бы динамику фактов жестокого обращения с животными в сторону снижения. Тем не менее, этого не произошло и по сей день. Очевидно предполагаемое укрепление нравственности и гуманности российского общества, предотвращение страданий и гибели животных от жестокого обращения с ними, изложенное в законопроекте и неизменно существующие сегодня, все же не имеют предмета регулирования в Российской Федерации.

Животные, согласно российской правовой норме, отнесены к имуществу, при обращении с которым граждане должны придерживаться принципа гуманности [7, с. 75]. Именно в этой законодательной детализации животных как вещи, объекта неодушевленного, и кроется начальная точка существующей проблемы в отношении предотвращения и наказания за жестокое обращение с животными. И поскольку государство чтит и защищает право собственности и его неприкосновенность, то реальных шансов защитить животное, находящееся в чьем-то владении, в случае если собственник садист-живодер с пограничной психопатией, практически нет. Квалифицировать действия такого горе-хозяина по статье 245 УК РФ возможно лишь в случае, если его действия носят хулиганский характер и наносят ущерб общественной безопасности своими негативными последствиями. Жестокость в отношении животных на территории Российской Федерации расценивается как преступление против общественной нравственности, посягающее на воспитание культурно здоровой молодежи в государстве, и противоречащее этическим устоям общества. Но это еще раз говорит о том, что законодатель не видит животное как непосредственный объект преступного посягательства, выделяя его как орудие влияния на общество. Так, за грубое нарушение общественного порядка, нравственных и моральных норм поведения, выражение явного неуважения к обществу в присутствии малолетних, путем жестокого обращения с животным, повлекшее его гибель, мировой судья участка № 3 Каменского района Пензенской области решением № 1-76/2015 от 10

ноября 2015 года признал гражданина Каткова В.А. виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 245 УК РФ, и назначил ему наказание в виде двухсот часов обязательных работ в местах, определенных органом местного самоуправления, по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией [1]. При назначении подсудимому наказания суд учитывал характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность подсудимого, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, влияние назначенного наказания на исправление подсудимого и на условия жизни его семьи. С учетом того, что подсудимый приобрел к делу положительную характеристику, факт нахождения данного лица во дворе многоквартирного жилого дома в состоянии сильного алкогольного опьянения в присутствии двух детей и последующее показательное и длительное издевательство над котенком очевидно не сыграло той роли, которую должно было, будь система приоритетов судебной власти верно направленной и законодательно устойчивой.

Мировая практика ежегодно совершенствует законодательство в сфере защиты животных от жестокого отношения. В недалеком 2008 году в Швейцарии был принят закон о правах животных (Animal Welfare Act), который ужесточил и без того самые строгие меры ответственности по защите животных от жестокого отношения. Швейцария по заслугам получила статус правового рая для животных. Культура отношения граждан этого государства кардинальных изменений не претерпела за последние почти сорок лет (Federal Act on Animal Protection 1978 г., Animal Protection Ordinance 1981 г.). Лишь в направлении ужесточения мер ответственности за ненадлежащее отношение к животным. Индия, Китай, Саудовская Аравия, Италия, Австрия, Соединенные Штаты Америки, Германия, Канада – это только некоторые страны, опыт которых в борьбе с жестокостью в отношении животных заслуживает должного уважения. В 43 штатах США жестокое обращение с братьями меньшими является тяжким уголовным преступлением, и влечет до нескольких лет лишения свободы. И тогда как в Австрии запрещено держать львов и тигров в цирке, держать домашних питомцев на привязи и в душных витринах магазинов, очередной законопроект по данной проблеме в России почил в архиве Государственной Думы Российской Федерации. На фоне общегосударственной неблагополучной социальной обстановки проблема этического отношения к животным вообще не возводится в ранг достойных внимания. Между тем не стоит недооценивать влияние уже сформировавшегося стабильно равнодушного и жестокого отношения к ним. Скорее стоит обратить внимание на источник формирования подобного отношения к незащищенной категории животного мира. Не только бихевиеристами, но и практикой, установлено, что модель поведения лица, совершающего агрессивные, жестокие действия в отношении животных вырабатывается в препубертатный период, а порой и ранее. Причем преимущественно она перенимается из более зрелого окружения, способствуя еще большей деградации моральных ценностей формирующегося психотипа ребенка. Ученые-криминологи, исследующие поведение субъектов, склонных к насильственности, отмечают, что в период активного формирования личности этого лица, оно неоднократно проявляло жесткость, тем самым само утверждая свое превосходство над слабыми. С учетом специфики субъектного состава данной категории преступлений законодателю следует взять во внимание, что издевательства над животными свойственны детям до достижения ими возраста

привлечения к уголовной ответственности за такие действия – шестнадцатилетнего возраста. При этом формулировка квалифицирующего признака «присутствие малолетнего» нацелена на защиту этого малолетнего, его психики. Тогда как статьей совершенно не взят во внимание факт непосредственного совершения и участия малолетнего, не имея при этом очевидного мотива, а лишь патологическое стремление к извращенному удовольствию. По мнению некоторых авторов, невозможно привлечь к ответственности по статье 245 УК РФ, если при совершении изуверства над животными, причинении боли и страданий им, находящееся рядом малолетнее лицо не понимало происходящего противоправного деяния [12, с. 270]. Позиция абсолютно не бесспорна. В случае получения глубинной психоневрологической травмы модель негативного отношения к животному отложится в подсознании ребенка и послужит спусковым механизмом для отражения ее во вне.

Правовые акты России в области защиты животного мира от неэтичного отношения скудны как количественно, так, что более плачевно, качественно. И пока, увы, с ужасающими реалиями бесконтрольной жестокости борются преимущественно вельферисты – приверженцы благотворительной помощи животным. Многочисленные фонды, организации, обычные волонтеры. Почему проблема решается на уровне небезразличных граждан? Потому что в правовом поле ее решить практически не представляется возможным. Лишь одному факту жестокого отношения к животным из тысяч удастся получить юридическое разрешение. Отсутствие четко сформулированной нормы закона, позволяющее использовать пробел в трактовке не в пользу защищаемой стороны, говорит лишь о том, что проблема эта не существует на общегосударственном уровне. В ходе обсуждения законопроекта № 97802163-2 «О защите животных от жестокого обращения» на заседании, состоявшемся 18 февраля 2000 года В.В. Жириновский высказал весьма категоричную позицию по поводу указанного закона: «... Мы людей не можем защитить... Ну нельзя нам сейчас заниматься такими законами! Отклонили его – и в архив, у нас же другие есть задачи. Вы что, когда на выборы шли, обещали заняться животными или вашими избирателями? Давайте отложим, лет через пять займемся животными, а пока защитим самих себя!» [15]. Интересно, что, согласно В. В. Жириновскому, свободная пресса России почти не показывает случаев жестокого обращения с собаками. Разумеется, ведь для этого есть специализированные группы в социальных сетях и сайты догхантеров. Поисковая система интернет-порталов позволяет без особых усилий обнажить холодящие душу видеозаписи и фотоснимки садистов-живодеров. Кому при этом интересно «свободное» телевидение.

Очередной раз надежда защитников прав животных прекратила свое существование вместе с продвижением законопроекта № 764283-6 «О внесении изменений в главу 8 и 13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении административной ответственности за жестокое обращение с животными, а также за публичные призывы к жестокому обращению с животными)», который, начав короткую дистанцию 08 апреля 2015 года, сошел с нее уже 08 июня 2015 года по причине отзыва субъектом законодательной инициативы. Обнадеживающие изменения к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях обездвижено почил в архиве Государственной Думы. Тем не менее ожидалось (как впрочем и все попытки в подобном направлении), что данный

проект закона способен содействовать развитию культуры обращения с животными и воспитанию в сознании граждан человеческого отношения к братьям меньшим.

В июне 2015 года Законодательным Собранием Санкт-Петербурга был подан на рассмотрение законопроект № 806972-6 «О внесении изменения в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными), в настоящее время находящийся на рассмотрении. Речь идет о мерах уголовной ответственности за уничтожение животных общепасным способом, если это деяние совершено не в рамках применения ветеринарно-санитарных мер, соблюдения правил охоты или оказания ветеринарных услуг. Разъясняемая позиция автора в пояснительной записке о негуманных и жестоких методах истребления животных (в частности, собак), а также необходимости вмешательства со стороны государства, к сожалению, не вполне нашла свое закрепление в предложенных изменениях. Оговорка «если это деяние совершено не в рамках применения ветеринарно-санитарных мер, соблюдения правил охоты или оказания ветеринарных услуг» нивелирует негативные последствия такого уничтожения (что на практике никогда не бывает гуманным) в случаях активной деятельности так называемых догхантеров, публично оправдывающих свои действия заботой о порядке и благосостоянии жителей. К слову сказать, автору законодательной инициативы следует уделить внимание тому обстоятельству, что любое публичное (а таковыми они являются всегда) уничтожение животных негативно сказывается на душевном состоянии граждан, и особенно сказывается на формирующейся психике детей. Публичные страдания умирающих от отравления или пуль животных на улицах населенных пунктов не при каких обстоятельствах не могут оправдываться «применением санитарных мер» и иметь место в дальнейшем.

Не так давно, 21 октября 2015 г., произошло еще одно фиаско в борьбе за права животных – был отклонен законопроект № 791918-6, внесенный 13 мая 2015 г. депутатом Дорониным С. Предполагал бы внесение изменений в отдельные главы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно меры ответственности за попрошайничество с использованием животных (в частности, повлекшее причинение вреда здоровью животного или причинение ему смерти).

В настоящее время на территории Российской Федерации надлежащее нормативное регулирование на федеральном уровне отсутствует и на местном уровне рассмотрение обращений происходит из принципа кто во что горазд. Правоохранительные органы преимущественно даже не регистрируют факты жестокого обращения, заявленные гражданами, ставшими свидетелями таковых. Формулировка статьи 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации этому вполне способствует. Так, обратив внимание на положение части первой, увидим, что для наступления ответственности необходимо наличие негативных последствий – увечий или гибели. Следовательно, причинение боли и страданий животному, при этом не нанося увечий – оставив целостность организма неповрежденной – уже исключает привлечение преступника-живодера к ответственности.

Правовое регулирование обращения с животным требуется не только в пределах социальных условий взаимодействия их с человеком, реализации санитарно-ветеринарных функций государства. Следует обратить внимание, что медицинские исследования и опыты на животных в России также не имеют четкого правового

регулируемая, и регламентируются приказом № 755 от 12.08.1977 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию организационных форм работы с использованием экспериментальных животных». В частности, пункт 10 этого приказа допускает умерщвление мелких животных с помощью ингаляционного наркоза без предварительного введения других видов анестетиков. Из чего следует, что неэтическое отношение к животному не будет квалифицироваться как деяние, предусмотренное статьей 245 УК РФ, если оно имеет место при проведении медицинских исследований [9].

Недавняя попытка внести изменения в правовое регулирование этой области взаимодействия человека и животных состоялась 30 ноября 2015 года, когда депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва Дорониным С. А. и Игошиным И. Н. был внесен проект закона № 941431-6 «О запрете контроля качества парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов на животных». Положения указанного законопроекта устанавливают требования к контролю качества парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов, а также на связанное с контролем качества процессы производства, в целях защиты жизни и здоровья человека, стимуляции биотехнологического прогресса на территории России, охраны окружающей среды, предотвращения жестокого обращения с животными, а также предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей относительно ее назначения и безопасности. Инициаторы предлагают определить «запрет на контроль качества парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов на животных как запрет на использование животных в учебных и исследовательских целях в области разработки парфюмерно-косметической продукции и контроля ее качества, а также в области рутинного контроля качества с использованием средств, задействованных в производстве парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов».

Часть 3 статьи 11 проекта закона от 30 ноября 2015 года запрещает использовать животных любого биологического вида в учебных целях, исследования и лабораторных тестированиях, нацеленных на производство и развитие парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов, если составляющие ингредиенты уже изучены и безопасны для использования человеком. Как следует из пояснительной записки, в первую очередь, законопроект имеет целью повышение безопасности парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов, так как развитие альтернативного тестирования началось с признания недостаточности тестов на животных для полноценного контроля качества косметических средств для человека. Нельзя сказать, что приоритет этического отношения к животным очевиден, но попытка поднять уровень культуры отношения граждан к братьям нашим меньшим вполне (часть 2 статьи 9 проекта закона) предлагается определить обязанность граждан заботиться о формировании у детей отрицательного отношения к жестокому обращению с животными, в том числе проведению опытов над ними [15].

В Европейском Союзе тестирование данной продукции на животных под запретом с 2003 года. Запрет на проведение испытаний на животных в этой отрасли уже вступил в силу в Индии, Китае и во многих других странах.

Тем не менее пояснительная записка проекта закона от 30 ноября 2015 года более содержательна в части защиты непосредственно животных, а не результатов

парфюмерно-косметической промышленности, упоминая этические аспекты производства косметики и способность животных всех видов ощущать боль.

Однако весьма сомнителен тезис о том, что методы, в которых тестирование производится на уже убитых животных (называемый «ex vivo»), стоит отнести к так называемым альтернативным – допускаемым законом, ввиду того, что животные при этом не страдают. Или же проведение тестов на эмбрионах, т.к. на данной стадии развития организмов, они, по мнению авторов, малочувствительны. Весьма распространено мнение, что противоправные действия в отношении животных могут квалифицироваться по статье 245 УК РФ только в случае, если речь идет о животных, которые по мнению выразителей этой позиции способны чувствовать боль и мучения в результате жестокого обращения – т. н. высокоразвитые. К слову, боль как реакция организма на внешний раздражитель присуща любому биологическому организму, имеющему нервную систему. Видимо, сторонники такой позиции убеждены, что собака боль может испытывать, а лягушка нет. Стоит отметить, что четкой классификации животных как предмета преступления по статье 245 УК РФ нет, и этот грубый провал в букве закона с лихвой используют те, кто в этом заинтересован.

7 декабря текущего года руководитель Администрации Президента России Сергей Иванов провел в Кремле встречу с представителями Международного фонда защиты животных IFAW. Речь шла о защите и сохранении редких видов животных. Поскольку проблема признана на уровне первых лиц страны для усиления общественного резонанса в этом вопросе были привлечены известные правозащитники: глава московского представительства Международного фонда защиты животных Мария Воронцова, Министр природных ресурсов и экологии России Сергей Донской, помощник Президента – начальник Контрольного управления Константин Чуйченко, советник главы Русского географического общества Анастасия Чернобровина [16]. Амурский тигр, без сомнений, заслуживает международной огласки в борьбе за свое существование. Однако, на фоне четко детерминированного приоритета России в отношении не столько так называемых «высокоразвитых» млекопитающих, сколько животных достойных, по мнению первых лиц, носить титул символа страны, никто не заинтересован в защите «не статусных» беспризорных котят и щенков.

Жестокость и неэтическое отношение к животным очень сложны в вопросе квалификации как преступного деяния. Устойчивая тенденция современного российского общества такова, что остается стабильной тенденция к минимум равнодушному, а максимум – агрессивно психопатическому отношению к животным. Сложно вести речь о превенции преступлений в этой сфере на фоне отсутствия надлежащей законодательной базы, но главное – при популяризации мнения об отсутствии не только предмета правового регулирования, но и проблемы как таковой. Сложность доказуемости и квалификации ведет к неотвратимым рецидивам. Кроме того, детерминация животного как объекта вещного права законодательно сужает рамки борьбы с неэтическим отношением к животному миру. Множественные точки зрения при постановке проблемы защиты животных основаны не на четкой норме закона, а на вариациях трактовки неоднозначных положений статьи 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отсутствии унитарного закона о защите прав животных. О противоправных действиях, затрагивающих животных, принято говорить лишь на фоне не-

оспоримого влияния такого поведения на уровень нравственного воспитания подрастающего поколения. Вполне естественно, что при полном отсутствии морально здоровых этических представлений о взаимном существовании человека и животного выйти из уже существующей действительности крайне сложно. Международная правоприменительная практика довольно обширна, что позволяет заимствовать опыт других государств в вопросе защиты животных от агрессии и беспричинного насилия. Хотя при существующей правовой постановке этого вопроса российской общественностью будет скорее осмеяна, нежели поддержана, практика США, где специализированным службам разрешен не только обыск при наличии информации о жестоком обращении с животным, но и заключение под стражу до выяснения обстоятельств по данному факту. России крайне необходимо принятие закона о защите прав животных, как и пропаганда на государственном уровне этического отношения ко всем животным, а не только политически выгодным. Воспитание нравственно здорового общества возможно только при осознания проблемы, а не откладывании ее по причине мнимого отсутствия.

Список литературы

1. Приговор Каменского суда судебного участка № 3 Пензенской области от 10 ноября 2015 г. по уголовному делу № 1-76 (судья Танцеров Д.А.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Бриллиантов А.В., Долженко Г.Д, Иванова Я.Е. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва. СПС «КонсультантПлюс», 2010. – 460 с.
3. Мирошниченко В.С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Законы России: опыт, анализ, практика. № 12. 2011. – 45 с.
4. Осокин Р.Б. Проблемы уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными // Вестник Воронежского института МВД России. №1. 2011. – С. 44-46
5. Сундурова Ф.Р., Талан М.В. Уголовное право России. Особенная часть. М., 2012. – 521 с.
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Москва: Проспект, КноРус. 2014. – 224 с.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Москва: Проспект, КноРус. 2015. – 608 с.
8. Письмо Президента Российской Федерации от 03.01. 2000 г. № ПР-6 «Об отклонении федерального закона «О защите животных от жестокого обращения».
9. Приказ Министерства Здравоохранения СССР № 755 от 12.08.1977 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию организационных форм работы с использованием экспериментальных животных».
10. Федеральный Закон от 24.04.95 года № 52-ФЗ «О животном мире» в редакции от 13.07. 2015 г.
11. Федеральный Закон от 01.12.1999 года (проект N 97802163-2) «О защите животных от жестокого обращения» // Доступ из автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности.
12. Проект Федерального Закона Российской Федерации «О внесении изменений в статью 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации» от 1.07. 2015 года № 806972-6 // Доступ из автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности.
13. Проект Федерального Закона Российской Федерации «О запрете контроля качества парфюмерно-косметической продукции и её ингредиентов на животных» от 30.11.2015 года № 941431-6 // Доступ из автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности.
14. Проект Федерального Закона Российской Федерации «О внесении изменений в главу 8 и 13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 08.04. 2015 года № 764283 – 6 // Доступ из автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности.
15. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации <<http://www.duma.gov.ru>> (последнее посещение – 13 декабря 2015 г.).
16. Официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации <<http://www.kremlin.ru>> (последнее посещение – 13 декабря 2015 г.).

Sychova A. The issue of the bringing to responsibility for crimes in the field of animal cruelty // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 3. – P. 119 – 127.

Current article is devoted to the qualification issues of on the basis of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, the imperfection of interpretation of that article. Author touches upon the ethical and moral aspects of the mutual existence of man and animals under conditions of imperfect legal regulation of this issue. The article analyzes the Russian and international legal practice in the protection of the animals from aggressive attitude, the legislative changes in this area in the Russian Federation, as well as socially dangerous consequences of acts characterized under Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The aim of this work is the determination and formulation of relevant for a modern Russian society the problem of prevention and prosecution of those who commit acts of cruelty and violence, with both direct and indirect intent. Research on unethical treatment of animals is reduced to an urgent need to reform not only the legislative framework in the field of experimental studies conducted on animals, but also the state policy in the approach to the formation of a moral and ethical vision of the problem, necessity of the promotion of the culture of co-existence of humans and animals.

Key words: animals, cruel treatment, unethical attitude toward animals, hooliganism, flayer, death and mutilation, sadistic methods, protection of animals, the presence of minor, testing on animals.

Spisok literatury

1. Prigovor Kamenskogo suda sudebnogo uchastka № 3 Penzenskoy oblasti ot 10 noyabrya 2015 g. po ugovnomu delu № 1-76 (sudya Tantserev D.A.) [Elektronnyy resurs]. – Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Garant».
2. Brilliantov A.V., Dolzhenko G.D., Ivanova Ya.E. Kommentariy k ugovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy). Moskva. SPS «KonsultantPlyus», 2010. – 460 s.
3. Miroshnichenko V.S. Nekotoryye voprosy kvalifikatsii zhestokogo obrascheniya s zhyvotnyimi // Zakonyi Rossii: opyt, analiz, praktika. № 12. 2011. – 45 s.
4. Osokin R.B. Problemy ugovno-pravovogo protivodeystviya zhestokomu obrascheniyu s zhyvotnyimi // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. №1. 2011. – S. 44-46
5. Sundurova F.R., Talan M.V. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast. M., 2012. – 521 s.
6. Ugolovnyy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. Moskva: Prospekt, KnoRus. 2014. – 224 s.
7. Grazhdanskiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. Moskva: Prospekt, KnoRus. 2015. – 608 s.
8. Pismo Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 03.01. 2000 g. № PR-6 «Ob otklonenii federal-nogo zakona «O zaschite zhyvotnykh ot zhestokogo obrascheniya».
9. Prikaz Ministerstva Zdravoohraneniya SSSR № 755 ot 12.08.1977 goda «O merah po dalneyshe-mu sovershenstvovaniyu organizatsionnykh form raboty s ispolzovaniem eksperimentalnykh zhyvotnykh».
10. Federalnyy Zakon ot 24.04.95 goda № 52- FZ «O zhyvotnom mire» v redaktsii ot 13.07. 2015 g.
11. Federalnyy Zakon ot 01.12.1999 goda (proekt N 97802163-2) «O zaschite zhyvotnykh ot zhestokogo obrascheniya» // Dostup iz avtomatizirovannoy sistemy obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti.
12. Proekt Federalnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii «O vnesenii izmeneniy v statyu 245 Ugolovnogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii» ot 1.07. 2015 goda № 806972-6 // Dostup iz avtomatizirovannoy sistemy obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti.
13. Proekt Federalnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii «O zaprete kontrolya kachestva parfyumerno-kosmeticheskoy produktsii i eYo ingredientov na zhyvotnykh» ot 30.11.2015 goda № 941431-6 // Dostup iz avtomatizirovannoy sistemy obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti.
14. Proekt Federalnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii «O vnesenii izmeneniy v glavu 8 i 13 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyah» ot 08.04. 2015 goda № 764283 – 6 // Dostup iz avtomatizirovannoy sistemy obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti.
15. Ofitsialnyy sayt Gosudarstvennoy Dumy Federalnogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii <<http://www.duma.gov.ru>> (poslednee poseschenie – 13 dekabrya 2015 g.).
16. Ofitsialnoe internet-predstavitelstvo Prezidenta Rossiyskoy Federatsii <<http://www.kremlin.ru>> (poslednee poseschenie – 13 dekabrya 2015 g.).

УДК 343

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ**

Чеботарева Г. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье исследуются вопросы юридической регламентации медицинской деятельности, а также уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения на разных исторических этапах развития общества. Историко-правовой анализ уголовной ответственности медицинских работников дает возможность более четко рассмотреть направления, по которым осуществлялась регламентация уголовной ответственности, обобщить сведения по этому вопросу и выработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Рассматриваются особенности формирования системы медицинского законодательства как самостоятельной отрасли права и института ответственности медицинских работников в России. Обращено внимание на существенную эволюцию взглядов на ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения. Часто политическая обстановка в стране затрагивала и врачей, которые были репрессированы по надуманным обвинениям о «вредительстве в лечебном деле». Анализируются особенности уголовной ответственности врачей по УК РФ 1996 г. Обращено внимание на то, что новый УК расширил границы уголовно-правового влияния в сфере медицинской деятельности. Подчеркивается необходимость введения в УК РФ специальной статьи об ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником.

Ключевые слова: уголовный закон, медицинская деятельность, криминализация, преступление, история.

В современном урбанизированном обществе с его социально-негативными условиями на фоне снижения рождаемости и увеличения смертности вопросы физического и психического здоровья его членов приобретают огромное значение. Поэтому государство обязано законодательно развивать правовые механизмы защиты прав своих граждан в области охраны здоровья, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Не вправе наносить вред здоровью граждан и медицинские работники при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Юридическая регламентация медицинской деятельности, а также уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения на любом историческом этапе развития общества определяется разнообразными социальными факторами (политическими, идеологическими, экономическими, моральными, этическими, религиозными и другими). Позитивные и негативные стереотипы из прошлого могут оказывать влияние и проявляться не только в настоящем, но и в будущем. Недооценка этих факторов может привести к огромным моральным и материальным издержкам государства и общества [1, с. 166].

Оценка исторического развития регламентации уголовной ответственности медицинских работников в профессиональной сфере представляется особенно важной, поскольку дает возможность более четко рассмотреть направления, по которым осуществлялась регламентация уголовной ответственности, обобщить сведения по этому вопросу с целью выработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Основной целью данного исследования является историко-правовой анализ уголовной ответственности медицинских работников за правонарушения в сфере медицинской деятельности.

Медицинские, хирургические вмешательства, по свидетельствам археологов, осуществлялись уже сотни тысяч лет назад. В период расцвета первобытного общества наблюдалось целенаправленное применение эмпирически полученных знаний при лечении заболеваний и травм, т.е. формировалась система рациональных приемов врачевания. Безусловно, с зарождением практики врачевания появились и простейшие элементы социального регулирования медицинской деятельности. Возникающие конфликты, в том числе и по поводу неблагоприятных исходов лечения, преимущественно разрешались по праву сильного [2, с. 222].

Переход человечества к производящей экономике приводит к социальному расслоению общества, появлению классов, зарождению государства и права. В качестве одной из важнейших первоначальных функций городов-государств являлось фиксирование самых разнообразных сведений, в том числе и медицинского характера. Делались записи о способах лечения и их результатах, фиксировались и факты судебных разбирательств, отражающих ответственность врачей за неблагоприятные исходы лечения. Религия в этот исторический период оказала значительное влияние на развитие медицины. Этот период называют периодом монастырской (храмовой) медицины [2, с. 223]. Именно в монастыри (храмы) шли больные за получением медицинской помощи, где монастырские работники занимались их лечением. При монастырях (храмах) образовывались своеобразные лечебные учреждения. Конфликты из-за качества лечения и его исхода, как правило, не возникали, т.к. исходы эти были «в руках господ бога».

В рабовладельческом обществе законы носили выраженную классовую направленность. В отношении высоко стоящих членов рабовладельческого общества целители несли абсолютную ответственность, т.е. в случае неблагоприятного исхода отвечали своим здоровьем или жизнью. Так, в своде законов вавилонского царя Хаммурапи предполагалась различная ответственность врачевателя за причинение вреда здоровью в зависимости от социального положения потерпевшего: если причинялся вред здоровью рабовладельца, то лекарь могли отсечь руку или лишить жизни, а если рабу, то лекарь обязан был лишь возместить стоимость раба или отдать другого [3, с. 184].

Основы современной медицины также были заложены в Древней Греции. Целитель Гиппократ основал медицинскую школу на острове Кос. Врачеватели должны были давать клятву Гиппократа, в которой говорилось об обязанностях и ответственности врачевателя. И в наше время все врачи приносят клятву Гиппократа. В Древней Греции врачебное мастерство ценилось очень высоко, поэтому медики за ошибки освобождались от ответственности, если больной умирал «против воли лечащего».

Римское право предусматривало наказание врача за грубые ошибки, причем понятие «врачебные ошибки» было весьма широким. Сюда относились и неопытность, и неосторожность врачей, и неоказание медицинской помощи. Хотя римское право уже допускало правомерность смерти больного вследствие тяжести заболевания. Кроме того, врачеватели Древнего Рима могли привлекаться к ответственности за умышленное убийство, за продажу ядов с целью отравления, а также за аборт и кастрацию [4].

Важнейшими источниками древнерусского права, в которых содержались положения, которые регулировали врачебную деятельность, являются «Церковный Устав» Владимира Святославовича и «Русская правда». В период Древней Руси уже существовали все варианты медицины: народная, монастырская и светская. Церковным Уставом Владимира Святославовича регламентировалась монастырская медицина. Нормы «Русской правды» в большей степени имели отношение к регламентированию светской медицины. Народное врачевание в своей деятельности опиралось на народные обычаи, традиции, обыкновения, морально-этические нормы. Первое упоминание о «лечцах» было найдено в «Русской правде» – древнейшем своде законов. Свод этот был составлен еще при Ярославе Мудром в XI веке, а дополнил его Владимир Мономах своим «Уставом» (1113–1125 гг.). В них впервые был найден закон о праве требовать возмещения морального ущерба с человека, причинившего увечье не только тому, кому был причинен ущерб, но и в казну государства, а также право доктора (лечца) брать вознаграждение за оказанную помощь, так называемую мзду [5, с. 48].

В «варварских правдах» появился ряд новых признаков, квалифицирующих правоотношения между лекарями и больными. Например, своеобразный свод оценки тяжести вреда, нанесенного здоровью (квалифицирующие признаки вреда здоровью). Выделены в отдельную группу преступления против личности [6, с. 226].

В этот период в большинстве европейских стран действовало уголовное уложение «Каролина», согласно которому врач подлежал наказанию за смерть больного, если она наступала вследствие недостаточной заботы или невежества, легкомысленного или неправильного применения медицинских знаний или недопустимых методов лечения. «Каролина» предусматривает случаи, когда при неосторожном причинении врачом смерти наказание устанавливалось по совету сведущих людей, а умышленное каралось как убийство. Однако постепенно вместо варварских членовредительских наказаний появились наказания в виде денежных штрафов [7].

В этот период в России появился первый русский кодекс законов – «Судебник» (1497 г.), являющийся первым официальным законодательным актом, регламентирующим медицинскую деятельность. В Судебниках 1497 г. и 1550 г. преступления в сфере медицинской деятельности относились к группе преступлений против личности. Система наказаний по судебникам, в том числе и по отношению к лекарям, усложняется, формируются новые цели наказания: устрашение и изоляция преступника. Для наказаний стали характерными жестокость и неопределенность их формулировки (что также служило целям устрашения). Высшей мерой наказания была смертная казнь. Появляются новые виды казней и наказаний. Телесные наказания применялись как основной и дополнительный вид. Членовредительские наказания (урезание ушей, языка,

клеймения) лишь начинали вводиться в период судебныхников. В качестве дополнительных наказаний часто применялись штрафы и денежные взыскания [8, с. 5].

При Петре I впервые в законодательстве появляются нормы, которые позволяли освободить врача от уголовной ответственности, если будет доказано, что врач действовал согласно правилам, без умысла и небрежности. В противном случае он привлекался к уголовной ответственности как за убийство [9, с. 542].

В период зарождения буржуазно-демократических преобразований, развития капитализма происходит формирование системы медицинского законодательства как самостоятельной отрасли права. В дореволюционной России ответственность врача за неоказание помощи регламентировалась ст. 1522 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года, гласившая, что не оставившие практики врачи, акушеры, фельдшеры и повивальные бабки, не явившиеся по приглашению без уважительной причины к нуждающемуся в помощи больному или родильницам, несут ответственность за совершение преступления. Если же врач, акушер, фельдшер или повивальная бабка находились при этом на службе, то к ним применялось дополнительное наказание — отстранение от должности. Статья 1522 предусматривала, кроме того, квалифицированный состав преступления, и наказание за совершение данного преступления усиливалось, если виновный знал об опасном состоянии больного, родильницы или новорожденного младенца [10].

В этот период началась подробная регламентация медицинской деятельности. При этом издающиеся законодательные акты (законы, указы, уставы, уложения) в области здравоохранения формировали отдельную отрасль права. Ответственность за профессиональные правонарушения рассматривалась как частные взаимоотношения, основанные, прежде всего, на коммерческих началах.

После революции 1917 г. взгляды на ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения прошли определенную эволюцию. В 10-летний период после революции отмечается заметный рост уголовных дел против врачей по сравнению с дореволюционным временем. Это объяснялось следующими причинами: малая осведомленность обывателей в вопросах медицины и преувеличение ее возможностей; повышенные требования к врачам; пристрастное освещение врачебных дел в прессе; желание идти по пути наименьшего сопротивления, то есть обвинения врачей и апелляции к общественному мнению; доверчивое отношение следственных органов к обвинению врачей, неопределенность статей УК к установлению границ врачебной ответственности; надежда на создание демократического государства и объективное судебное разбирательство врачебных дел [11].

В 20-е годы развернулась дискуссия по вопросу об отношении к врачебным ошибкам. Видными медиками старого поколения поддерживалось мнение о том, что «вложить врачебную деятельность со всеми ее специфическими особенностями в юридические формы, общие для всех граждан, почти невозможно» [11]. Против такого взгляда резко отрицательно выступили юристы и часть медицинской общественности, которые подчеркивали равную со всеми гражданами правовую ответственность врачей. Поэтому они считали не нужным создавать какие-то

дополнительные статьи в УК, а также специальные правила для врачей, и при возбуждении уголовных дел против врачей руководствоваться общими.

Результатом организованных дискуссий было единодушное осуждение предложения о создании специальных комиссий для решения вопросов о предании суду врачей.

Уместно напомнить политическую обстановку того времени в стране, которая затрагивала и врачей. В год «великого перелома», как называют 1929 г. в советской истории, появилось сообщение о «вражеском заговоре» украинских академиков, среди которых было 5 врачей – известных ученых-теоретиков, которые «проводили медицинский террор» против большевиков.

В 1938 г. возникло новое громкое дело – против «правотроцкистского блока». Тогда в особую группу вновь были выделены «врачи-убийцы»: профессора Д. Д. Плетнев, Л. Г. Левин, И. Н. Казаков и другие – как утверждалось, пытавшихся отравить видных деятелей компартии, а председатель московского общества терапевтов, редактор журнала «Клиническая медицина» Д. Д. Плетнев обвинялся в умышленном отравлении М. Горького. Не только известные профессора, но и врачи были в те годы репрессированы [12, с. 3–8].

Все это не могло не отражаться на отношении к врачу, на оценке врачебных ошибок. Интересно, что возбуждение уголовных дел за профессиональные преступления врачей прогрессировали до 1937 г., когда они достигли максимума (262), затем постепенно снижались, и в 1948 г. составили 53 дела. В 1949 г. наряду с делом «безродных космополитов» началась новая компания против врачей. Был арестован известный профессор «московского института Я. Г. Этингер. 4.12.52 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), нацеленное на искоренение «вредительства в лечебном деле». 13 января 1953 г. было опубликовано сообщение ТАСС об аресте «врачей-вредителей». Органами госбезопасности была «раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». И вновь в списках значатся известные в мире ученые, авторы учебников и монографий, академики. Среди 37 арестованных Виноградов, Вовси, Коган, Егоров, Зеленин и другие, которых обвиняли в умерщвлении не только советских руководителей, но и лидеров международного коммунистического движения М.Тореза и Г. Димитрова. Дело врачей было возведено в масштаб крупной политической акции [12, с. 6–7].

Новый всплеск интереса к теме недостатков врачевания возник и в 60-е годы. Был защищен ряд кандидатских диссертаций, издана монография И. Ф. Огаркова «Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них».

В 1970–1980 годы стала складываться определенная практика расследования и судебно-медицинской экспертизы «врачебных» дел. Они не стали возбуждаться сразу после поступления сигнала о профессиональном правонарушении, а предварительно обязательно проводилась административная проверка, по результатам которой принималось решение о возбуждении уголовного дела или отказе от него. Судебно-медицинская экспертиза проводилась только группой экспертов во главе с начальником Бюро СМЭ.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал ряд норм, по которым медицинский работник предусматривался как субъект преступления, поскольку преступность деяния обуславливалась выполнением (невыполнением) определенных про-

фессиональных или служебных обязанностей. Уголовная ответственность предусматривалась за незаконное производство аборта (ст. 116), незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 126.2), неоказание помощи больному (ст. 128), разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 128.1), незаконное врачевание (ст. 221).

Анализируя новый УК РФ 1996 года, нужно отметить, что большинство уголовных правонарушений, которые касались сферы медицины, нашли отображение и в нем (условно говоря, стали «традиционными»). В тоже время в нем криминализованы деяния медицинских работников, которых не было в предыдущем УК. Например, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120), заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128).

Таким образом, УК РФ 1996 г. года расширил границы уголовно-правового влияния в сфере медицинской деятельности. Однако не все уголовно-правовые запреты, которые существовали в прошлом и касались сферы медицинской деятельности, нашли отражение в УК РФ 1996 г. Так, в нем не предусмотрено как преступление разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 128.1).

Актуальным вопросом остается необходимость введения в УК РФ специальной статьи об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, если в результате неосторожности со стороны медицинских работников наступили тяжкие последствия или даже смерть больного. Профессор Ю. Д. Сергеев неоднократно поднимал этот вопрос в своих научных трудах [13, с. 412]. Отметим, что в УК РФ 1996 г. включена норма, предусматривающая уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109), которая и применяется в случаях ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Однако эта уголовно-правовая норма не является специальной, относящейся исключительно к медицинской деятельности, и предусматривает уголовную ответственность только в случае наступления смерти пациента. В случаях причинения медицинским работником по неосторожности тяжкого вреда здоровью больного уголовная ответственность наступает уже на основании другой статьи – ч. 2 ст. 118 УК, которая также не является специальной. Поэтому для профилактики подобных негативных явлений в сфере медицинской деятельности представляется необходимым включить в УК РФ статью об уголовной ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. Аналогичная специальная норма входит в УК Украины (2001 г.) – ст. 140 «Ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником» и в УК Белоруссии (1999 г.) – ст. 162 «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником».

Изложенное в данной работе позволяет увидеть, что процесс криминализации общественно-опасных деяний в сфере медицинской деятельности продолжается и является достаточно динамичным. В то же время эта динамичность обеспечивается не только интенсивным, но и экстенсивным путем, что свидетельствует о необхо-

димости разработки научно-обоснованных путей и способов разрешения таких проблем.

Список литературы

1. Шамгунов А. Н., Новиков П. И., Баев А. А. Проблемы правоотношений в сфере профессиональной медицинской деятельности /Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16 мая 2003 г. /Под общ. Ред. д.ю.н. С. Г. Стеценко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – 344 с.
2. Стеценко С. Г., Шамгунов А. Н., Баев А. А., Ветлугина В. А., Куренда Л. Д. Регламентация профессиональной медицинской деятельности: историко-правовой аспект /Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16 мая 2003 г. / Под общ. Ред. д.ю.н. С. Г. Стеценко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – 344 с.
3. История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 2002. – 719 с.
4. Комзолов Андрей Иванович «Врачебная ошибка» и особенности защиты прав пациентов /<http://www.jourclub.ru/31/1211/2/>
5. Е. В. Бачило. История медицины: конспект лекций. – М.: Эксмо, 2007. – 160 с.
6. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. Издание третье, исправленное. Т. 1–М.: ТОН – Остожье, 2000. – 528 с.
7. Каролина: уголовно-судебное уложение Карла <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=298&page=1>
8. Бобров О. Е. Медицина (нравы, судьбы, бесправие). – Кировоград: Полиум, 2003. – 242 с.
9. Нуралиева З. А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному [Текст] / З. А. Нуралиева // Молодой ученый. – 2013. – №5. – С. 542-544.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года [<http://quator.ru>].
11. Вил Акопов. К истории судебной ответственности врачей // Интернет журнал Relga. Ru.- №10 [64] - 23.05.2001/ - <http://www.relga.ru>
12. В. И. Акопов К истории судебной ответственности врачей и судебно-медицинской экспертизы при дефектах медицинской помощи // Проблемы экспертизы в медицине. Выпуск № 5-1 / том 02 / 2002. – С. 3–8.
13. Сергеев Ю. Д. Медицинское право: учебный комплекс: в 3- т. – М.:ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 784 с.

Chebotareva G. Criminal liability of medical workers for professional offense: historical and legal aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 128 – 135.

In the article there are examines the questions of regulation in medical activity, and the criminal responsibility of medical workers for professional offense on different historical stages of social development. Historical and legal analysis of the criminal responsibility of medical workers let us see the clear way in which the regulation of their criminal responsibility was processed and summarize the information on this question and develop proposals for improving the criminal law, the formation features of the medical law as an independent branch of law and the institution of medical workers in Russia. Attention is paid to the evolution of opinions about the responsibility of medical workers for professional offense. Often, the political situation in the country affected doctors who were repressed on far-fetched indictments of "sabotage in the medical practice." In the article is shown the analyses of criminal liability of doctors in the Criminal Code of Russia, 1996. The attention is drawn to the fact that the new Criminal Code has expanded the borders of influence of criminal law in the sphere of medical practice. It accentuates the need for the introduction of a specific article in the Russian Criminal Code on responsibility for the inappropriate pursuance professional duties by medical workers.

Key words: criminal law, medical activities, criminalization, crime, history.

Spisok literatury

1. SHamgunov A. N., Novikov P. I., Baev A. A. Problemyi pravootnosheniy v sfere professionalnoy meditsinskoy deyatel'nosti / Aktualnyie problemyi pravovogo regulirovaniya meditsinskoy deyatel'nosti: Materialy 1-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 16 maya 2003 g. /Pod obsch. Red. D.yu.n. S.G. Stetsenko. – M.: Izdatelskaya gruppa «YUrist», 2003. – 344s.
2. Stetsenko S.G., SHamgunov A.N., Baev A.A., Vetlugina V.A., Kurenda L.D. Reglamentatsiya professionalnoy meditsinskoy deyatel'nosti: istoriko-pravovoy aspekt. /Aktualnyie problemyi pravovogo regulirovaniya meditsinskoy deyatel'nosti: Materialy 1-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 16 maya 2003 g. /Pod obsch. Red. D.yu.n. S.G. Stetsenko. – M.: Izdatelskaya gruppa «YUrist», 2003. – 344s.
3. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: Uchebnoe posobie. /Pod red. V.I. Kuzischina. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 719s.
4. Komzolov Andrey Ivanovich «Vrachebnaya oshibka» i osobennosti zaschityi prav patsientov /<http://www.jourclub.ru/31/1211/2/>
5. E.V. Bachilo. Istoriya meditsiny: konspekt lektsiy. – M.: Eksmo, 2007. – 160s.
6. Omelchenko O.A. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava: Uchebnik v 2 t. Izdanie trete, ispravlennoe. T. 1–M.: TON – Ostoje, 2000. – 528s.
7. Karolina: ugovolno-sudebnoe ulojenie Karla <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=298&page=1>
8. Bobrov O. E. Meditsina (nravyi, sudbyi, bespravie) — Kirovograd: Polium, 2003. — 242s.
9. Nuralieva Z. A. Istoriya razvitiya otnosheniy, reguliruyuschih otvetstvennost za neokazanie pomoschi bolnomu [Tekst] / Z. A. Nuralieva // Molodoy uchenyy. — 2013. — №5. — S. 542-544.
10. Ulojenie o nakazaniyah ugovolnyih i ispravitelnyih 1903 goda [<http://quator.ru>].
11. V. I. Akopov. K istorii sudebnoy otvetstvennosti vrachey. //Internet jurnal Relga. Ru.- №10 [64] - 23.05.2001/ - <http://www.relga.ru>
12. V. I. Akopov. K istorii sudebnoy otvetstvennosti vrachey i sudebno-meditsinskoy ekspertizy pri defektah meditsinskoy pomoschi // Problemyi ekspertizy v meditsine. Vyipusk № 5-1 / tom 02 / 2002, s.3-8.
13. Sergeev YU. D. Meditsinskoe pravo: uchebnyiy kompleks: v 3- t. – M.:GEOTAR-Media, 2008. – 784s.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 349.41

**ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ РЕКРЕАЦИОННОГО
НАЗНАЧЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ**

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Данная работа посвящена исследованию элементов правового режима земель рекреационного назначения. В работе приводится понимание правового режима земель, которое было сформулировано как советскими учеными, так и современными учеными нашего времени. Вместе с тем на сегодняшний день в действующем Земельном Кодексе Российской Федерации предусмотрено семь разных по своему содержанию, так и значению категорий земель, в свою очередь, каждая из которых имеет свою специфику и сущность. Также следует отметить, что такая категория, как «правовой режим земель», широко применяется в доктрине земельного права и играет чрезвычайно важную роль, поскольку тесно связана с вопросом об объектах земельных отношений, системе земельного права, его принципах и задачах. Огромное значение имеет применение этого понятия в науке и учебной дисциплине земельного права. Использование элементов правового режима земель в научно-исследовательских работах способствует удобству систематизации и изложения правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее границы и логично раскрыть свои идеи.

Ключевые слова: правовой режим земель, общий правовой режим, земли рекреационного назначения, элементы правового режима земель, режим, земли, земля, категория земель, земельный участок.

Согласно ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В силу указанной нормы государство закрепило землю как основу жизнедеятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, тем самым поставив под особую правовую охрану общественные отношения, связанные с использованием земли.

В свою очередь, ст. 7 Земельного Кодекса Российской Федерации все земли в Российской Федерации в зависимости от их целевого назначения подразделяет такие земли на следующие категории: 1) земли сельскохозяйственного назначения; 2) земли населенных пунктов; 3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; 4) земли особо охраняемых территорий и объектов; 5) земли лесного фонда; 6) земли водного фонда; 7) земли запаса. Вместе с тем каждая из указанных категорий имеет свою специфику, тем самым устанавливая свой правовой режим, который характерен для конкретной категории земель.

Такая категория, как «правовой режим земель», широко применяется в доктрине земельного права и играет чрезвычайно важную роль, поскольку тесно связана с вопросом об объектах земельных отношений, системе земельного права, его принципах и задачах. Огромное значение имеет применение этого понятия в науке и учебной дисциплине земельного права. Использование понятия «правовой режим земель» в научно-исследовательских работах способствует удобству систематизации и изложения правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее границы и логично раскрыть свои идеи и т.д. [19].

В свою очередь понятие «правовой режим» тесно взаимосвязано с понятием «механизм правового регулирования», которое означает систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. Если механизм правового регулирования – юридическая категория, показывающая, как осуществляется правовое регулирование, то правовой режим в большей мере содержательная характеристика конкретных нормативных средств, призванных организовать определенный участок жизнедеятельности людей. Правовой режим представляет собой специфический механизм правового регулирования, его особый порядок, направленный на конкретные виды субъектов и объектов, «привязанный» не столько к отдельным ситуациям, сколько к более широким общезначимым социальным процессам (состояниям), в рамках которых эти субъекты и объекты взаимодействуют [14, с. 25–26].

Понятие «правовой режим» в земельном праве применяется для характеристики: 1) общего правового режима – правовой режим земель РФ, земельного фонда РФ; 2) особенного правового режима – правовой режим категории земель; 3) отдельного правового режима – правовой режим вида (субкатегории) земель; 4) единичного правового режима – правовой режим земельного участка. Такой подход предполагает определенную иерархию, поскольку любой вид земель относится к определенной категории и является частью земельного фонда РФ и предопределяет наличие общих юридических средств, составляющих правовой режим объектов. Нормативные правовые акты, формирующие каждый последующий правовой режим, считаются специальными по отношению к нормативным правовым актам, определяющим предыдущий правовой режим [6, с. 56].

Вместе с тем своя специфика характерна и для земель рекреационного назначения, которые в силу ст. 72 ЗК РФ являются одной из субкатегорий земель особо охраняемых территорий и объектов.

Поэтому с целью доктринального и, в свою очередь, более глубокого исследования сущности правового режима земель рекреационного назначения заострим внимание на элементах правового режима земель рекреационного назначения сквозь призму советской и современной правовой доктрины.

В науке земельного права термин «правовой режим» имеет универсальное значение и применяется для оказания правовой характеристики всех категорий земель, устанавливая при этом специфику правового регулирования, присущую той или иной категории земель.

Поэтому понятие «правовой режим земель» существует с советских времен, но в тот период в законодательстве оно не было раскрыто достаточно четко, как и в

современном российском. Однако в научной и учебной литературе по земельному праву это понятие применяется довольно часто.

В советский период исследованием понятия и содержания правового режима земель занимались такие ученые: Г. А. Аксененок, А. В. Венедиктов, М. А. Гурвич, М. И. Дембо, И. И. Евтихеев, М. Д. Казанцев, Н. И. Краснов, В. С. Шелестов и др.

Впервые понятие «правовой режим» в земельном праве использовал И. И. Евтихеев, который еще в 1929 подчеркивал, что для отдельных разрядов земель существуют различные земельные режимы, которые не совпадают по объему [9, с. 1]. Постепенно категория правового режима получила в земельном праве универсальное значение и стала применяться для характеристики земель всех категорий. Как видим, исторически появление термина правового режима земель связано с характеристикой категорий земель.

И. И. Евтихеев отмечал, что «для земельного права характерен не способ правового регулирования (договорной или односторонний), не субъект правоотношений, а тот вещевой объект – земля, назначением которой является максимальное производство продуктов ...» [10, с. 102].

Такого же мнения придерживался А. В. Венедиктов. Рассматривая вопрос о различиях в правовом режиме отдельных видов государственного имущества (земель, основных и оборотных фондов), он считал, что все разногласия в характере и назначении этих объектов отражаются в полном объеме прав и обязанностей отдельных государственных органов, которыми ведают, то есть на правовом режиме соответствующих видов государственного имущества [8, с. 352].

В советский период под правовым режимом понимали влияние государства на земельные правоотношения, направленные на рациональное использование и охрану земель в соответствии с их назначением. При этом в условиях государственной монополии на землю не было необходимости вводить дифференциацию правового режима земель по формам собственности. Правовую связь, которая существует между землей как объектом правоотношений и ее правовым режимом, раскрыл Г. А. Аксененок, который, анализируя землю как объект земельных правоотношений, имел в виду землю в ее естественном состоянии – как дар природы. А землю, в отношении которой установлен определенный правовой режим, благодаря чему она и становится объектом права в целом и земельных правоотношений в частности [1, с. 137].

Похоже определяет данное понятие М. И. Краснов: «режим – это порядок необходимого поведения относительно земли как объекта права ...». В другой работе ученый определяет правовой режим земель как «определенное теоретическое понятие, обобщающее правовую характеристику земли как объекта права и содержащее указание на круг важнейших общественных отношений, возникающих по поводу земли» [13].

М. И. Краснов указывает, что «элементами содержания правового режима являются право собственности, государственное управление, регулирование использования земель, правовая охрана земель», хотя «... сегодня содержание термина «правовой режим земель» меняется, а также насыщается новыми элементами» [17].

Понимание понятия правового режима земель тесно связано с определением его содержания, то есть с составом элементов, входящих в него. Подытоживая советский период в развитии и изучении понятия «правовой режим земель», не трудно

заметить, что главным элементом правового режима земель является право исключительной государственной собственности. И это понятно, ведь основу земельных отношений в СССР составляла государственная собственность на землю. Исключительный характер государственной собственности на землю означал, что владельцем земли может быть только государство, но земля могла предоставляться только в пользование. В связи с этим любое хозяйствование на земле осуществлялось только на основе юридического титула права землепользования [3].

Осмысливая изложенное, можно определить, что исследованию правового режима земель в советские времена по сравнению с современными исследованиями было посвящено не так-то и много внимания. Но невозможно не отметить и то, что учеными того времени при определении понятия «правового режима земель» в большинстве случаев за основу брались свойства, которые служат в качестве элементов правового режима земель, а именно:

1. Влияние государства на земельные правоотношения (государственное управление землями).
2. Рациональное использование земель в соответствии с их основным назначением.
3. Охрана земель.

Опираясь на вышесказанное, можно увидеть, что исследование правового режима земель осуществляется еще в советское время. Поэтому становится необходимым и своевременным обратить внимание на определение правового режима земель, которым оперируют ученые при осуществлении своих исследований на современном этапе развития земельно-правовых отношений.

К сожалению, на сегодняшний день законодательного определения правового режима земель не содержится ни в одном нормативно-правовом акте. Поэтому, проанализировав содержание действующего законодательства, И. А. Иконичкая определяет «правовой режим земель» как «установленное нормами права возможное и надлежащее поведение по отношению к земле как объекту права собственности и иных прав на земельные участки, объекта государственного управления земельными ресурсами и объекта правовой охраны земли как природного ресурса, выполняет определенные Конституцией РФ важнейшие социально-экономические функции – основы жизни и жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [16].

По определению С. А. Боголюбова, правовой режим земель определяется совокупностью правил их использования и включения в гражданский оборот охраны, контроля и мониторинга, установленных земельным, градостроительным, лесным, природоохранным и другим законодательством, законодательством о недрах, и распространяется на земле соответствующей категории [4, с. 34–35].

А. Г. Василенко считает, что правовой режим земель в современных условиях можно понимать как определенный законом порядок установления права собственности, управления, использования и охраны для различных категорий земли [7, с. 26].

Так, Е. Ф. Шамсумова в своей кандидатской диссертации «Правовые режимы: Теоретический аспект» дает определение понятия «правовой режим», под которым подразумевает как особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах обще-

ственных отношений или на определенных объектах, который охватывает установление механизма обеспечения фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязательств, ограничений, а также их компетентное выполнение, применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности [20, с. 15].

По мнению Б.Я. Бляхмана, правовому режиму присущи следующие основные признаки:

- 1) он устанавливается законодательством и обеспечивается государством;
- 2) имеет цель специфическим способом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных пределах те или другие субъекты и объекты права;
- 3) является особым порядком правового регулирования, состоящим из совокупности юридических средств, и характеризуется соответствующим их сочетанием;
- 4) создает определенную степень благоприятных или неблагоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права [5, с. 8–9].

Целесообразно также обратить внимание на определения правового режима земель, которые предоставляются зарубежными учеными. Так, по определению В. К. Гуревской, «под правовым режимом земель принято считать установленные правовыми нормами порядок и условия использования по целевому назначению земель всех категорий, обеспечение и охрану прав владельцев земли и землепользователей, осуществления государственного управления земельными ресурсами, контроля за рациональным использованием земли и соблюдением земельного законодательства, ведения государственного земельного кадастра, проведения землеустройства, мониторинга земли, взимание платы за землю и применения юридической ответственности за нарушение земельного законодательства» [16].

В свою очередь В. И. Андрейцев предлагает рассматривать его как установленный нормативно-правовой порядок, который определяет поведение субъектов земельных правоотношений относительно земель, земельных участков как по объектам права собственности, управления, пользования, воспроизводства, сохранения и охраны с целью их рационального (экономного и эффективного) использования и удовлетворения потребностей заинтересованных лиц, защиты их земельных прав [2, с. 158].

По мнению А. М. Мирошниченко, «правовой режим земель – это установленный правовыми нормами порядок поведения по отношению к каждой категории земель» [15, с. 433].

Нельзя оставить без внимания и другие мнения представителей правовой доктрины по определению правового режима земель, в частности, по мнению Н. И. Титовой, правовой режим – это «совокупность правовых норм, устанавливающих определенный порядок землепользования определенных видов» [11].

Н. И. Титова отмечает, что для понятия содержания правового режима важен не только особый порядок правового регулирования, но и его последствия. Поэтому если речь идет о земельном правовом режиме, то это – следствие правового регулирования общественных земельных отношений на основе учета природных и социальных особенностей земель (как их объекта), обеспечивает интересы субъектов этих отношений и специальный порядок использования таких земель [12, с. 65].

В. И. Семчик считает, что «под правовым режимом понимаются как установленные правовыми нормами право собственности и пользования земельными участками, так и порядок и условия их приобретения в собственность или пользование, изменение и прекращение права собственности, порядок и условия использования в соответствии с целевым назначением, правовой охраны земель и ответственности за нарушение земельных прав и земельного законодательства» [16].

Вместе с тем Палий Н. И. в своем диссертационном исследовании относительно правового регулирования использования и охраны земель рекреационного назначения подчеркивает, что в содержание понятия «правовой режим земель» включаются права и обязанности ее владельца, пользователя или арендатора. Кроме этого, важную роль играют целевое назначение земель, соблюдение различных требований и нормативов, охрана и защита земель, а также юридическая ответственность за нарушение режима использования и охраны земель. Определить правовой режим земель рекреационного назначения в такой ситуации можно только на основе учета комплекса различных факторов. Важное значение имеет то, каким образом определяются права и обязанности лиц, использующих земли рекреационного назначения, под влиянием каких правовых условий они формируются и с помощью каких правовых способов [18].

Рассмотрев понятие правового режима земель, которое было предоставлено как отечественными, так и зарубежными учеными, нельзя не отметить и то, что указанные определения, исходя из их содержания, не имеют существенной разницы, то есть и отечественные, и зарубежные ученые оперируют одинаковыми свойствами, которые наполняют содержание правового режима земель, и имеют одинаковые подходы к их определению.

Анализируя приведенные научные определения по поводу понимания понятия и содержания правового режима земель, следует отметить, что основными элементами правового режима земель (те, которые отмечает подавляющее большинство ученых) являются вопросы относительно приобретения и реализации права собственности на землю по праву землепользования, вопросы по управлению землями, вопросы относительно правовой охраны и вопросы ответственности лиц за нарушение норм земельного законодательства.

Исследовав определение «правового режима земель», которое было предоставлено представителями правовой доктрины, было бы рациональным отметить те элементы, которые присущи правовому режиму земель рекреационного назначения. К таким элементам относятся:

- совокупность правовых норм, которые устанавливают правовые предписания;
- наличие оснований и условий возникновения права собственности на земли рекреационного назначения;
- четкий порядок их использования;
- особенности налогообложения;
- основания прекращения права собственности на земли рекреационного назначения;
- права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов;
- обеспечение и защиты прав собственников и землепользователей;
- система охраны земель рекреационного назначения;
- ответственность за нарушение норм земельного законодательства.

Вместе с тем следует отметить и то, что, кроме В. К. Гуревской и Палий Н. И., при определении правового режима земель ни один ученый не отмечает таких элементов, как:

- 1) особенности налогообложения земель рекреационного назначения;
- 2) права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов;
- 3) обеспечение и защита прав собственников и землепользователей.

По нашему мнению, упоминание таких свойств, как особенности налогообложения земель, права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов, обеспечение и защита прав собственников и землепользователей при предоставлении определения правового режима земель, оправдано, так как, во-первых, в Конституции Российской Федерации указано, что государство гарантирует защиту права частной собственности, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; во-вторых, действующее налоговое законодательство устанавливает специальный порядок налогообложения конкретного состава земель, при этом учитывая и определенный вид использования земель; в-третьих, действующий Земельный кодекс Российской Федерации четко устанавливает права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов и тому подобное. Следовательно, указанные аспекты являются неотъемлемыми элементами правового режима земель рекреационного назначения.

Список литературы

1. Аксенов Г. А. Земельные правоотношения в СССР. – М., 1958. – 234 с.
2. Андрейцев В. І. – Земельне право і законодавство суверенної України: Актуальні проблеми практичної теорії. К.: Знання, 2005. – 445 с.
3. Барабаш Н. П. Поняття «правовий режим земель»: підходи до тлумачення / Н. П. Барабаш // Вісник Львівського університету. Серія юридична. – 2009. – Вип. 49. – с. 179 – 189.
4. Боголюбов С. А. Основные начала земельного законодательства // Земля и право. Пособие для российских землевладельцев / под ред. С. А. Боголюбова. – М.: Норма, 1997. 320 с.
5. Бляхман Б. Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – 172 с.
6. Василенко А. Г. Правовой режим государственных земель в дореволюционной России – инструмент политики государства: дис. кандидата юрид. наук: 12.00.01, 12.00.06 / Василенко Анна Геннадьевна. – Ставрополь, 2004. – 189 с.
7. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.: Юрид. лит., 1948. – 512 с.
8. Евтихий И. И. Регулирование земельных отношений в городах / И. И. Евтихий. – Горки, 1929. – 136 с.
9. Евтихий И. И. Земельное право – М.: Госиздат, 1923. – 193 с.
10. Земельне право України: [підручник] / М. В. Шульга (кер. авт. кол.), Г. В. Анісімова, П. О. Багай, А. П. Гетьман та ін. : [за ред. М. В. Шульги]. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – 380 с.
11. Землі сільськогосподарського призначення: права громадян України: Науково-навчальний посібник / [Багай Н. О., Ващишин М. Я., Гаєцька-Колотило Я. З. та ін.]; за ред. докт. юрид. наук, проф. Н. І. Титова. – Львів: ПАІС, 2005. – 368 с.
12. Краснов Н.И. Теоретические основы правового режима земель специального назначения // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. М., 1966. – С. 8.
13. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. – 1996. № 4. – С. 25 – 26.
14. Мірошніченко А.М. Земельне право України: [Підручник]. – 2-ге видання, допов. І перероб. – К.: Алерта; ЦУЛ, 2011. – 678 с.

15. Науково-практичний коментар Земельного кодексу України / Л. О. Бондар, А. П. Гетьман, В. Г. Гончаренко та ін.; за заг. ред. В. В. Медведчука. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – 656 с.
16. Общая теория советского земельного права / [под ред. Г.А. Аксененка, Н.И. Краснова, И.А. Иконичкой и др.] – М.: Наука, 1983. – 357 с.
17. Палій Н. І. Правове регулювання використання та охорони земель рекреаційного призначення. Дис. кандидата. юрид. наук: спец. 12.00.06. / Н.І Палій. – Одеса. – 2011. – 224 с.
18. Сидор В.Д – Правовий режим земель в земельному законодавстві України: [Електронний ресурс]. — Режим доступа <http://masters.donntu.edu.ua/2013/igg/tymchuk/library/article1.htm>
19. Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы: Теоретический аспект: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; История правовых учений». / Э. Ф. Шамсумова. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.

Alimov Z. Elements legal regime of lands of recreational purpose in Soviet and modern period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 136 – 144.

This paper investigates the elements of the legal regime of lands of recreational purpose. The paper provides an understanding of the legal regime of the land, which has been formulated as a Soviet scientist of the period, and contemporary scholars of our time. However, to date, the Land Code of the Russian Federation, there are seven different both in its content and meaning of the categories of land, in turn, each of which has its own specifics and essence. It should also be noted that such a category as "the legal regime of the land" is widely used in the doctrine of the land law and plays an extremely important role, as closely linked with the question of objects of land relations, the system of land law, its principles and objectives. Of great importance is the use of this concept in science and academic discipline of land law. Using the legal regime of the land in the scientific research contributes to ease of ordering and presentation of legal material, allows the researcher to formulate the problem, determine its boundaries and it is logical to disclose their ideas.

Keywords: Legal status of land, the general legal regime of lands of recreational purpose, the elements of the legal regime of the land regime, land, land, land category, land.

Spisok literatury

1. Akseenok G. A. Zemelnye pravootnosheniya v SSSR. – М., 1958. – 234 s.
2. Andreytsev V. I. – Zemelne pravo I zakonodavstvo suverennoyi Ukrainy: Aktualni problemi praktichnoyi teorii. K.: Znannya, 2005. – 445 s.
3. Barabash N. P. Ponyattya «pravoviy rezhim zemel»: pldhodi do tumachennya / N. P. Barabash // Visnik Lvivskogo universitetu. Seriya juridichna. – 2009. – Vip. 49. – s. 179 – 189.
4. Bogolyubov S.A. Osnovnyie nachala zemelnogo zakonodatelstva // Zemlya i pravo. Posobie dlya rossiyskih zemlevladel'tsev / pod red. S. A. Bogolyubova. – М.: Norma, 1997. 320 s.
5. Blyahman B.Ya. Pravovoy rezhim v sisteme regulirovaniya sotsialnyih otnosheniy – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. – 172 s.
- 6.
7. Vasilenko A.G. Pravovoy rezhim gosudarstvennyih zemel v dorevolutsionnoy Rossii – in-strument politiki gosudarstva: dis. kandidata yurid. nauk: 12.00.01, 12.00.06 / Vasilenko Anna Gennadevna. – Stavropol, 2004. – 189 s.
8. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost. – М.: Yurid. lit., 1948. – 512 s.
9. Evtihiev I. I. Regulirovanie zemelnyih otnosheniy v gorodah / I. I. Evtihiev. – Gorki, 1929. – 136 s.
10. Evtiheev I.I. Zemelnoe pravo – М.: Gosizdat, 1923. – 193 s.
11. Zemelne pravo Ukrainy: [pIdruchnik] / M. V. Shulga (ker. avt. kol.), G. V. AnIsImova, P. O. Bagay, A. P. Getman ta In. : [za red. M. V. Shulgi]. – К. : YurInkom Inter, 2004. – 380 s.
12. ZemlI sIlskogospodarskogo prznachennya: prava gromadyan Ukrainy: Naukovo-navchalnyi posIbnik / [Bagay N. O., Vaschishin M. Ya., GaEtska-Kolotilo Ya. Z. ta In.]; za red. dokt. yurid. nauk, prof. N. I. Titova. – LvIv: PAIS, 2005. – 368 s.
13. Krasnov N.I. Teoreticheskie osnovyi pravovogo rezhima zemel spetsialnogo naznacheniya // Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra yurid. nauk. М., 1966. – S. 8.

14. Matuzov N.I., Malko A.V. Pravovyye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. – 1996. № 4. – S. 25-26.
15. Miroshnichenko A.M. Zemelne pravo UkraYini: [PIDruchnik]. – 2-ge vidannya, dopov. I pererob. – K.: Alerta; TsUL, 2011. – 678 s.
16. Naukovo-praktichniy komentar Zemelnogo kodeksu UkraYini / L. O. Bondar, A. P. Getman, V. G. Goncharenko ta In.; za zag. red. V. V. Medvedchuka. – K.: YurInkom Inter, 2004. – 656 s.
17. Obschaya teoriya sovetskogo zemelnogo prava / [pod red. G.A. Aksenka, N.I. Krasnova, I.A. Ikonitskoy i dr.] – M.: Nauka, 1983. – 357 s.
18. Pally N.I. Pravove reguluyannya vikoristannya ta ohoroni zemel rekreatslynogo pryznachennya. Dis. kandidata. yurid. nauk: spets.12.00.06. / N.I Pally. – Odesa. – 2011. – 224 s.
19. Sidor V.D – Pravoviy rezhim zemel v zemelnomu zakonodavstvi UkraYini: [Elektronnyiy re-surs]. — Rezhim dostupa <http://masters.donntu.edu.ua/2013/igg/tymchuk/library/article1.htm>
20. Shamsumova E.F. Pravovyye rezhimy: Teoreticheskiy aspekt: avtoref. dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. yurid. nauk: spets. 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; Istoriya pravovyih ucheniy». / E. F. Shamsumova. – Ekaterinburg, 2001. – 24 s.

УДК 349.42

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ В ПЕРЕХОДНОЙ ПЕРИОД В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Пасечник О. С., Рышкова Л. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению отдельных аспектов правовых проблем земельных прав в переходной период в Республике Крым. Авторами исследованы условия и основания переоформления прав на землю, которые возникли до 14 марта 2014 года. Раскрыт производный характер права постоянного пользования земельным участком от права государственной и муниципальной собственности на землю, характеризующего его как ограниченное вещное право, основания и содержание которого устанавливаются действующим законодательством. Выявлены условия, способы и порядок возникновения право землепользования, которое может возникнуть лишь при наличии определенных юридических фактов, с которыми закон связывает возникновение земельных правоотношений. В работе исследуются правовые проблемы реализации прав на земельный участок в переходной период в Республики Крым. Выявлены теоретические основы права постоянного землепользования. Проанализирована специфика оформления права постоянного землепользования возникшего до 14 марта 2014 года. Раскрыты особенности порядка оформления прав на земельный участок в соответствии с ранее действовавшим законодательством. Выявлена проблематика оформления прав землепользования в переходной период в Республике Крым. Высказан ряд приложений по урегулированию проблемных вопросов в сфере землепользования в регионе.

Ключевые слова: право землепользования, земельный участок, право постоянного пользования, публичные интересы.

Право на землю гарантировано Конституцией Российской Федерации и охраняется государством как основа жизни и деятельности народов, населяющих соответствующую территорию. Обязанностью субъектов Российской Федерации является создать условия для реализации этих Конституционных прав. Реализация отдельных прав на землю в Республике Крым требует формирования научно-обоснованных подходов к порядку возникновения, изменения, прекращения прав на землю в переходной период.

Согласно юридической доктрине право землепользования является важнейшем правом, гарантированным на конституционном уровне. При этом право постоянного землепользования из земель государственной и коммунальной форм собственности обеспечивает реализацию публичных интересов: размещения объектов промышленности, транспортной инфраструктуры, социально-культурного и бытового назначения.

Право постоянного землепользования зародилось в земельном законодательстве во времена господства государственной формы собственности на землю, когда такое землепользование было единственно возможной формой правоотношений между государством и субъектами хозяйствования. Переход к рыночной экономике привел к трансформации земельных правоотношений, переходу от исключительной

государственной собственности на землю к многообразию форм собственности, в том числе коммунальной и частной. Соответственно, видоизменилось и право землепользования: наряду с правом постоянного землепользования законодательством было закреплено право аренды и концессии земельного участка. При этом право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком имеет исключительно важное значение для использования земель государственной и коммунальной форм собственности, в силу обеспечения такими земельными участками публичных интересов. Поэтому право постоянного землепользования признаётся законом лишь за исчерпывающим перечнем субъектов.

Право постоянного пользования земельным участком является разновидностью права землепользования, при котором субъект реализует предоставленные ему полномочия владения и пользования без заранее установленного срока.

Исходя из структурной и содержательной связи права постоянного пользования землёй и права землепользования, прежде всего, необходимо рассмотреть правовую природу последнего.

Право землепользования можно рассматривать в разных аспектах. В объективном смысле – это институт земельного права, совокупность правовых норм, регулирующих осуществление субъективного права землепользования, его возникновение, изменение и прекращение [1, с. 2–4].

В субъективном понимании – это правомочность пользования земельным участком, т.е. использование его полезных свойств (правомочность пользования как составляющая классической триады полномочий собственника); как правовой титул, предоставляющий физическим и юридическим лицам право использовать земельный участок, отличный от права собственности. Такой титул отвечает определённой совокупности полномочий по отношению к земельному участку – по пользованию и в определённых случаях владению земельным участком и ограниченного распоряжения (возможность предоставления в субаренду).

Основной правовой природы права землепользования является его производный характер от права собственности на землю, что обуславливает зависимость возникновения права землепользования от собственника земли.

При этом, несмотря на использование в законодательстве термина «право пользования землёй», его содержание охватывает и правомочие владения земельным участком, что отличает его от права собственности на землю, содержание которого составляет триада правомочий собственника.

Нормативно-правовое содержание правомочностей землепользователя аналогично соответствующим правомочностям собственника. При этом конкретное содержание правомочностей землепользователя определяется собственником земельного участка на основе договора (например, в случае аренды) или на основании закона (в случае определения порядка, оснований возникновения и прекращения, правомочностей субъекта права постоянного пользования земельным участком).

Право постоянного землепользования относится к ограниченным вещным правам. Сущность ограниченных вещных прав состоит в предоставлении законной возможности лицу использовать вещь, принадлежащую на праве собственности другому лицу.

Ограниченные вещные права отвечают признакам, которым полностью соответствует право постоянного пользования земельным участком: производный ха-

рактер и зависимость от права собственности; возникновение на основании прямо предусмотренным законом юридических фактов; исчерпывающее определение законом как видов, так и содержания отдельных прав; необходимость официального закрепления в государственном реестре.

Таким образом, правовая природа права постоянного пользования земельным участком носит двойственный характер. Это право является разновидностью права пользования землёй, вследствие чего его содержание составляют правомочия владения и пользования. Производный характер права постоянного пользования земельным участком от права государственной и муниципальной собственности на землю характеризует его как ограниченное вещное право основания, содержание которого устанавливается законом.

Для правомерности возникновения права постоянного землепользования необходимо соблюдения оснований, условий способов и порядка возникновения таких прав на земельный участок, предусмотренные законом. Субъективные права могут возникать лишь при наличии определенных юридических фактов с которым закон связывает возникновение земельных правоотношений [2, с. 123].

При реоформлении прав к условиям возникновения прав на землю, возникших до 14 марта 2014 г., относятся конкретные требования к правовому статусу субъектов, которые обеспечивают возникновение права пользования землей. Исходя из содержания ст. 14 Конституции Украины, юридическое значение имеют лишь обстоятельства, правила и нормы, закрепленные в законе [3]. В таком случае, условия возникновения прав на землю будут иметь самостоятельное юридическое значение, поскольку их исполнение или соблюдение позволяют физическим и юридическим лицам, а также государству реализовать субъективные права на землю, при наличии тех или иных юридических факт.

При этом не стоит отождествлять условия и основания возникновения прав на землю, поскольку каждая из этих категорий имеет самостоятельное значение для возникновения прав на землю. Если основания возникновения прав на землю представляют собой объективные события, а также волевые действия тех или других субъектов, то условия возникновения прав на землю необходимо рассматривать через призму определенных обстоятельств, правил, норм, при наличии которых граждане или юридические лица могут стать пользователями земельных участков. В сочетании с основаниями возникновения прав на землю условия обеспечивают возможность субъектом получить земельный участок на юридическом титуле права пользования.

Условия возникновения субъектами прав на земельные участки можно поделить на две группы: общие и специальные. К общим условиям возникновения прав на земельные участки для всех субъектов относятся волеизъявление лица или принятие органами государственной власти и местного самоуправления решения о предоставлении в пользование земельных участков. Специальные условия возникновения субъективных прав на земельные участки могут быть определены для всех элементов земельных правоотношений, а также способов и порядка возникновения прав на землю. Закрепляя основания возникновения правом пользования земельным участком, закон должен установить требования, правила и нормы, разрешения по отношению к правовому положению граждан и юридических лиц как возможных субъектов право пользования земельным участком правового режима земельных

участков, организационно-правового механизма возникновения субъективных прав на земельные участки.

Учитывая особенности оснований условий, способов и порядка возникновения прав на землю, вопрос определения момента, с которого физические и юридические лица становятся титульными пользователями земельных участков, имеет исключительное значение для обеспечения субъективных прав на землю. С момента возникновения субъективного права на землю граждане, юридические лица приобретают юридический статус субъектов права землепользования и поэтому могут реализовать свои правомочности в пользователе земельным участком в предусмотренных законом границах, а также должны выполнять предусмотренные законом обязанности, соблюдать предусмотренные законом ограничения осуществления прав на землю.

Реформирование земельных отношений началось с момента введения в действие Постановления Верховного Совета УССР «О земельной реформе» от 18 декабря 1990 г. № 563-12 [4]. Основной целью проведения земельной реформы являлась необходимость обеспечения реализации основных функций, которые объективно выполняет земля в природе, экономике и обществе. Поэтому реформирование земельных отношений предусматривало проведение комплекса институционно-функциональных, экономических, социальных, правовых, экологических и других мер, направленных на становление новых по содержанию и характеру общественных отношений, связанных с использованием земли, разработку адекватной юридической модели регулирования земельных отношений на основе законодательного закрепления различных титулов возникновения прав на землю. Для достижения поставленной цели в данном Постановлении был предусмотрен пункт 6, предусматривающий обязанность переоформить возникшие до введения в действие Земельного Кодекса УССР права на землю до 15 марта 1994 г. Таким образом, данная норма обязывала всех субъектов права постоянного пользования землей, которые возникли до 1990 г., оформить право собственности или право пользования. Неисполнения данной обязанности субъектами права землепользования в период действия нормы является несоблюдением условий возникновения права пользования земельным участком истцом. То есть право постоянного землепользования, возникшее до 1991 г. у соответствующих субъектов, не влечет за собой юридических последствий в Украине, а значит, субъект не стал титульным землепользователем ввиду того, что не исполнил обязанность оформления права собственности или права пользования в Украине на выделенный ранее земельный участок. Следовательно, у субъекта землепользования отсутствует юридический состав, с которым закон связывает возникновения права пользования земельным участком в переходной период.

Порядок оформления права пользования земельным участком до введения в действие Земельного кодекса 2001 г. устанавливался статьями 22, 23 Земельного кодекса Украины от 18 декабря 1990 г., согласно которым право пользования земельным участком возникает после установления землеустроительными организациями границ земельного участка в натуре (на местности) и получения документа, удостоверяющего это право. Приступить к использованию земельного участка, в том числе на условиях аренды, до установления границ этого участка в натуре (на местности) и получения документа, удостоверяющего право пользования землей, запрещалось [5].

В соответствии со статьей 30 Земельного кодекса Украины от 18 декабря 1990 г., при передаче предприятиями, учреждениями и организациями зданий и сооружений другим предприятиям, учреждениям и организациям вместе с этими объектами к ним переходило право пользования земельным участком, на котором находились указанные здания и сооружения. Право собственности или право пользования земельным участком в перечисленных случаях удостоверялось Советами народных депутатов в соответствии с требованиями статьи 23 ранее действовавшего Кодекса.

Таким образом, под урегулированием землепользования в соответствии с нормами действующего на тот период времени законодательства подразумевается получение документа, удостоверяющего право постоянного пользования землей – государственного акта на постоянное право пользования.

Для составления государственного акта на право постоянного пользования землей при передаче земельного участка, который был ранее предоставлен предприятиям, учреждениям, организациям в постоянное пользование или при реорганизации правоустанавливающих документов на эти земельные участки, необходимо было провести работы по восстановлению границ земельного участка в натуре (на местности) и закреплению их долгосрочными межевыми знаками установленного образца, подтвердив их соответствующей технической документацией (пункт 1.13 приказа Государственного комитета по земельным ресурсам Украины от 04 мая 1999 г. № 43 «Об утверждении Инструкции о порядке составления, выдачи, регистрации и хранения государственных актов на право частной собственности на землю, право коллективной собственности на землю, право собственности на землю и право постоянного пользования землей, договоров на право временного пользования землей (в том числе на условиях аренды) и договоров аренды земли») [6].

Отдельно следует обратить внимание, что правовая природа права постоянного пользования связана с особым статусом лиц, которым оно может быть предоставлено.

Так, в соответствии с положениями статьи 13 Земельного кодекса УССР от 8 июля 1970 г., предоставляется в пользование:

- колхозам, совхозам, другим сельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям;
- промышленным, транспортным, другим несельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям;
- гражданам СССР [7].

Статьей 92 Земельного кодекса Украины в редакции Закона от 25 октября 2001 г. № 2768-III предусматривалось, что право постоянного пользования земельным участком из земель государственной и коммунальной собственности приобретают только предприятия, учреждения и организации, относящиеся к государственной или коммунальной собственности, в редакции Закона от 12 мая 2004 г. № 1709 перечень лиц дополнен пунктом общественными организациями инвалидов Украины, их предприятиями (объединениями), учреждениями и организациями [8].

Часть вторая статьи 92 дополнена пунктом «в» согласно Закону от 15 января 2009 г. № 875-VI и пунктом «г» согласно Закону от 23 февраля 2012 г. № 4442-VI следующего содержания:

в) религиозные организации Украины, уставы (положения) которых зарегистрированы в установленном законом порядке исключительно для строительства и обслуживания культовых и других зданий, необходимых для обеспечения их деятельности;

г) публичное акционерное общество железнодорожного транспорта общего пользования, образованное в соответствии с Законом Украины «Об особенностях образования публичного акционерного общества железнодорожного транспорта общего пользования» [9, 10].

С учетом вышесказанного субъект права землепользования, не оформивший такое право согласно требованиям земельного законодательства, действовавшего после 1990 года не может выступать обладателем права постоянного пользования землей в переходной период.

При этом необходимо учитывать, что положения Решения КСУ №5-рп/2005 от 22.09.2005 распространяется на ограниченный круг субъектов в соответствии с данным видом правоотношений [11].

Кроме того, при определении круга субъектов применения положений указанного Решения КСУ необходимо учитывать, что, определяя конституционность пункта 6 переходных положений ЗК 2001, рассматривалось в отношении субъектов, права постоянного землепользования которых возникло на основании статьи 7 Земельного Кодекса Украины в редакции 1992 г. № 2196-12.

Список литературы

1. Скворцов Г. Вывод Секретариата Управления правовой экспертизы Конституционного Суда Украины // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.ccu.gov.ua/uk/doccatalog/list?currDir=9890> – 11 с.
2. Земельне право України: підруч. [Текст] / Г.І. Балюк, Т.О. Коваленко, В.В.Носік. – К.:Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». – 2008. – 511 с.
3. Конституция Украины: закон Украины от 28.06.1996 № 254к/96-ВР// Ведомости Верховной Рады. –1996.– №30.– ст.141.
4. О земельной реформе: постановление Верховного Совета УССР от 18.12.1990 №563-12// Ведомости Верховного Совета УССР–1991– №10– ст. 100.
5. Земельный кодекс УССР: постановление Верховного Совета УССР от 18.12.1990 №562-12// Ведомости Верховного Совета УССР.– 1991.– №10.– ст. 98.
6. Инструкция о порядке составления, выдачи, регистрации и хранения государственных актов на право частной собственности на землю, право коллективной собственности на землю, право собственности на землю и право постоянного пользования землей, договоров на право временного пользования землей (в том числе на условиях аренды) и договоров аренды земли: приказ Государственного комитета по земельным ресурсам Украины от 04 мая 1999 года № 43 // Официальный Вестник Украины.– 1999.– №23.– С. 357.
7. Земельный кодекс УССР: закон Верховного Совета УССР от 08.07.1970 № 2874-VII // Ведомости Верховного Совета УССР.– 1970.– №29.– ст. 205.
8. Земельный кодекс Украины: закон Украины от 25 октября 2001 года № 2768-III// Ведомости Верховной Рады. – 2002.– №3 – 4.– ст. 27.
9. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о правах религиозных организаций на постоянное использование земельного участка: закон Украины 15.01. 2009 года № 875-VI // Ведомости Верховной Рады.– 2009.– №23.–ст.282
10. Об особенностях создания публичного акционерного общества железнодорожного транспорта общего пользования: закон Украины от 23.02.2012 года № 4442-VI // Ведомости Верховной Рады. – 2012. – №49.– ст. 553.
11. Решение Конституционного Суда Украины от 22.09.2005 №5-рп/2005 // Официальный Вестник Украины. – 2005. – №39. – С. 95.

Pasechnyk O. S. Rishkova L.V. The legal issue of land rights in the transition period in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 3. – P. 145 – 151.

In the work the legal bases of regulation relations of rights on the land property in Republic of Crimea are investigated during the transition from the one legal system to another, considering the special features of the previous legislation. Rights on the land are one of the fundamental are guaranteed by the Constitution of Russian Federation and protected by law as the basis of life and activity of the people inhabiting the corresponding territory. The theoretical basis of the right of permanent land use are identified, including the key difference between the conditions and grounds for the right to land. The specifics of registration of right of permanent land use occurring before 14 March 2014 are analyzed. The features of the legal order of registration rights to the land in accordance with the previous legislation are described. Problem issues of registration the rights on the land in the transition period in the Republic of Crimea are underlined.

Keywords: land, land rights, the right of permanent land use, methodological bases, transition period, the legal analysis.

Spisok literatury

1. Skvortsov G. Vyivod Sekretariata Upravleniya pravovoy ekspertizy Konstitutsionnogo Suda Ukrainyi // Elektronnyy resurs [Rezhim dostupa]: <http://www.ccu.gov.ua/uk/doccatalog/list?currDir=9890> – 11 s.
2. Zemelne pravo UkraYini: plidruh. [Tekst] / G.I. Balyuk, T.O. Kovalenko, V.V. NosIk. – K.: Vidavnichopoligrafichniy tsentr «KiYivskiy unIversitet». – 2008. – 511 s.
3. Konstitutsiya Ukrainyi: zakon Ukrainyi ot 28.06.1996 № 254k/96-VR// Vedomosti Verhovnoy Radyi. – 1996.– №30.– st.141.
4. O zemelnoy reforme: postanovlenie Verhovnogo Soveta USSR ot 18.12.1990 №563-12// Vedomosti Verhovnogo Soveta USSR–1991– №10– st. 100.
5. Zemelnyy kodeks USSR: postanovlenie Verhovnogo Soveta USSR ot 18.12.1990 №562-12// Vedomosti Verhovnogo Soveta USSR.– 1991.– №10.– st. 98.
6. Instruktsiya o poryadke sostavleniya, vyidachi, registratsii i hraneniya gosudarstvennykh aktov na pravo chastnoy sobstvennosti na zemlyu, pravo kollektivnoy sobstvennosti na zemlyu, pravo sobstvennosti na zemlyu i pravo postoyannogo polzovaniya zemley, dogovorov na pravo vremennogo polzovaniya zemley (v tom chisle na usloviyah arendyi) i dogovorov arendyi zemli: prikaz Gosudarstvennogo komiteta po zemelnym resursam Ukrainyi ot 04 maya 1999 goda № 43 // Ofitsialnyy Vestnik Ukrainyi.– 1999.– №23.– s.357
7. Zemelnyy kodeks USSR: zakon Verhovnogo Soveta USSR ot 08.07.1970 № 2874-VII // Vedomosti Verhovnogo Soveta USSR.– 1970.– №29.– st. 205.
8. Zemelnyy kodeks Ukrainyi: zakon Ukrainyi ot 25 oktyabrya 2001 goda № 2768-III // Vedomosti Verhovnoy Radyi. – 2002.– №3 – 4.– st. 27.
9. O vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatelnye akty Ukrainyi o pravah religioznykh organizatsiy na postoyannoe ispolzovanie zemelnogo uchastka: zakon Ukrainyi 15.01. 2009 goda № 875-VI // Vedomosti Verhovnoy Radyi.– 2009.– №23.– st. 282.
10. Ob osobennostyakh sozdaniya publichnogo aktsionernogo obschestva zheleznodorozhnogo transporta obshchego polzovaniya: zakon Ukrainyi ot 23.02.2012 goda № 4442-VI // Vedomosti Verhovnoy Radyi. – 2012. – №49. – st. 553.
11. Reshenie Konstitutsionnogo Suda Ukrainyi ot 22.09.2005 №5-rp/2005 // Ofitsialnyy Vestnik Ukrainyi. – 2005. – №39. – S. 95.

УДК 346.13

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСТАВА

Бекирова Э. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена исследованию правовой природы учредительного документа корпорации устава. Анализируются существующие научные взгляды на правовую природу устава в качестве нормативного акта локального характера, который определяет правовое положение юридического лица и регулирует отношения между участниками и самим юридическим лицом. Отличие же устава от нормативного акта содержится в локальности его предписаний, поскольку он распространяет свое действие только на определенную корпорацию применительно к ее членам, органам и отношениям, возникающим в ней. А также точка зрения, согласно которой устав признается односторонней корпоративной сделкой, в случае если юридическое лицо учреждено единственным учредителем или многосторонней при двух или более учредителях. В статье аргументировано указываются недостатки сделочной правовой природы устава, поскольку устав не является действием и определяет гражданскую правоспособность вновь созданной корпорации, а также имеет иную целевую направленность нежели сделка в ее традиционном понимании. В результате проведенного исследования устанавливается, что устав – бессрочный локальный корпоративный акт, регламентирующий правовой статус возникающего юридического лица, объем и содержание его корпоративной правоспособности, а также основы функционирования отдельной корпорации, утверждаемый учредителями при создании корпорации.

Ключевые слова: устав; правовая природа; нормативный акт; локальный нормативный акт; сделка; учредительный документ; корпорация; учредители.

Устав является учредительным документом обществ – объединений капиталов, таких видов корпораций, как акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью. Данный локальный акт имеет важнейшее регулятивное значение, поскольку определяет правовое положение общества и регулирует отношения между обществом и учредителями (участниками).

Вопрос о правовой природе устава был предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых, таких как В. В. Долинская, А. А. Кыров, И. Д. Степанов, Г. Ф. Шершеневич, В. А. Белов и иных ученых юристов.

Актуальность исследования правовой природы устава обусловлена тем, что несмотря на наличие исследований по данной проблематике как в дореволюционной, так и современной науке вопрос о правовой природе устава носит дискуссионный характер, и определение его правовой природы имеет как практическую, так и теоретическую значимость.

Отдельные исследователи рассматривают устав юридического лица в качестве акта деятельности законодателя, поскольку он утверждался высочайшей властью [1, с. 315] либо вышестоящими государственными органами, актами соответствующих министерств и ведомств [2, с. 3]. В более поздних исследованиях устав рассматривался как индивидуальный (ненормативный) правовой акт, по крайней мере, в тех случаях, когда единственным учредителем юридического лица выступало публичное образование [3, с. 12].

Согласно мнению Г. Ф. Шершеневича, устав рассматривается как особый договор, конституирующий юридическое лицо путем закрепления отношений между лицами, подписавшими устав [4, с. 18].

Современные научные взгляды на правовую природу устава представлены двумя основными направлениями, так, ряд ученых рассматривает устав в качестве нормативного акта локального характера, который определяет правовое положение юридического лица и регулирует отношения между участниками и самим юридическим лицом [5, с. 18].

Другие ученые признают устав корпоративной сделкой односторонней (в случае если юридическое лицо учреждено единственным учредителем) или многосторонней (при двух или более учредителях), которая не является договором [6, с. 24]. Анализ судебной практики свидетельствует о подходе к уставу как акту, имеющему природу сделки [7, с. 22].

Рассмотрим указанные научные взгляды. Анализируя устав в качестве сделки, стоит отметить, что, согласно положениям ст. 153 Гражданского кодекса, сделка – это действие лиц, направленное на возникновение изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей [8]. Но устав действием не является. Это документ, и действия можно совершить, направленные на утверждение устава, соответственно, устав можно признать внешней формой такого действия либо его результатом.

Устав определяет гражданскую правоспособность вновь созданной корпорации, а также имеет иную целевую направленность нежели сделка в ее традиционном понимании. Кроме того, сделка, будучи действием, не имеет содержания, которыми являются условия сделки, чем она отличается от соглашений. Утверждение устава не порождает для лиц его утверждающих. Устав не содержит никаких гражданских прав и обязанностей, поскольку так называемые права акционера, такие как право на получение прибыли, право на ликвидационный остаток, право на управление обществом – являются составляющими корпоративной правоспособности.

А утверждение устава – это лишь этап возникновения такой правоспособности. В случае, рассмотрения устава в качестве условной сделки, порождающую права и обязанности вследствие государственной регистрации корпорации, то и в этом случае утверждение устава закрепленное государственной регистрацией созданной на его основе корпорацией как юридического лица закрепляет ее собственную правоспособность, а также корпоративную правоспособность ее участников. Субъективные же права участников возникают вследствие действий самого юридического лица, так, к примеру, право на дивиденды возникает только после принятия решения их выплате.

Устав определяет правовой статус возникающего юридического лица, содержание и объем его правоспособности, а также объем и содержание его корпоративной правоспособности. Устав не является сделкой, поскольку он регламентирует деятельность и взаимоотношения между органами юридического лица. Указанные особенности противоречат самой сути сделки.

Кроме того, если опираться на теорию правовой природы устава в качестве сделки, соответственно, его также можно признавать недействительным, что влечет за собой признание недействительности самого юридического лица.

Таким образом, признание устава в качестве сделки является нецелесообразным, поскольку повлечет за собой негативные последствия в гражданском обороте и возникновение проблем в правоприменительной практике.

После государственной регистрации устав приобретает самостоятельное значение. Любое последующее изменение устава осуществляется уже не лицами, утвердившими устав, а органом самой корпорации как юридического лица. Данным органом будет высший орган управления корпорации, общее собрание акционеров и состав такого органа необязательно будет совпадать с составом учредителей, утвердивших устав.

Если же обратиться к теории сделки, юридический факт, порожденный волеизъявлением одних лиц, не способен претерпеть какие-либо изменения вследствие воли других лиц, исключением из этого являются случаи правопреемства и представительства, однако ни первое, ни второе не подходит к анализируемому аспекту. Также решения о внесении изменений в устав корпорации могут быть приняты не всеми ее участниками, тем не менее положениям устава в измененной его редакции подчиняются все, в том числе и участники, проголосовавшие против таких изменений либо вовсе не принимавшие участия в голосовании. Права таких участников гарантируются определенным набором правовых средств (в частности, им предоставляется право выхода из корпорации), но до тех пор пока они являются членами корпорации, обязаны подчиняться ее принципам и целям, закрепленным в уставе.

Таким образом, теория о признании устава в качестве сделки не лишена определенных недостатков, поскольку согласно общепринятому представлению о сделке как действии, создающего правовые последствия для лица, участвовавшего в его совершении, устав создает правовые последствия для широкого круга лиц, связанных корпоративными отношениями, лиц как участвующих в принятии устава или изменений к нему, либо не участвовавших в данном.

Рассматривая устав в качестве нормативного акта локального характера, подавляющее большинство исследователей указывает на схожесть действия положений устава корпорации с действием правовых норм, отличающихся от последних своей локальной правовой природой [9, с.132]. Нормы устава устанавливаются публичной (внешней) властью, рассчитываются на неопределенное число случаев применения, распространяют свое действие на неопределенный круг лиц. В свою очередь нормы устава утверждаются частными лицами, однако иными, чем их основной адресат корпорация, рассчитываются на неопределенное число случаев применения, определяют правовое положение корпорации и ее участников, и в этом смысле касаются всех и каждого, кто станет ее участником.

Устав является учредительным документом общества с ограниченной ответственностью акционерного общества, кооперативов, государственных и муниципальных предприятий, хозяйственных партнерств, некоммерческих партнерств и иных субъектов хозяйствования.

Рассматривая устав общества с ограниченной ответственностью, следует отметить, что, данный акт является обязательным для всех участников данного общества и для самого общества. Требования к его содержанию определены в п. 2 ст. 12 Федерального Закона «Об Обществе с ограниченной ответственностью» [10].

Устав общества с ограниченной ответственностью должен содержать императивно закрепленные положения, такие как порядок и последствия выхода из общества; порядок перехода доли к другому лицу; порядок ведения и хранения документов общества; права и обязанности участников общества; порядок предоставления информации. А также дополнительные положения, среди которых дополнительные права участников; ограничение максимального размера доли, ограничения возможности изменения соотношения долей. Также закон содержит положение, согласно которому устав общества наряду с обязательными требованиями может содержать иные положения не противоречащие федеральным законам.

Устав же акционерного общества в качестве императивно закрепленных положений содержит положения относительно типа общества, количества номинальной стоимости, категорий акций; права акционеров каждой категории акций; порядок подготовки и проведения общего собрания акционеров. Также, на усмотрение учредителей в устав могут быть включены сведения о порядке голосования по неоплаченным акциям; распределения альтернативных полномочий между органами управления и иное [11]. Следовательно, для признания устава недействительным нужно доказать факт противоречия содержащихся в нем положений императивным предписаниям законодательства. Сторонники данной точки зрения ограничиваются констатацией факта, что устав локальный нормативный акт.

Анализируя вышеизложенные научные позиции и взгляды, стоит признать, что устав является актом довольно близким к нормативному. Отличие же устава от нормативного акта содержится в локальности его предписаний, поскольку он имеет отношение только в определенной корпорации применительно к ее членам, органам и отношениям, возникающим в ней.

Обращаясь к учению о локальном нормативном акте, следует отметить, что понятие «локальный нормативный акт» внутренне противоречиво: нормативность предполагает, согласно доктрине, всеобщность, локальность, напротив, всеобщности не предусматривает [12, с. 49].

Локальные нормативные акты характеризуются следующими особенностями: простотой принятия; отсутствием необходимости их специального опубликования в официальных периодических изданиях; обязательность их исполнения и применения в рамках конкретного хозяйствующего субъекта; отражают задачи и экономическую политику хозяйствующего субъекта; должны соответствовать действующему законодательству и подзаконным нормативным актам.

Устав отвечает всем перечисленным критериям. И, соответственно, можно сделать вывод о том, что устав представляет собой локальный акт, действующий в конкретной организации.

Рассматривая нормативность устава, следует отметить, что в том смысле, в котором нормативность понимается как общеобязательность, регулирование заранее неопределенного числа случаев, непрерывное действие в теории права, очевидно, нет, поскольку, положения устава обязательны для участников, но не имеют силы в отношении работников последнего.

Однако, по мнению В. В. Долинской, положения устава равным образом обязательны и распространяют свое действие как на участников организации, так и на наемных работников [13, с. 32]. Данное мнение весьма спорно, поскольку

деятельность наемных работников регламентируется Трудовым кодексом, и, соответственно, работники подчинены правилам внутреннего трудового распорядка, действующим в организации, а устав регулирует иные, нетрудовые отношения.

В современный период развития отечественной правовой науки общепринятой является точка зрения, согласно которой положения устава обязательны не только для учредителей и участников корпорации, но и для третьих лиц, которые вступают с ней в гражданско-правовые отношения. Это позиция вызывает сомнения, поскольку устав как акт локального характера, принятый и действующий в отношении только одной конкретной организации, по определению не способен оказать никакого влияния на третьих лиц. В случае определения приоритетности при расхождении положений таких учредительных документов как устав и учредительный договор в практике сложился подход, согласно которому для третьих лиц положения устава подлежат применению преимущественно перед условиями учредительного договора, в то время как во взаимоотношениях между учредителями приоритетом будут пользоваться положения договора.

Правовая природа устава обусловлена спецификой корпоративных отношений, которые по своей сути являются самостоятельными, приобретающими свою специфику отношения не только складывающиеся между участниками корпорации, а также между участниками и самой корпорацией юридическим лицом, определяющие характер связи между органами самого юридического лица. Устав приобретает правовое значение исключительно в силу факта его регистрации юридического лица. Как указывается сторонниками сделочной правовой природы устава, в период создания юридического лица устав представляет собой результат согласования воли учредителей [14, с. 22]. Однако на этапе утверждения учредителями устава само юридическое лицо еще не создано. До регистрации юридического лица устав не имеет для учредителей никакого правового значения. С возникновением же юридического лица корпорации (товарищества или общества), т.е. с момента государственной регистрации корпорации как юридического лица, устав полностью становится основой функционирования корпорации. В этот момент приоритетными становятся цели корпорации и интересы ее участников, а воля учредителей отходит на второй план.

Вызывает интерес авторская позиция В. А. Белов, согласно которой устав корпорации – это ненормативный, но при этом правовой акт, то есть правовой акт частного происхождения [15, с. 292]. Эта точка зрения соответствует содержанию и роли устава в корпоративном обороте.

На основании анализа существующих научных взглядов на правовую природу устава можно сделать аргументированный вывод о том, что устав – это бессрочный локальный корпоративный акт, регламентирующий правовой статус возникающего юридического лица, объем и содержание его корпоративной правоспособности, а также основы функционирования отдельной корпорации, утверждаемый учредителями при создании корпорации.

Список литературы

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. – М., 1997. – С. 315
2. Генкин Д. М. Краткий курс кооперативного права. – М., 1929. – С.3.

3. Советское гражданское право: учебник / под ред. В. П. Грибанова, С. М. Корнеева. – М., 1979. Т.1. – С. 42.
4. Красавчиков А. М. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. – С. 18.
5. Шершеневич Г. В. О юридической силе уставов акционерных товариществ // Журнал гражданского и уголовного права. – М., – 1889. – С. 315.
6. Карелина С. И. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ (акционерное право). – М., – 1998. – С. 24.
7. Дубовицкая Е.А. Применение норм о недействительности сделок к хозяйственным обществам и товариществам (сравнительно-правовой анализ) // ВВАС РФ. – 2002 . – №7.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в редакции от 15.07.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
9. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., – 2008. – С. 139.
10. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. – № 7. – ст. 785.
11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об акционерных обществах». – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №33 – ст. 3423.
12. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., – 1981. Т.1. – С.49 – 50, Т.2. – С. 31 – 34.
13. Долинская В. В. Акционерное право: Основные положения и тенденции Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.
14. Пахомова Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. – М., – 2005 (Использован текст содержащийся в СПС «Консультант Плюс»).
15. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. Ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрайт, – 2014. – 678 с.

Bekirova E. E. The legal nature of the statute // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 152 – 158.

The article is devoted research of the legal nature of the founding document of the statute. Analysis of the existing scientific views on the legal nature of the statute as a normative act of a local character, which defines the legal status of a legal entity and regulates the relations between the parties and by legal entity. The same differences of the statute of the normative act can be found in localnode his prescriptions , as ion sold its effect only at a certain Corporation in relation to its members, bodies and relations occurring in it. As well as point of view, according to which, the statute recognizes unilateral corporate transaction , in case if a legal entity founded by a single founder or multilateral when two or more founders. The article convincingly shows the flaws sdelano the legal nature of the statute, because the statute is not an action and determine the civil legal capacity of a newly created Corporation, and also has a different focus than the transaction in its traditional sense. The study establishes that local corporate statute perpetual the act regulating the legal status of the emerging legal entity, the scope and content of corporate legal capacity, as well as bases of functioning of certain Corporation, approved by the founders during the creation of the Corporation.

Keywords: statute; legal nature; normative act; local regulation; deal; founding document; corporation; founders.

Spisok literaturyi

1. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. – М., 1997. – С. 315.
2. Genkin D. M. Kratkiy kurs kooperativnogo prava. – М., 1929. – S.3.
3. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. V.P. Griбанova, S. M. Korneeva. – М., 1979. Т.1. – С. 42.
4. Krasavchikov A. M. Yuridicheskie faktyi v sovetskom grazhdanskom prave – М., 1958. – S. 18.
5. Shershenevich G.V. O yuridicheskoy sile ustavov aktsionernyih tovarishestv // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava. – М., – 1889. – S. 315.
6. Karelina S.I. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti aktsionernyih obschestv (aktsionernoe pravo). – М., – 1998. – S. 24.

7. Dubovitskaya E.A. Primenenie norm o nedeystvitelnosti sdelok k hozyaystvennyim obschestvam i tovarischestvam (sravnitelno- pravovoy analiz) // VVAS RF. – 2002 . – №7
8. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.1994 N 51-FZ (v redaktsii ot 15.07.2015 // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. – 1994. – №32. – St. 3301.
9. Lomakin D. V. Korporativnyie pravovootnosheniya: obschaya teoriya i praktika ee primeneniya v hozyaystvennyih obschestvah. – M., – 2008. – S. 139.
10. Federalnyiy zakon ot 08.02.1998 # 14-FZ (red. ot 29.06.2015) «Ob obschestvah s ogranichennoy otvetstvennostyu» // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii ot 16 fevralya 1998 g. – №7. – st. 785.
11. Federalnyiy zakon ot 26.12.1995 # 208-FZ (red. ot 29.06.2015) «Ob aktsionernyih obschestvah». – Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. – 2001. – №33 – st. 3423.
12. Alekseev S. S. Obschaya teoriya prava. – M., – 1981. T.1. – S.49 – 50, T.2. – S. 31 – 34.
13. Dolinskaya V. V. Aktsionerное право: Osnovnyie polozheniya i tendentsii Monografiya. – M.: Volters Kluver, 2006. – 736 с.
14. Pahomova N. N. Tsivilisticheskaya teoriya korporativnyih otnosheniy. – M., – 2005 (Ispolzovan tekst soderzhaschiysya v SPS «Konsultant Plyus»).
15. Korporativное право. Aktualnyie prblemyi teorii i praktiki / pod obsch. Red. V.A. Belova. – M.: Izdatelstvo Yurayt, – 2014. – 678 s.

УДК 340.12 (560) : 348.97

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ БИБЛИИ

Кащенко С. Г., Елькин С. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассматриваются предписания Ветхого Завета Библии относительно регулирования земельных и связанных с ними личных правоотношений, которые получили практическое осуществление в Иудее и Израиле. Рассмотрение Заветов Торы свидетельствует о том, что для регулирования земельных и связанных с ними личных правоотношений в них использовались такие общеправовые принципы: принцип гуманизма, соблюдения и защиты прав на собственность, принцип юридического равенства на получение прав, принцип законности и принцип устойчивых прав. Показано, что они были сосредоточены в Торе и были направлены на достижение в соответствии с этикой Ветхого Завета социальной справедливости и социального равенства среди населения древнееврейских государств.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, Тора, Пятикнижие Моисея, Иудея, Израиль, Яхве, юбилейный год, субботний год, социальная справедливость, социальное равенство, закон, земельный участок.

История евреев насчитывает более трёх тысяч лет. На это есть письменное свидетельство – Библия.

В процессе долгих войн древнееврейских племён (колен) с филистимлянами в XI в. до н.э. возникло первое древнееврейское государство Иудея, в котором самым многочисленным было племя Иуды. В его состав вошли все древнееврейские племена.

После смерти его третьего правителя – Соломона – большинство племён, недовольные господствующим положением иудеев, отделилось от Иудеи, образовало второе древнееврейское государство – Израиль. Столицей его стала Самария. Столицей же Иудеи оставался Иерусалим. Израиль существовал до VIII в. до н.э., когда он был захвачен Ассирией, а Иудея – до VI в. до н.э. – до покорения её правителем Вавилонии Навуходоносором.

Ветхий Завет Библии донёс до нашего времени сведения об истории, культуре и обычаях древних евреев. В нём также приводятся данные и о тех заветах (предписаниях), которые были даны древним евреям богом Яхве на горе Синае через пророка Моисея для регулирования среди них общественных, в том числе и имущественных, и связанных с ними личных правоотношений.

В советское время в условиях активной антирелигиозной пропаганды их изучение мало привлекало внимание исследований. Высказывавшиеся ими при этом положения носили в основном декларативный характер, недостаточно аргументировались и нередко противоречили исторической действительности [1–8].

Одним из таких «исследователей» был М. И. Шахнович, который утверждал, что ветхозаветные заветы, использовавшиеся в древнееврейских государствах для

регулирования общественных отношений, «освящали социальное неравенство» и «отражали интересы эксплуататоров» [7, с. 62]. Приводимая им аргументация для подтверждения этого тезиса была неубедительной.

Важнейшим видом имущественных и связанных с ними личных правоотношений и в Иудее, и в Израиле являлись те из них, которые имели место в сфере землеустройства и землепользования.

В Иудее и в Израиле, как и в других государствах древнего мира, земля имела особое значение: она была основой жизни и деятельности их жителей. Она являлась недвижимостью, которая требовала особого правового регулирования, отличавшегося от правового воздействия на другие виды имущественных отношений.

Отношения по владению, использованию и распоряжению землей, по совершению сделок с ней в древнееврейских государствах регулировались заветами Бога Яхве, закрепленными в Торе (Пятикнижии Моисея) Ветхого Завета Библии. Она состоит из пяти книг – Бытия, Исхода, Левита, Числа и Второзакония [1].

Они устанавливали правовой режим земли, земельный порядок, т.е. систему и особенности устойчивых земельных отношений. Они определяли порядок рационального использования и охраны земель, который обеспечивался мерами предупреждения и установленной ответственностью за его нарушение.

Субъектами правового регулирования земельных и связанных с ними личных отношений были древние евреи, проживающие в предоставленной им Богом «Земле Обетованной». А объектами являлись земельные наделы (ныне – земля как природный объект и природный ресурс, земельные участки) и связанные с ними личные отношения их владельцев.

В Торе для регулирования земельных и связанных с ними личных отношений использовались оба метода правового воздействия на них – императивный (в основном) и диспозитивный. Императивный метод выражался в установлении обязательного вида поведения или действия субъектов, или в воспрещении их совершения. Этот метод определял границы их должного поведения или действия.

А диспозитивный метод предоставлял субъектам возможность альтернативного поведения или действия. Так в одном из установлений Торы предписывалось, что «украденный должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им» [9, 22:2-3].

Правовое регулирование земельных и связанных с ними личных отношений и в Иудее, и в Израиле в основном осуществлялась в форме Заветов, якобы полученных от Бога Яхве пророком Моисеем на горе Синае.

Они содержали в себе или повеление, или дозволение, или запрет на совершение определённого поведения или действия. Примером Завета, содержащего в себе повеление, являлся такой: «Соблюдайте все уставы мои и исполняйте их» [10, 22:37].

Имелись в Торе и Заветы, которые одновременно содержали в себе и дозволение, и запрет: «Шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя, никакого дела не делайте» [10, 23:3].

Можно обнаружить в Торе и Заветы, представлявшие собой обычные правовые нормы. «Если кто, – говорилось в одной из них, – отдаст ближнему на сохранение серебро или вещи, и они украдены будут из дома его, то если найдётся вор, пусть он заплатит вдвойне» [9, 19:3].

Рассмотрение Заветов Торы свидетельствует о том, что для регулирования земельных и связанных с ними личных правоотношений в них использовались такие общеправовые принципы: принцип гуманизма, принцип признания, соблюдения и защиты прав на собственность, принцип юридического равенства на получение прав, принцип законности и принцип устойчивых прав.

В право собственности входят право собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Тора предоставила древним евреям в сфере земельных отношений в полном объёме только право владения и пользования.

Право владения давало им возможность фактического обладания определённым земельным участком. А правом пользования – допущение его собственником хозяйственной и иной его эксплуатации, извлечение из него полезных свойств для удовлетворения своих потребностей и обеспечения жизнедеятельности.

Третье же право, вытекающее из права собственности на землю, т.е. право определять по своему усмотрению юридическую судьбу своего земельного участка Заветами Яхве, представлялось древним евреям в ограниченном объёме: они могли распоряжаться им только в пределах, установленных Торой.

По договору Яхве с Моисеем он предоставил своему «богоизбранному народу» землю в Палестине, которая должна была быть распределена среди евреев на основе только установленных им правил.

Предоставлявшиеся им земельные наделы должны были быть равными, поскольку полученные с них урожаи и доходы должны были в равной степени обеспечивать одинаковый и достаточный для пристойного существования уровень благосостояния всех евреев, независимо от их семейного положения.

«Кто многочисленнее (по семейному составу), – предписывалось в Завете Яхве Моисею, – тем дай удел (надел) более, а кто малочисленнее, тем дай удел менее: каждому должно быть соразмерно с числом вошедших в исчисление» [11, 26:54].

В Торе специально подчеркивалось, что Бог предоставляет земельные участки «сынам Израилевым» только во владение и пользование, но сохраняет за собой верховное право собственности на них, «ибо (это) моя земля: вы (евреи) пришельцы и поселенцы у меня» [10, 25:23].

Каждый член древнееврейского общества получил право на обладание определённым земельным наделом, использование которого должно обеспечить среди евреев социальную справедливость и социальное равенство.

Однако установленные Торой одинаковые условия обладания землей еще не означали, что все получившие земельные наделы могли их в равных степени использовать, что должно было неодинаково сказываться на уровне их благосостояния и привести к социальному расслоению среди них.

Одни из них успешно эксплуатировали предоставленные им земельные наделы, а другие из-за разных причин делали это непродуктивно, что сопровождалось снижением уровня благосостояния, а некоторых доводило до разорения. При заключении договора Бога с Моисеем Яхве это предвидел: «Нищие всегда будут среди земли (твоей)» [12, 15:11].

Для борьбы с социальным расслоением и социальным неравенством Торой были предусмотрены определенные правовые средства, предназначенные для использования в сфере землевладения и землепользования: обедневшим евреям для обеспе-

чения своей жизнедеятельности дозволялось продавать свой земельный надел или его часть более состоятельным [10, 25:23].

Однако такая продажа могла осуществляться только так, чтобы при этом не нарушались Заветы Яхвы, направленные на сохранение и охрану не только общего, но индивидуального благосостояния евреев. Важнейшим из них был тот, который устанавливает, что «землю не должны продавать насовсем» [10, 25:23].

Вообще, не дозволялась продажа земли состоятельным евреям, а только «если брат живой (Моисея) обеднеет» [10, 25:23]. Не могли ее осуществлять и левиты: «И полей их ... продавать нельзя, потому что это вечное владение их» [10, 25:34]. Левиты были особой категорией древнееврейского населения, занимавшей в ней привилегированное положение. Их обязанностью было регулярное отправление ветхозаветного культа Яхве.

При купле–продаже земли Тора требовала и от ее продавца, и от ее покупателя проявлять лучшие человеческие качества: «Если будешь продавать... ближнему твоему (т.е. тоже еврею) или будешь покупать ... у ближнего твоего, не обижайте друг друга» [10, 25:14].

Сделки по купле–продаже земли запрещалось совершать в субботу [10, 25:3]. Не могли они также совершаться во время установленных Яхве еврейских праздников: «И созывайте в сии дни священное собрание... никакой работы не работайте: это постановление вечное во всех жилищах ваших» [10, 23:21].

Предусматривалось, что проданный по нужде земельный надел должен возвратиться продавцу, и он опять «вступит во владение свое» [10, 25:26–28] и тем самым будет восстановлена социальная справедливость.

Для этого предусматривалась возможность выкупа продавцом земли его бывшего земельного надела у его нового владельца. Если у него появились средства, необходимые для осуществления этого.

Когда же он не мог собрать, выкуп надела для него должны были произвести родственники. При выкупе покупателю требовалось возвратить не ту сумму, которая им была истрачена при покупке. К ней приплюсовывались те средства, которые были истрачены на улучшение качества приобретенной земли и на ее обустройство, из этой суммы выплачивались те доходы, которые были получены новым владельцем от ее эксплуатации.

Если у родственников продавца земли тоже не было средств для выкупа проданного земельного надела, он все равно по истечении определенного времени возвращался продавцу. «Проданное, – устанавливалось в Торе, – остается в руках покупателя до юбилейного года, а в этот год он (продавец) опять вступает во владение свое (безвозмездно)» [10, 25:28].

В этом случае бывшему владельцу проданного земельного участка иногда приходилось довольно долго ждать наступления юбилейного года или вообще его не дожидаться. По законам Торы этот год исчислялся по следующей системе: «И считай себе семь субботних лет, семь раз по семь лет... И освятите пятидесятый» [10, 3–7].

Согласно Торе объем прав владельца дома при его продаже в Иудее и Израиле в определенной степени зависел от того, на какой земле он находился.

Если продаваемый дом располагался на городской земле (в пределах города, окруженного стеной), продавец имел право его выкупить в течение года после со-

вершения акта купли-продажи, а после его истечения он такое право терял. Не возвращался он ему и в юбилейный год [10, 25:29].

Исключение из этого правила составляли только проживающие в городах левиты. Невыкупленный ими в течение года их дом, располагавшийся на государственной земле, им безвозмездно возвращался в юбилейный год. Потому что, как говорилось в Торе, их дома «составляют их владение среди сынов Израилевых» [10, 25:33].

При продаже евреями домов, располагавшихся в окрестностях города на принадлежавших им землях, они имели право их выкупить до наступления юбилейного года. Если же выкуп не имел места, проданный дом без компенсации возвращался прежнему владельцу, поскольку «должно считать его наравне с полем (землей)» [10, 25:31].

Кроме купли-продажи Тора предусматривала возможность перехода права собственности на землю и в порядке ее наследования – по закону, по воле наследователя и в их комбинации.

Порядок наследования земли и в Иудее, и в Израиле определялся заветами Яхве, нарушать установление которых не дозволялось: «И да будет это (порядок наследования) поставлено в закон, как повелел Господь Моисею» [11, 27:11].

Яхве определил, что наследование, в том числе земли, может осуществляться только по установленному же закону, а воля наследодателя при этом не имеет значения. Он определил круг лиц из числа родственников умершего, имевших право на наследование и установил их очередность при этом.

Первоочередное право на наследование земли имел сын наследодателя. При его отсутствии это право переходило к его дочери. Когда же у умершего не было ни сына, ни дочери наследниками должны были быть его братья. При их отсутствии – братья отца. «Если же нет братьев отца, – предписывалось в Торе, – отдайте удел его (наследодателя) его близкому родственнику из поколения его, чтоб он наследовал его» [11, 27:11].

Тора воспрещала древним евреям нарушать чужое право собственности на землю. В частности, владельцам определённых земельных участков не дозволялось самовольно расширять их пределы за счет чужих земельных участков, располагавшихся по соседству. Правда, юридическая санкция за нарушение этого запрета не предусматривалась: «Проклят (лишь) нарушающий межи ближнего твоего» [12, 27:17].

Право собственности древних евреев на определенный земельный участок давало им право собственности и на выращенную на нем сельскохозяйственную продукцию. В Торе имелись предписания, которые предусматривали санкции за его нарушение, за нанесение ей ущерба.

«Если кто потравит поле или виноградник, – устанавливалось в ней, – пустит свой скот травить чужое поле, [смотря по плодам его, пусть заплатит со своего поля, а если потравил все поле,] пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего» [9, 22:5].

Предусматривалось и обязательное возмещение ущерба, нанесенного урожаю на чужом поле в результате вызванного сознательно или по неосторожности пожара: «Если появится огонь и охватит терн и выжжет копны или жатву, или поле, это должен заплатить, кто произвел сей пожар» [9, 26:6].

Одновременно владельцу земельного участка дозволялось самому физически наказать вора, посягнувшего на выращенный им урожай: «Если кто застанет вора ... и ударит его так, что он умрет, то кровь ему не вменяется» [9, 22:23], т.е. он ответственности за это не несет.

Установления Торы, направленные на регулирования земельных и связанных с ними личных правоотношений, были тесно связаны с ее этикой, в основе которой лежали идеи социальной справедливости, милосердия и благотворительности. Они должны составлять основу этого регулирования. Неслучайно слово «щедака» (справедливость, милосердие) 260 раз употреблялось в Торе в различных ее установлениях [2, с. 92]. Однако их действие должно было быть направлено только на «сынов Израилевых», а на взаимоотношения евреев с не евреями их действие не распространялось [10, 25:35]. Объектом их действия были и пришельцы – евреи, проживавшие в еврейской общине: «Пришелец (тоже еврей), поселившийся у вас, – говорилось в Торе, – да будет для вас тоже, что туземец ваш: люби его как себя» [10, 23:34].

В Торе имелись специальные предписания, которые обязывали евреев часть выращенного на их земельных участках урожая использовать в благотворительных целях – для удовлетворения потребностей нуждающихся евреев. С этой целью запрещалось владельцу земельного участка, забывшего во время жатвы на своем поле сноп, возвращаться и забирать его: «Пусть (он) останется пришельцу, сироте и вдове» [12, 24:15].

Для этого ему также предписывалось: «когда будешь отбивать маслину твою, то не пересматривай за собой ветви» [12, 24:20], то есть не обрывай пропущенные маслины, а также делать это «когда будешь снимать плоды в винограднике твоём» [12, 24:21].

Предписания благотворительного характера Торы евреям-землевладельцам на этом не заканчивались. Например, «при жатве на своем поле не дожинай до края его и оставшийся от жатвы не подбирай, а при уборке виноградника ... не обирай дочиста... , а оставь это бедному и пришельцу» [10, 19:9-10]. Однако благотворительность, милосердие и помощь нуждающимся за счет урожая с земельных участков евреев не была безмерной. Торой они ограничивались в разных пределах.

Для своего прокорма обедневшие, нищие, вдовы, сироты и пришельцы могли на чужом поле рвать «колосья только руками», но им воспрещалось для срезания их использовать серп [12, 23:25]. Они также могли на чужом винограднике: «ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд свой (их) не клади» [12, 23:24].

На этом благотворительная деятельность еврея – землевладельца не должна была заканчиваться. Тора также предписывала ему «по прошествии трёх лет отделять все десятины произведений твоих и класть (сие) в жилищах твоих и пусть придёт... пришелец и сирота, и вдова... и пусть едят и насыщаются дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которые ты будешь делать» [12, 14:28-29].

Также с благотворительной целью евреям-землевладельцам Тора запрещала в субботние (седьмые) годы засеять своё поле и ухаживать за своими виноградниками, а всё выросшее на них самостоятельно оставлять «убогим из твоего народа».

Установившийся Торой порядок регулирования земельных и связанных с ними личных отношений должен был обеспечить всем евреям достойную жизнь. Это

обещал им Яхве: «Исполняйте постановления мои и храните законы мои, и исполняйте их и будете спокойно жить на земле. И будет земля давать плоды свои» [10, 25:18-19].

Таким образом, система регулирования земельных и связанных с ними личных правоотношений, которая использовалась в Иудее и Израиле, устанавливалась предписаниями Торы Ветхого Завета Библии. Она в значительной степени препятствовала социальному расслоению среди древних евреев, концентрации чрезмерного богатства у одних и крайней нищеты других. Она была направлена на достижение в соответствии с этикой Ветхого Завета среди них социальной справедливости и социального равенства.

Список литературы:

1. Библия или книги священного писания Ветхого и Нового завета. – В русском переводе. – С параллельными местами. – Издание одиннадцатое. – Санкт – Петербург: Синодальная типография, 1913. – 1548 с.
2. Грубарг М.Д. К истории социального учения иудаизма // Социс. – 2002. – № 4. – С. 89 – 97.
3. Грубарг М.Д. Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 46 – 53.
4. Кривелев И.А. Книга о библии. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 280 с.
5. Равин Израель – Меир Лау. Практика иудаизма. В свете устной Торы. – Мосада, 1991.- 686 с.
6. Суглобов Г.А. Заповеди исподни и человеческие. – М.: Политиздат, 1975. – 96 с.
7. Шахнович М.И. Реакционная сущность иудаизма. – М.: Политиздат, 1960. – 237 с.
8. Эйдельман А.И. Иудаизм: прошлое без будущего. – Ужгород: Карпаты, 1977. – 102 с.
9. Библия. Ветхий Завет. Исход.
10. Библия. Ветхий Завет. Левит.
11. Библия. Ветхий Завет. Числа.
12. Библия. Ветхий Завет. Второзаконие.

Kashchenko Sergey, Elkin Sergey. Regulation of land and related personal legal relations in the Old Testament Bible // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 159 – 166.

The article deals with prescriptions of the Old Testament of the Bible regarding the regulation of land and related personal relationships that have received the practical implementation of Judah and Israel. Consideration Testament Torah, testifies that control the earth and related personal relationships, they used some general legal principles: the principle of humanity, the principle of the recognition, observance and protection of property rights, the principle of legal equality to human rights, the principle of legality and The principle of sustainable human. It is shown, that they were concentrated in the Torah and were intended to achieve in accordance with the ethics of the Old Testament of social justice and social equality among the population of the Hebrew State.

Keywords: Bible, Old Testament, the Torah, the Five Books of Moses, Judah, Israel, Yahweh, Lane jubilee year, the Sabbath year, social justice, social equality, law, land.

Spisok literaturyi:

1. Biblija ili knigi svjashennogo pisanija Vethovogo i Novogo zaveta. – V russkom perevode. – S parallel'nymi mestami. – Izdanie odinnadcatoe. – Sankt – Peterburg: Sinodal'naja tipografija, 1913. – 1548 s.
2. Grubarg M.D. K istorii social'nogo uchenija iudaizma // Socis. – 2002. – № 4. – S. 89 – 97.
3. Grubarg M.D. Osnovnye jelementy uchenija iudaizma o gosudarstve i prave // Gosudarstvo i pravo. – 2002. – № 5. – S. 46 – 53.

4. Kryvelev I.A. Kniga o biblii. – M.: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury, 1958. – 280 s.
5. Ravin Israel' – Meir Lau. Praktika iudaizma. V svete ustnoj Tory. – Mosada, 1991.- 686 s.
6. Suglobov G.A. Zapovedi ispodni i chelovecheskie. – M.: Politizdat, 1975. – 96 s.
7. Shahnovich M.I. Reakcionnaja sushhnost' iudaizma. – M.: Politizdat, 1960. – 237 s.
8. Jejdell'man A.I. Iudaizm: proshloe bez budushhego. – Uzhgorod: Karpaty, 1977. – 102 s.
9. Biblija. Vethija Zavet. Ishod.
10. Biblija. Vethija Zavet. Levit.
11. Biblija. Vethija Zavet. Chisla.
12. Biblija. Vethija Zavet. Vtorozakonie.

УДК 341.12 "1907/1946"

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО БЮРО ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ (1907–1946 гг.)

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Данная статья направлена на исследование процесса становления и дальнейшего развития первой постоянной, всеобщей и единственной организации здравоохранения. Международное бюро общественной гигиены продолжало работу международных санитарных конференций, которые предшествовали его созданию. Кроме того, занималось новыми проблемами, связанными с активным движением мигрантов, недостаточными условиями гигиены и повышенным использованием железнодорожного и воздушного транспорта. Исследуемое учреждение стало предшественником Всемирной организации здравоохранения. Оно было учреждено на одиннадцатой Международной санитарной конференции, состоявшейся в Париже в 1903 г. Бюро было основано согласно римскому соглашению от 9 декабря 1907 г. и базировалось в Париже. Тринадцать государств присутствовали на учредительной конференции. Изначально Организация в основном была европейской, хотя 59 государств присоединились к ней в течение 40 лет деятельности. Париж был выбран в качестве штаба бюро, и французский язык был его официальным языком. Его главной функцией было собрать и передать государствам-членам информацию о здравоохранении, об инфекционных заболеваниях, подвергающимся карантину (чума, холера и желтая лихорадка) и мерах, которые должны быть приняты, чтобы бороться с этими болезнями.

Ключевые слова: международное бюро, международное санитарное соглашение, история здравоохранения, эпидемия, международная санитарная конференция, международная санитарная конвенция, карантин, международная организация.

В России началась сильнейшая эпидемия гриппа за последние несколько десятков лет. Министр здравоохранения РФ В. Скворцова называет точную и реальную цифру – 107 смертельных случаев [1]. Из-за эпидемии около 9 тысяч российских школ и более 1,6 тысяч детских садов закрыты на карантин [2].

Армения сообщила о 18 погибших вследствие вируса, соседняя Грузия – о трех. Иран заявил, что впервые в истории здесь зафиксирована крупная вспышка штамма вируса H1N1. По меньшей мере 112 человек погибли, преимущественно на юго-востоке страны. Органы здравоохранения в Индии приступили к проведению большой кампании по информированию общественности после второй смерти от этой болезни [3]. В столице Украины 1 февраля 2016 г. официально объявлена эпидемия свиного гриппа. В период с 24–31 января 2016 г. от гриппа в Киеве погибло 14 человек, а в целом по Украине в сезон 2015–2016 насчитывается уже 153 жертвы вируса [4].

Такая сложная эпидемиологическая ситуация требует немедленно принять меры для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения. Но история уже знает примеры смертельных и беспощадных эпидемий. Так, вспышка свиного гриппа началась в июне 2009 г. и убила около 18500 человек в 214 странах [3]. Правитель-

ства ведущих стран мира искали решение таких вопросов и сто, и двести лет назад. На сегодняшний день является чрезвычайно важным обращение к опыту предыдущих поколений, искоренивших такие заболевания, как чума, холера, желтая лихорадка и т. д. Настоящее исследование является своевременным и стоит на повестке дня, т.к. посвящено вопросу учреждения и деятельности первой организации здравоохранения, созданной во время вспышки тяжелых инфекционных заболеваний.

Историография рассматриваемого вопроса небогата, однако представляет весомую ценность для настоящего исследования. Из отечественных необходимо выделить работы Фрейберга Н., Сысина А., Сорокиной Т. С., Складовой Е. К., Жарова Л. В., Дергоусовой Т. Г., Лисицына Ю. П., Улумбековой Г. Э., Гнатик Е. А., Долженковой Ю. В. Из зарубежных – N. Howard-Jones, A. Cliff, M. Smallman-Raynor, Y. Weigbeder, D. Porter, J. Youde, I. Borowy, A.L. S. Staples, S. B. Grubbs, P. Lacaille и др. [5 – 20].

Идея создания центрального международного бюро с целью сбора и распространения информации относительно серьезных эпидемических болезней, особенно холеры, чумы и желтой лихорадки, была сначала представлена для рассмотрения в международном санитарном соглашении в Париже в 1903 г. Более того, эта идея поддерживалась и ранее многими санитарными врачами, особенно покойным профессором Прустом из Парижа. В 1903 г. двадцать четыре государства посетили парижскую конференцию. Результатом этой встречи была новая конвенция, международная санитарная конвенция 1903 г., которая предусматривала решение всех проблем, которые были ранее рассмотрены: санитарные советы, эпидемиологическая информация, карантин и т.д. Но главное решение состояло в том, чтобы создать международное санитарное учреждение, которое должно было собирать всю информацию относительно эпидемических болезней и распространять эту информацию государствам-членам через официальные бюллетени [19, p. 23–24].

По требованию соглашения 1903 г. французское правительство брало на себя задачу предоставить заинтересованным странам предложения относительно организации такого бюро. Этот проект был представлен в конечной форме в августе 1907 г., и по просьбе правительства королевства Италии правительством Французской республики была созвана конференция. Она была проведена в Риме 3 декабря 1907 г. [19, p. 23–24].

Конференция по созданию Международного бюро общественной гигиены (далее – МБОГ) была открыта с целью согласовать его уставные положения, проект которых был выработан французским правительством. Это международное совещание было конкретным по содержанию и кратким. Его не следует причислять к международным санитарным конференциям, хотя иногда оно называется именно так. Правительства стран Америки уже объединились в 1902 г. для организации в Вашингтоне Международного санитарного бюро, переименованного в 1923 г. в Пан-американское санитарное бюро [12, p. 86]. На конференцию в Рим, которая длилась только неделю, прислали свои делегации 12 стран, причем 2 из них (США и Бразилия) представили страны Америки. Свои делегации направили также Бельгия, Великобритания, Египет, Испания, Италия, Нидерланды, Румыния, Россия, Франция и Швейцария. Обращало на себя внимание отсутствие представителей Австро-Венгрии, Германии и скандинавских стран. Отсутствовали представители Бразилии, Нидерландов и Португалии. По предложению Сантоликидо Баррер – тогда фран-

цузский посол в Риме – был избран председателем, и участники совещания немедленно перешли к обсуждению проекта устава, представленного французским правительством. Проект был принят с небольшими изменениями, одно из которых касалось названия новой организации [12, р. 86]. Ее предложили назвать Международным бюро общественной гигиены главным образом для того, чтобы избежать путаницы между новой организацией и Международным санитарным бюро в Вашингтоне. Правительство Италии также подготовило проект устава, согласно которому бюро должно было заниматься только проблемами чумы, холеры и желтой лихорадки. В конечном итоге было решено, что главная задача бюро – сбор и распространение информации, представляющей интерес для общественного здравоохранения и «особенно касающейся инфекционных болезней, а именно холеры, чумы и желтой лихорадки». Результатом этой конференции было соглашение, в соответствии с которым участвовавшие в ней правительства обязывались организовать международное санитарное бюро и к которому прилагался выработанный на совещании устав [12, р. 86]. Делегаты были уполномочены подписать такое официальное соглашение *ad referendum* (для последующего рассмотрения) [19, р. 23].

После надлежащего встречного удовлетворения и некоторой модификации оригинального текста 9 декабря 1907 г. соглашение и основной устав были подписаны всеми делегатами, за исключением представителя Румынии.

Договоренность, подписанная в Риме, была о том, что: правительства Бельгии, Бразилии, Испании, Соединенных Штатов, Французской республики, Великобритании и Ирландии, Италии, Нидерландов, Португалии, Румынии, России, Швейцарии, и правительство Его Высочества Хедива Египта считали необходимым создать Международное бюро общественной гигиены, упомянутое в санитарной конвенции в Париже 3 декабря 1903 г., и решили с этой целью заключить соглашение [19, р. 23–24]. Оно включало 8 статей и заключалось на 7 лет, по истечении которых срок его действия продлевался на новый семилетний срок, в случае если за один год до истечения этого срока государства не пожелают выйти из состава членов бюро. В свою очередь, основной устав состоял из 16 статей и освещал цели и задачи бюро, вопросы его финансирования, состава и деятельности [19, р. 23–27].

Международное бюро общественной гигиены стало первой постоянной, всеобщей организацией здравоохранения и единственной вплоть до 1923 г. С 1907 по 1923 гг. бюро продолжало работу международных конференций, которые предшествовали его созданию, а также занималось новыми проблемами, связанными с активным движением мигрантов, недостаточными условиями гигиены и повышенным использованием железнодорожного и воздушного транспорта. Деятельность МБОГ также была посвящена вопросам распространения заболеваний в странах с неудовлетворительными эпидемиологическими условиями, и где туберкулез, сыпной тиф, венерические заболевания и болезни рабочих стали социальным бедствием [14, р. 4].

Действующее от имени государств-участников, основной целью МБОГ было руководство международной кодификацией процедур по карантину и связанной с ним надзорной деятельности. В пределах этой компетенции МБОГ выполняло три основные функции:

– как орган, ответственный за пересмотр и принятие международных санитарных конвенций и связанных с ними конференций;

– как техническая комиссия для изучения эпидемических заболеваний;
– как агентство для оперативного обмена эпидемиологической информацией, касающейся заболеваний, охватываемых международными санитарными конвенциями [13, р. 39–40].

Как и у Панамериканской организации здравоохранения, начальная работа бюро также сконцентрировалась на эпидемиологии [18, р. 128–129]. Функции бюро касались сбора и распространения новых знаний об инфекционных заболеваниях, которые должны быть отражены в международных карантинных правилах. Основное внимание первоначально было сконцентрировано на холере, чуме и желтой лихорадке – три болезни, которые привлекли внимание международных санитарных конференций.

Скоро задачи бюро были расширены и включали контроль за другими инфекционными заболеваниями, таким как малярия, туберкулез, брюшной тиф, менингит, сонная болезнь, а также полное уничтожение насекомых-переносчиков болезней. Интерес был проявлен также в других сферах здравоохранения, таких как гигиена питания, управление больницами и гигиена школ и фабрик. Хотя бюро не выполняло активную работу на местах в этих вопросах, но обеспечило деятельность международного форума для обсуждения среди лидеров здравоохранения различных стран [15, р. 410].

Предполагалось, что штаб-квартира бюро будет располагаться в Париже, где будут находиться директор, генеральный секретарь и весь остальной штат. Бюро должно было функционировать под руководством комитета, сформированного из представителей стран-членов. Состав членов бюро был разделен на шесть категорий, и каждое правительство могло решить по своему усмотрению, какую категорию оно желает избрать. Страны-члены высшей категории должны были вносить суммы, равные 25 частям годового бюджета, и могли иметь шесть голосов, в то время как страны-члены низшей категории имели один голос и должны были вносить суммы, равные трем частям бюджета. Практически эта система голосования не применялась. Общий годовой бюджет был установлен в сумме 150 000 фр. франков.

Первое заседание комитета проходило в Париже 4–10 ноября 1908 г. в министерстве иностранных дел Франции, Сантоликидо был избран его первым председателем [12, р. 86]. Первая встреча сконцентрировалась на холере. Но поскольку организация и ее членство выросли, то определялась и сфера ее деятельности, и персонал. Бюро выступало не только в качестве центрального агентства по сбору эпидемиологической информации о пагубных болезнях, но и обсуждало меры для профилактики проказы, туберкулеза, тифа и венерических заболеваний, так же как вопросов водных загрязнений и очистки [18, р. 128–129].

Первый избранный директор г-н Жак де Казотт и генеральный секретарь доктор Потевин были назначены комитетом бюро, составленным из одного представителя каждой из стран, которые согласились поддержать недавно созданное бюро [19, р. 23–24].

На заседании были представлены лишь 9 стран-членов, хотя в последующие годы к Римскому соглашению должны были присоединиться и остальные. В конечном счете бюро объединяло почти 60 стран в свое членство, включая Персию, Индию, Пакистан и Соединенные Штаты. Как и на Одиннадцатой международной санитарной конференции, которая предшествовала организации бюро, заседание ориенти-

ровалось в основном на страны Европы. Главной задачей бюро была защита европейских стран от холеры и чумы, в то время как бюро в Вашингтоне ставило своей целью защиту США от желтой лихорадки. На первом заседании комитета бюро основным вопросом было назначение директора и генерального секретаря. Штаб-квартира бюро находилась в Париже, и единственным рабочим языком был французский [12, р. 86].

Второе заседание комитета проходило 6–9 апреля 1909 г. во «временной» штаб-квартире бюро в Париже на Бульваре Сен-Жермен, 195, которой предстояло оставаться там еще в течение четырех десятилетий [12, р. 86–87]. Именно с этого места распространялся регулярный (ежемесячный) отчет для государств-участников под названием *Bulletin Mensuel* (Ежемесячный Информационный Бюллетень) [13, р. 39–40]. Председатель провозгласил, что в состав бюро были назначены итальянский и французский врачи, а также американский инженер, обладатель дипломов, полученных им в Агрономическом институте в Париже и в «одном из университетов США». На третьем заседании 19–23 октября 1909 г. угрожающие размеры приняла дискуссия по административным вопросам, но на четвертом заседании 19–23 апреля 1910 г. комитет приступил к решению технических вопросов [12, р. 86–87].

В течение большей части из первых 50 лет на европейских межгосударственных дискуссиях по вопросам здравоохранения чаще всего холера была единственной болезнью, постоянно находящейся в центре внимания. К концу этого периода не меньшим вниманием стала пользоваться чума. Однако на четвертом заседании комитета появились первые признаки расширения тем дискуссий, которые охватили не только проблемы здравоохранения, связанные с инфекционными болезнями, ставшими объектом Международной санитарной конвенции 1903 г., но и мероприятия, направленные на обеспечение одинаковой активности дифтерийного анатоксина, производимого в то время в разных странах. Это и было первым шагом на пути установления международных стандартов для биологических веществ, используемых в целях профилактики, лечения и диагностики. Этому аспекту предстояло стать весьма важным в работе Организации здравоохранения Лиги наций, а впоследствии Всемирной организации здравоохранения. На пятом заседании комитета, проходившем 18–24 октября 1910 г., на дискуссиях снова преобладали вопросы борьбы с холерой, так как в это время в Южной Италии вспыхнула эпидемия этой болезни [12, р. 86–87].

Число членов бюро достигло двадцати двух, причем не все из них были суверенными государствами. Алжир, Австралия, Британская Индия и Канада были членами бюро. На следующем заседании комитета, которое проходило 8–18 марта 1911 г., его председатель Сантоликидо провозгласил, что французское правительство, действуя в соответствии с рекомендациями комитета, предприняло шаги для созыва новой международной санитарной конференции и обратилось к бюро с просьбой подготовить свои предложения в виде пересмотренного проекта Международной санитарной конвенции 1903 г. Он отметил, что этот вопрос имеет большое значение и решение его потребует длительного времени, поэтому и следует поставить его единственным в повестке дня. Далее Сантоликидо объявил, что государствам, которые были представлены на конференции 1903 г., но еще не вошли в число членов бюро (Австро-Венгрия, Дания, Германия и Люксембург), было предложено направить на совещание своих технических делегатов. На это приглашение

откликнулись все государства (Германия направила Гафки). Великобритания и Британская Индия не прислали делегатов, далеко не в первый раз демонстрируя недостаток энтузиазма в отношении заключения международных санитарных конвенций и традиционное предпочтение играть «по слуху, а не по нотам», если речь идет о карантинных мероприятиях. Предложение председателя не вызвало возражений, и пересмотр конвенции 1903 г. стал единственным вопросом на повестке дня, ограничив таким образом обсуждение вопросами о холере, чуме и желтой лихорадке [12, р. 87–88].

Следующее заседание комитета, которое проходило 3–10 октября 1911 г., состоялось всего за несколько недель до 12 международной санитарной конференции. Главным итогом заседания было утверждение окончательного текста отчета по бактериологической диагностике холеры, первый проект которого был заранее разослан специалистами других стран с целью получения их замечаний [12, р. 88].

С внезапным началом Первой мировой войны в 1914 г. все переговоры бюро были приостановлены, активность снизилась, но оно продолжало издавать ежемесячный бюллетень [15, р. 410]. Организация тогда главным образом имела дело со связанными с войной проблемами: зараженные раны, гангрена, кожные паразиты, столбняк [14, р. 4]. Правительствам были даны рекомендации по санитарии окружающей среды, уведомлению о случаях туберкулеза, прививкам против брюшного тифа и изоляции в случае проказы. Передача и обсуждение таких идей имели некоторую ценность, несмотря на то, что национальные меры для их выполнения так и не были предприняты [15, р. 410].

После Первой мировой войны (1914–1918 гг.) международное стремление к миру привело к созданию организации Лиги Наций. Для выполнения действий Лиги, касающиеся предотвращения и контроля за болезнями, было установлено подразделение, известное как Организация здравоохранения Лиги Наций. Соединенные Штаты не были членом Лиги, но были членом бюро – это наложило вето на предложение переместить находящееся в Париже учреждение в Лигу Наций. Поэтому в 1921 г. было три международных агентства с очень подобными функциями: МБОГ, Панамериканское Санитарное Бюро и Организация здравоохранения Лиги Наций. Соглашения о сотрудничестве среди них были, очевидно, необходимыми [15, р. 411].

В 1919 г. лихорадка сыпного тифа эпидемически распространилась через Россию и Польшу. Около 1 600 000 случаев было обнаружено в России; кроме того, возникла беспрецедентная мировая пандемия гриппа, вызвавшая до 15 000 000 смертельных случаев к 1920 г. В этой катастрофической ситуации Международная медицинская конференция встретила в Лондоне, но ее посетили только пять стран – Великобритания, Франция, Италия, Япония и Соединенные Штаты. В конечном счете Организация здравоохранения Лиги Наций стала медицинским Комитетом Лиги, а четыре из ее восьми участников выступали в качестве членов Постоянного Комитета МБОГ [15, р. 411].

В это же время президент бюро Рокко Сантоликидо объявил потребность переориентировать международные медицинские усилия от почти исключительного внимания к карантину пагубных болезней к новой программе, которая будет создавать национальную службу здравоохранения и таким образом сражаться с первоисточником болезни. Сильное восхищение вызвало его объявление, хотя новая мис-

сия, как оказалось, упала на новую Организацию здравоохранения Лиги Наций, а не на МБОГ [18, р. 128–129].

Несмотря на дипломатические сложности отношений между МБОГ и медицинским Комитетом Лиги, последним были начаты несколько новых международных медицинских действий. В целом они занимались двумя категориями дел: 1) международные медицинские исследования, экспертные комитеты по запланированной тематике и предлагаемые международные стандарты по этим вопросам; 2) помощь странам со специальными проблемами со здравоохранением [15, р. 411]. Одной из главных задач МБОГ в первые межвоенные годы было контролирование пересмотра санитарной Конвенции 1912 г. Заключительная Международная санитарная конвенция 1926 г. увеличила количество карантинных болезней до пяти (путем добавления оспы и тифа), а также обязала страны немедленно уведомлять о первых случаях чумы, холеры и желтой лихорадки и появлении тифа и оспы в эпидемической форме. Международная санитарная конференция 1926 г. также рекомендовала, чтобы некоторые региональные организации функционировали в качестве регионального Бюро МБОГ для сбора эпидемиологической информации. К 1927 г. были приняты меры для трех таких организаций (Лига Наций Восточного бюро в Сингапуре, Панамериканское санитарное бюро в Вашингтоне и санитарный, морской и карантинный Совет в Египте и Александрии), чтобы действовать в этой роли. В свою очередь, от МБОГ требовалось ретранслировать полученную информацию всем странам еженедельно или, в неотложных случаях, немедленно [13, р. 40–41]. Та же информация составляла основу для регулярного коммюнике МБОГ, которое было включено в Еженедельную эпидемиологическую сводку секции здравоохранения Лиги Наций с ноября 1928 г., в то время как дополнительная информация, полученная от правительств была опубликована на страницах Международного морского санитарного справочника (*Annuaire Sanitaire Maritime International*) [13, р. 41–42].

С годами работа МБОГ, помимо морского карантина, охватывала такие вопросы, как карантинные правила для воздушного движения (Международная санитарная Конвенция для воздушной навигации была разработана в 1932 г. и вступила в силу в 1935 г.), венерические заболевания у моряков, международная стандартизация анти-дифтерической сыворотки и контроль над наркотическими средствами [13, р. 41–42].

В своей деятельности и перспективе МБОГ оставалось верным миссии защиты Европы от актуальных «иностранных» болезней, гарантируя минимальное неудобство для международной торговли. По одним расчетам 71% из положений Международных санитарных правил уделял внимание прежде всего Африке, Азии и Ближнему Востоку. Эта узкая сосредоточенность подорвала эффективность организации вместо того, чтобы прочно утвердиться. Исследователь истории международного общественного здравоохранения Говард-Джонс характеризовал МБОГ как сообщество верховных руководителей здравоохранения, главным образом европейских, чья основная задача была защитить их страны от имеющих значение экзотических болезней, не вводя слишком решительные ограничения для международной торговли.

МБОГ сосредоточился на том, чтобы ограничивать распространение болезни на границах, не обращаясь к первопричинам болезни. Далее ограничивая сотрудничество, государства не спешили ратифицировать международные санитарные правила. К тому времени, когда началась Первая мировая война, спустя почти десятилетие

после их подписания, только 15 государств ратифицировали документ и были связаны его условиями [16, р. 53–54].

В течение долгого времени МБОГ концентрировалось на инфекционных заболеваниях и более определенно на путях, которые могли бы минимизировать их вмешательство в морскую торговлю. Это было положено за основу в действующие и будущие международные санитарные соглашения. Его главным органом был Постоянный Комитет, который включил делегатов всех государств-членов и был поэтому слишком крупным для быстрых решений или всесторонних обсуждений. Число голосов каждого государства-члена зависело от размера его ежегодного взноса, и его мандат определял, что бюро ни в каком случае не будет вмешиваться в дела правительств различных государств. Вместе с тем эти особенности гарантировали, что МБОГ представит интересы влиятельных правительств, а не склонных к независимости ученых или учреждений. В работе организации преобладал «неотъемлемый курс на сохранение и инерцию», так как ее устав предусматривал, что любое изменение в структуре или конституции требовало соглашения каждого отдельно подписавшегося правительства. Несмотря на ее международное название, ее французский штат, ее место в Париже и исключительное использование французского языка – все это дало ей отчетливо французский характер [17, р. 27]. Бюро модернизировало Париж как медико-научный центр и, более того, Францию как страну медико-научного влияния, и на протяжении всего его существования МБОГ расценивалось для всех французских правительств как угловой камень французского престижа. Британское отношение было более двойственным. С одной стороны, британские власти не доверяли доминирующему французскому влиянию. Однако возможность контроля и содействие бюро правительственным требованиям свели к тому, чтобы расположить к себе британские правительства, которые, несмотря на изменяющиеся отношения, оставались в значительной степени преданными либеральным идеям ограниченных государственных обязанностей в социальных делах [17, р. 27–28].

В 1945 г. Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций (АПВОН) взяли на себя ответственность за обязанности МБОГ в отношении международных санитарных конвенций; МБОГ ликвидировалось на основании протокола, подписанного 22 июля 1946 г. с оговоркой на то, что эпидемиологическая служба будет включена в состав временной комиссии Всемирной организации здравоохранения 1 января 1947 г. [13, р. 41–42].

Из вышеизложенного следует, что результатом парижской конференции 1903 г. была новая международная санитарная конвенция 1903 г., которая содержала в себе решение создать международное санитарное учреждение. Так, на конференции в Риме 3 декабря 1907 г. были приняты соглашение о создании Международного бюро общественной гигиены и его устав. Организация была ответственна за пересмотр и принятие международных санитарных конвенций и связанных с ними конференций; выступала как техническая комиссия для изучения эпидемических заболеваний, а также занималась оперативным обменом эпидемиологической информацией, касающейся заболеваний, охватываемых международными санитарными конвенциями. Бюро внесло существенный вклад в дело борьбы с инфекционными заболеваниями на протяжении первой половины XX в. Притом не только способствовало

работе международных санитарных конференций, но и стало предшественником Всемирной организации здравоохранения.

Список литературы:

1. Эпидемия гриппа 2016: свиной грипп 2016 статистика смертности [электронный ресурс] // офиц. Сайт ООО «Газета.кг». – URL: <http://www.gazeta.kg/news/russia-news/41384-epidemiya-grippa-2016-svinoy-gripp-2016-statistika-smertnosti.html> (дата обращения: 02.02.2016)
2. Свиной грипп, симптомы эпидемии на лицо: на карантин в России закрыты 9 тысяч школ [электронный ресурс]. – URL: http://www.topnews.ru/news_id_86095.html (дата обращения: 02.02.2016)
3. H1N1 Swine flu: a new pandemic on the way? [electronic resource]. – URL: <http://www.euronews.com/2016/01/21/eighteen-people-die-in-armenia-three-in-georgia-from-h1n1-swine-flu/> (дата обращения: 02.02.2016)
4. Свиной грипп H1N1 и карантин в Киеве февраль 2016 – последние новости [электронный ресурс]. – URL: <http://pressa.today/sport-and-health/svinoy-gripp-h1n1-i-karantin-v-kieve-fevral-2016-poslednie-novosti/> (дата обращения: 02.02.2016)
5. Фрейберг Н. Международное санитарное бюро / Н.Фрейберг // Журнал Русского Общества Охраны Народного Здоровья. – 1908. – № 3 – 4.
6. Сысин А. Международное бюро общественной гигиены / А.Сысин // Гигиена и Эпидемиология. – 1927. – № 1.
7. Сорокина Т. С. История медицины: Учебник для студ. высш. мед.учеб. заведений / 9-е изд., стереотип. (гриф Минобразования РФ). – М.: Издательский центр "Академия", 2009. – 560 с.
8. Склярова Е. К. История медицины / Е. К. Склярова, Л. В. Жаров. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 346 с.
9. Склярова Е. К. История фармации: учебник / Е. К. Склярова, Л. В. Жаров, Т. Г. Дергоусова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 317 с.
10. Общественное здоровье и здравоохранение : учебник / Ю. П. Лисицын, Г. Э. Улумбекова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 544 с.
11. Гнатик Е. А. Международное медицинское право: история и перспективы развития / Гнатик Е. А., Долженкова Ю. В. // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 281 – 288.
12. Norman Howard-Jones. The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851-1938. – Geneva: World Health Organisation, 1975. – 110 p.
13. Andrew Cliff. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication / Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
14. The World Health Organization. International Organization and the Evolution of World Society / Yves Beigbeder [et. al.]. – Vol. 4. – Dordrecht: MartinusNijhoff Publishers, 1998. – 216 p.
15. The History of Public Health and the Modern State // edited by Dorothy Porter. – Amsterdam: Rodopi B. V, 1994. – 439 p.
16. Jeremy Youde. Global Health Governance. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.
17. Iris Borowy. Coming to terms with World Health: The League of Nations Health Organisation 1921 – 1946. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009. – 510 p.
18. Amy L. S. Staples. The Birth of Development: How the World Bank, Food and Agriculture Organization, and World Health Organization Changed the World, 1945 – 1965. – Kent: The Kent State University Press, 2006. – 349 p.
19. S. B. Grubbs. International Office of Public Hygiene. Its Inauguration at Paris, France / S. B. Grubbs // Public Health Reports (1896-1970). – 1909. – Vol. 24, No. 2 (Jan. 8, 1909). – P. 23–28.
20. Lacaisse P. L'hygieneInternationaleet la Societe des Nations. – Paris, 1926.

Klimenko K. P. The formation and the activity of the International Office of Public Hygiene (1907 – 1946) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 167 – 177.

Present article is directed on research of process of formation and the further development of the first constant, general and unique public health organization. The International Office of Public Hygiene continued the work of the international conferences which had preceded its creation. Besides also dealt with new problems caused by the massive move of emigrants, the poor conditions of hygiene, and by the growing use of railways and air travel. The observable establishment became the predecessor of World Health Organization. It has been founded at the eleventh International sanitary conference which has taken place in Paris in 1903. The Office has been based according to the Roman agreement from December, 9, 1907 and was based in Paris. Thirteen states were present at conference which established it. The organization had very European origin though 59 states have joined it within 40 years of activity. Paris has been chosen as a bureau staff, and the French language was its official language. Its main function was to collect and transmit to its member states information on public health, on communicable diseases subject top quarantine (plague, cholera and yellow fever) and on measures to be taken to fight these diseases.

Keywords: the international office, the international sanitary agreement, history of public health, epidemic, the international sanitary conference, the international sanitary convention, quarantine, the international organization.

Spisok literaturyi:

1. Epidemiya grippa 2016: svinoy gripp 2016 statistika smertnosti [elektronnyy resurs] // ofits. Sayt OOO «Gazeta.kg». – URL: <http://www.gazeta.kg/news/russia-news/41384-epidemiya-grippa-2016-svinoy-gripp-2016-statistika-smertnosti.html> (data obrascheniya: 02.02.2016)
2. Svinoy gripp, simptomyi epidemii na litso: na karantin v Rossii zakrytyi 9 tyisyach shkol [elektronnyy resurs]. – URL: http://www.topnews.ru/news_id_86095.html (data obrascheniya: 02.02.2016)
3. H1N1 Swine flu: a new pandemic on the way? [electronic resource]. – URL: <http://www.euronews.com/2016/01/21/eighteen-people-die-in-armenia-three-in-georgia-from-h1n1-swine-flu/> (data obrascheniya: 02.02.2016)
4. Svinoy gripp H1N1 i karantin v Kieve fevral 2016 – poslednie novosti [elektronnyy resurs]. – URL: <http://pressa.today/sport-and-health/svinoy-gripp-h1n1-i-karantin-v-kieve-fevral-2016-poslednie-novosti/> (data obrascheniya: 02.02.2016)
5. Freyberg N. Mezhdunarodnoe sanitarnoe byuro / N. Freyberg // Zhurnal Russkogo Obschestva Ohranyi Narodnogo Zdorovya. – 1908. – № 3 – 4.
6. Syisin A. Mezhdunarodnoe byuro obschestvennoy gigieny / A. Syisin // Gigiena i Epidemiologiya. – 1927. – № 1.
7. Sorokina T. S. Istoriya meditsiny: Uchebnik dlya stud. vyssh. med. ucheb. zavedeniy / 9-e izd., ste-reotip. (grif Minobrazovaniya RF). – M.: Izdatelskiy tsentr "Akademiya", 2009. – 560 s.
8. Sklyarova E. K. Istoriya meditsiny / E. K. Sklyarova, L. V. Zharov. – Rostov n/D: Feniks, 2014. – 346 s.
9. Sklyarova E. K. Istoriya farmatsii: uchebnik / E. K. Sklyarova, L. V. Zharov, T. G. Dergousova. – Rostov n/D: Feniks, 2015. – 317 s.
10. Obschestvennoe zdorove i zdavoohranenie : uchebnik / Yu. P. Lisitsyn, G. E. Ulumbekova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: GEOTAR-Media, 2015. – 544 s.
11. Gnatik E. A. Mezhdunarodnoe meditsinskoe pravo: istoriya i perspektivy razvitiya / Gnatik E. A., Dolzhenkova Yu. V. // Vestnik RUDN, seriya Yuridicheskie nauki. – 2014. – № 2. – S. 281 – 288.
12. Norman Howard-Jones. The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851-1938. – Geneva: World Health Organisation, 1975. – 110 p.
13. Andrew Cliff. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication / Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
14. The World Health Organization. International Organization and the Evolution of World Society / Yves Beigbeder [et. al.]. – Vol. 4. – Dordrecht: MartinusNijhoff Publishers, 1998. – 216 p.

15. The History of Public Health and the Modern State // edited by Dorothy Porter. – Amsterdam: Rodopi B. V, 1994. – 439 p.
16. Jeremy Youde. Global Health Governance. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.
17. Iris Borowy. Coming to terms with World Health: The League of Nations Health Organisation 1921 – 1946. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009. – 510 p.
18. Amy L. S. Staples. The Birth of Development: How the World Bank, Food and Agriculture Organization, and World Health Organization Changed the World, 1945 – 1965. – Kent: The Kent State University Press, 2006. – 349 p.
19. S. B. Grubbs. International Office of Public Hygiene. Its Inauguration at Paris, France / S. B. Grubbs // Public Health Reports (1896-1970). – 1909. – Vol. 24, No. 2 (Jan. 8, 1909). – p. 23–28.
20. Lacaille P. L'hygieneInternationaleet la Societe des Nations. – Paris, 1926.

УДК: 341.45

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА**

Нямдулам Ж.

Институт полиции Университета правоохранительной службы Монголии

В статье рассматривается ретроспектива международно-правового сотрудничества правоохранительных органов государств Азиатско-Тихоокеанского региона в противодействии некоторым наиболее опасным видам преступлений. В данной работе анализ касается соглашений, заключенных Министерством юстиции Монголии с девятнадцатью странами региона, среди которых: Япония, Россия, Китай, КНДР, Республика Корея, Венгрия, Индия и другие. Для выявления и сравнения форм сотрудничества анализу подвергались все виды соглашений: межгосударственные (межправительственные) и межведомственные.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, международные договоры, правоохранительные органы, преступность, наркотические средства.

Международное сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) в области борьбы с преступностью исторически складывалось под влиянием геополитических факторов, которые сыграли неизменную роль в становлении взаимодействия в рассматриваемой сфере деятельности.

В настоящее время в Монголии имеется обширная нормативно-правовая база для осуществления международного сотрудничества со странами АТР в борьбе с преступностью. Вместе с тем заключенные с отдельными странами соглашения двустороннего характера сильно отличаются друг от друга не только по содержанию (одни – общего характера – о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам; другие – специализированные – например, о выдаче, о содействии в расследовании уголовных дел и т.д.), но и по формам взаимодействия правоохранительных органов. Различия в перечне организационно-правовых форм вызваны многими причинами, среди которых есть как политические, так и правовые. Невозможность внести в двусторонний договор ту или иную форму сотрудничества часто связана с сильными различиями национального законодательства сторон, особенно процессуального, что делает невозможным реализацию такой формы на практике без обоюдного внесения изменений во внутренние нормативно-правовые акты.

Анализ форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью в рамках АТР на основе их закрепления в юридически обязательных документах (договорах) дает возможность оценить приоритеты правоохранительных органов в вопросах межведомственного взаимодействия. В частности, проводимый в данной работе анализ касается соглашений, заключенных Министерством юстиции Монголии с девятнадцатью странами региона, среди которых: Япония, Россия, Китай, КНДР,

Республика Корея, Венгрия, Индия и другие. Для выявления и сравнения форм сотрудничества анализу подвергались все виды соглашений: межгосударственные (межправительственные) и межведомственные.

В частности, следует отметить соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Монголии и Министерством юстиции Социалистической Республики Вьетнам от 17 апреля 2000 г., а также аналогичные документы, подписанные с Министерством юстиции Республики Корея от 05 октября 2008 г. и Министерством юстиции КНР от 31 августа 1989 г. Указанные документы по своему содержанию сходны и в большей мере представляют собой рамочные соглашения, призванные создать правовую основу для осуществления непосредственных контактов сотрудников министерств, организации визитов, встреч, конференций на соответствующем уровне. Эти договоры содержат правовые процедуры обмена информацией об осужденных лицах – гражданах других государств¹.

Министерство Юстиции Монголии как основной субъект противодействия общеуголовной преступности также имеет заключенные соглашения о сотрудничестве с аналогичными ведомствами стран АТР. Помимо соглашений, имеющих правовой характер и порождающих права и обязанности у профильных ведомств соответствующих государств, Министерство Юстиции Монголии имеет опыт подписания с отдельными странами региона документов программного характера. Генеральная прокуратура Монголии также не осталась в стороне от договорного процесса со странами АТР. Однако это участие в настоящее время нашло отражение в ограниченном количестве соглашений.

В настоящее время немалое количество международных межведомственных соглашений со странами АТР заключено по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ, ввозимых через Монголию в Россию и другие страны Европы. Министерством юстиции Монголии подобные соглашения заключены с Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков в России, Министерством общественной безопасности КНР, Министерством общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам.

Следует отметить, что все перечисленные выше двусторонние межведомственные соглашения носят типовой характер и отличаются друг от друга незначительно, в основном, в тех аспектах, которые носят процессуальный характер (например, в сроках предоставления информации одним уполномоченным органом другому). Также от типовой формы несколько отличается соглашение между ФСКН России и Министерством общественной безопасности Китая. Данное соглашение, несмотря на его межведомственный статус, является рамочным документом, на основе которого еще предстоит принять конкретизирующий акт, направленный на реализацию практических мер в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Об этом прямо сказано в тексте документа, что не присутствует в договорах с другими странами региона. Соглашение о сотрудничестве с Китаем 2004 г. устанавливает цели и задачи сотрудничества, определяет круг вопросов по взаимодействию, содержит программу межгосударственного взаимодействия как в практической сфере, так и в сфере обмена опытом, а также программу расширения правовой базы со-

¹ См.: Волеводз А. Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества: Правовые основы и методика. – М., 2000. – С. 24.

трудничества. Данное соглашение действительно получило дальнейшую конкретизацию в подписанном 29 ноября 2005 г. Протоколе об организации приграничного сотрудничества между ФСКН России и Министерством общественной безопасности КНР². Сущность настоящего документа заключается в том, что часть полномочий по взаимодействию в рассматриваемой сфере деятельности стороны решили возложить на приграничные территориальные подразделения своих правоохранительных служб. Отметим, что практика реализации данного решения оказалась весьма эффективной, что следует учитывать правоохранительным органам Монголии.

Типовой характер остальных соглашений позволяет судить об определенной правовой унификации, которая сложилась в процессе их заключения. Примечательно, что ни один из приведенных выше договоров за время, прошедшее с момента подписания, не потребовал внесения изменений, дополнительной конкретизации применительно к конкретному государству. Более того, двусторонние соглашения по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков, заключаемые с некоторыми странами Юго-Восточной Азии, между собой текстуально весьма сходны с упоминавшимися выше. Договоры, заключенные Министерством Юстиции Монголии, порождают права и обязанности только у соответствующих государственных органов, и, следовательно, такие соглашения носят характер межведомственных. В то же время следует отметить, что в некоторых странах их действие внутренними нормами было распространено и на другие правоохранительные органы. Так, соглашение о сотрудничестве между ФСКН России и Министерством общественной безопасности КНР, заключенное в 2005 г., распространилось и на Министерство обороны КНР в части оказания содействия в пресечении контрабанды наркотиков. Другой характерной чертой двусторонних межведомственных соглашений со странами АТР по противодействию незаконному обороту наркотиков является правовая преемственность в отношении таких фундаментальных соглашений в рассматриваемой сфере, как Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г., Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. В определенном смысле межведомственные соглашения выступают формой правовой конкретизации универсальных договоров.

Таким образом, в настоящее время в Монголии создана весьма обширная международно-правовая система сотрудничества правоохранительных органов Монголии со странами АТР.

Учитывая, что региональные Азиатско-Тихоокеанские соглашения по данным вопросам с участием нескольких стран заключаются весьма редко, двусторонние акты становятся важным элементом регулирования деятельности по противодействию преступности, которая в рамках АТР имеет устойчивую тенденцию к расширению и усложнению. Противодействие транснациональной преступности в рамках АТР осуществляется совместно правоохранительными органами многих стран. Сотрудничество осуществляется по многим направлениям, и его реализация связана со

² См.: Постановление Правительства РФ «О подписании об организации приграничного сотрудничества между Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики // Собрание законодательства РФ. 2005. N 39. Ст. 9007.

множеством организационно-правовых форм взаимодействия. Основными формами сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью в АТР является проведение совместных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также операций по задержанию и обезвреживанию преступников. В отличие, например, от стран Европы, где в силу развитости интеграционных процессов к проведению таких акций могут быть сравнительно легко и быстро привлечены правоохранительные органы практически всех стран региона, для государств АТР процессы согласования и подготовки занимают гораздо больше времени, поскольку отсутствуют единые центры координации взаимодействия. Планирование совместных операций правоохранительных органов стран АТР обычно осуществляется на двусторонней основе³.

В настоящее время большинство совместных операций проводится правоохранительными органами стран АТР в рамках по пресечению незаконного оборота наркотиков, незаконной миграции и торговли людьми, пиратства, а также незаконного вылова рыбы и морепродуктов. Более подробно рассмотрим организацию взаимодействия правоохранительных органов стран АТР на примере противодействия контрабанде наркотиков. Результаты сравнительного анализа материалов национальных правоохранительных органов стран АТР, а также материалов ООН позволяют выявить устойчивую тенденцию роста за период с 1991 по 2007 гг. не только количества зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, но и уровня этого вида преступности во всех исследуемых странах АТР. Наиболее высоким уровень наркопреступности в 2014 г. (на 100 тыс. населения) был в США – 534, в 4 раза меньше в России – 132, значительно ниже в Японии – 21, самым низким в Республике Корея – 10 и Китае – 9. Однако следует понимать, что рассмотренные показатели не раскрывают истинного положения дел, поскольку для данной категории преступлений характерна высокая степень латентности. Сущность операций, проводимых как на двусторонней, так и на многосторонней основе, заключается в одновременном пресечении деятельности всех участников преступной группы на территории разных стран и в оказании последующей правовой помощи в проведении расследования в каждом из государств. В частности, это касается предоставления результатов допросов подозреваемых, вещественных доказательств и т. д.

Особое внимание правоохранительными органами Монголии и других стран АТР в настоящее время уделяется планированию операций. Часто они носят многоэтапный характер, растянуты во времени и требуют значительного привлечения сил и средств сторон. К таким операциям, в частности, можно отнести двухэтапную международную оперативно-профилактическую операцию «Канал-2007». Ее основная цель – выявление и пресечение контрабанды наркотиков, создание антинаркотических поясов безопасности вокруг Афганистана, блокирование межрегиональных и международных каналов поставок синтетических наркотиков из стран Юго-Восточной Азии, ликвидация подпольных лабораторий по их производству. Также в ходе этой операции решались задачи по совершенствованию механизмов взаимодействия правоохранительных органов и специальных служб в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Оперативно-розыскными мероприятиями охватыва-

³ См.: Номоконов В., Баранник И. Международное сотрудничество в борьбе с контрабандой наркотиков на Дальнем Востоке // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 17.

лись десять стран АТР. Это Казахстан, КНР, Монголия, Мьянма, Пакистан, Россия, Таджикистан, Таиланд и Япония. Операция «Канал-2007» на сегодняшний день не имеет аналогов по масштабам и географии проведения за всю историю сотрудничества в данном направлении в АТР. При проведении второго этапа в ней участвовали более 96 тыс. сотрудников антинаркотических ведомств, органов безопасности, внутренних дел, таможенных и пограничных служб государств-участников. Было организовано более 6 тыс. совместных оперативных групп – в приграничных районах, на объектах железнодорожного, воздушного и автомобильного транспорта. Создано свыше 5 тыс. стационарных постов на обрабатываемых направлениях. Перекрывались около 1,8 тыс. железнодорожных узлов и станций, более 3 тыс. автомобильных дорог, 269 аэропортов. Отличительной особенностью операции «Канал-2007» является то, что совместные оперативно-розыскные мероприятия, спланированные в соответствии с замыслом и планом подготовки операции, не прекращались между первым и вторым этапами. Новый подход к проведению операции позволил принять ряд эффективных мер по пресечению незаконного оборота наркотиков, каналов контрабанды героина. С юридической точки зрения правовой базой для проведения операции «Канал-2007» стали решения и программа действий, принятые на конференции глав антинаркотических ведомств в декабре 2006 г. в Пекине. Помимо масштабных операций страны АТР проводят и более локально обособленные мероприятия субрегионального характера. Так, в мае-июле 2007 г. в ходе совместной операции китайской и филиппинской полиции было конфисковано 180 кг синтетического наркотика метамfetамина (известного как «лед»).

Благодаря трехлетнему тщательному совместному расследованию китайской и филиппинской полиции была обезврежена транснациональная группировка. Следует отметить, что в последнее десятилетие в практику совместной деятельности правоохранительных органов России и стран АТР прочно вошли международные операции, именуемые «контролируемая поставка». Она представляет собой специальную систему скрытого полицейского и таможенного контроля, которая позволяет проследить все звенья цепи, выявить и ликвидировать устоявшиеся международные каналы сбыта и транспортировки наркотиков. Вместе с тем, широкое применение таких оперативных мероприятий в сотрудничестве с большим количеством стран АТР наталкивается на несоответствие законодательства стран региона. В частности, само понятие «контролируемая поставка» имеет неоднозначную трактовку во внутреннем законодательстве. В разных странах данное понятие существенно различается, а в нормативно-правовых актах такого государства, как Лаос, вообще отсутствует. Кроме того, в разных странах АТР результаты данных мероприятий имеют различную доказательственную силу, что затрудняет наступление судебных последствий для всех задержанных в разных странах лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков. В этой связи можно высказаться за скорейшую активизацию процессов гармонизации законодательства стран региона, по крайней мере в вопросах единого установления юридических терминов.

Проведенный анализ показал неравномерность распределения форм сотрудничества Монголии с отдельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере борьбы с преступностью. По нашему мнению, Монголии следует в заключаемых с государствами региона профильных соглашениях стремиться закрепить как можно более широкий спектр форм взаимодействия, поскольку если некоторые неучтен-

ные в договорах формы будут востребованы правоохранительными органами в будущем, не будет необходимости в трате времени на внесение изменений в действующую нормативно-правовую базу.

Nyamdulam J. International legal bases of cooperation between law enforcement authorities of the Asia-Pacific region // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 178 – 183.

The article dedicated to the retrospective of the international law based cooperation within the Asia-Pacific region law enforcement agencies in a counteraction to the most severe types of crimes. In this work the analysis concerns the agreements concluded by the Ministry of Justice of Mongolia with nineteen countries of the region, among which: Japan, Russia, China, Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, Hungary, India and others. For identification and comparison of forms of cooperation all types of agreements – interstate (intergovernmental) and interdepartmental were exposed to the analysis.

Key words: Asia-Pacific region, international cooperation, international agreements, law enforcement agencies, criminality, narcotics.

Spisok literatury:

1. Volevodz A. G. Mezhdunarodnyj rozysk, arest i konfiskaciya poluchennyh prestupnym putem denezhnyh sredstv i imushchestva: Pravovye osnovy i metodika. – M., 2000. – S. 24.
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF «O podpisanii ob organizacii prigranichnogo sotrudnichestva mezhdou Federal'noj sluzhboj RF po kontrolyu za oborotom narkotikov i Ministerstvom obshestvennoj bezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. N 39. St. 9007.
3. Nomokonov V., Barannik I. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kontrabandoj narkotikov na Dal'nem Vostoke // Ugolovnoe pravo. – 2006. – № 4. – S. 17.

УДК 341.231.14 : 341.48

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ЛИЦ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ

Пастухова Л. В.

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал)

В статье подается историко-правовой анализ развития норм о запрещении насильственных исчезновений, акцентируется внимание на влиянии практики Межамериканского суда по правам человека на этот процесс, а также международного сотрудничества государств этого региона. Анализируется понятие насильственного исчезновения в различных международных документах. Рассматривается нормативное содержание Конвенции о защите лиц от насильственных исчезновений 2006 г., указываются определённые «недостатки» этого договора. Подается характеристика насильственного исчезновения как нарушения комплекса основных прав человека и как нарушения отдельного права человека абсолютного характера. Рассматривается вопрос о делящемся характере международно-противоправного деяния – насильственного исчезновения, и особенностях международно-правовой ответственности государства. Характеризуются насильственные исчезновения как преступления против человечности: состав преступления по уставу Международного уголовного суда.

Акцентируется внимание на актуальных проблемах защиты лиц от насильственных исчезновений, таких как ограничения прав и свобод человека в условиях борьбы с терроризмом, ответственность негосударственных субъектов в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера. Анализируется практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел о насильственных исчезновениях, перспективы развития сотрудничества в исследуемой сфере в рамках Совета Европы.

Ключевые слова: преступление насильственного исчезновения, основные права человека, международно-правовая ответственность государства, преступление против человечности, ООН, Совет Европы, Европейский суд по правам человека.

Государственная практика репрессий по отношению к политическим оппонентам, которая осуществляется посредством похищения людей и лишения их свободы стала обозначаться термином «**насильственные исчезновения**» в 60-70-х годах прошлого столетия. В отечественной науке международного права проблема защиты лиц от таких посягательств исследовалась фрагментарно, анализировалось, к примеру, значение *Международной конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений* 2006 г. (далее – *Конвенция 2006 г.*) для развития международного сотрудничества государств в сфере защиты прав человека (*В. А. Карташкин* [1]). Представители зарубежной науки международного права рассматривают вопросы: истории признания международным правом уголовно-правового характера насильственных исчезновений (*Б. Финукейн* [2]), квалификации насильственных исчезновений как преступлений против человечности в процессе принятия Римского Статута Международного уголовного Суда (*Д. Робинсон* [3]), особенностей практики рассмотрения дел о насильственных исчезновениях региональными судебными учреждениями (*О. Клауд* [4]), соотношения иммунитета высших должностных лиц госу-

дарства и ответственности за насильственные исчезновения (Дж. Пауст [5]), применения насильственных исчезновений как методов борьбы с терроризмом (М. Самтервейт [6]). Комплексному анализу Конвенции 2006 г. и ее мониторинговому механизму отдельные работы посвятили Т. Сковацци [7], С. МакКрорри [8], М. Лот Вермулен [9].

Как отмечается в Докладе Межсессионной рабочей группы, такие действия лишают человека защиты со стороны закона [10, с. 6]. Исчезнувшие лица не имеют возможности пользоваться всеми своими правами, в частности гражданскими и политическими. Специфичность и сложность понятия насильственного исчезновения обусловлены тем, что нарушаются одновременно многие права человека, такие как право не подвергаться пыткам или бесчеловечному и жестокому обращению, право на жизнь, на свободу и на безопасность, право на справедливое и открытое судебное разбирательство, а также право на признание правосубъектности и на равную защиту со стороны закона.

Подобная практика, применяемая еще нацистской Германией*, получила во второй половине XX столетия массовое распространение в латиноамериканских государствах (Гватемала, Сальвадор, Аргентина, Бразилия, Гондурас, Боливия, Мексика, Гаити), которые находились в состоянии внутреннего вооруженного конфликта и социального напряжения [7, с. 2]. Члены семей жертв, не добившись справедливого правосудия на внутригосударственном уровне, обращались к процедурам межамериканской системы защиты прав человека. Межамериканская комиссия по правам человека неоднократно привлекала внимание к подобным нарушениям в докладах по Аргентине (1980 г.), Чили (1974 г.), Гватемале (1985 г.), также эти вопросы стояли на повестке дня работы Комитета ООН по правам человека [11]. Последствия 9/11 террористических атак усилили общественный интерес в отношении исчезновений. «Война с террором» подняла новые вопросы в сфере применения норм о насильственных исчезновениях, главным образом в отношении применения двух ключевых практик: задержания без связи с внешним миром («*incommunicado detentions*») и чрезвычайных выдач («*extraordinary renditions*»). На основании «глобальной войны с терроризмом» против так называемой «оси зла» некоторые государства приняли законодательные меры, разрешающие ограничения прав человека «в качестве гарантии национальной безопасности» [12]. Современная международная практика определяет также в качестве уязвимых групп (наряду с политическими оппонентами и подозреваемыми в причастности к террористической деятельности) – гражданское население (во время вооруженных конфликтов) и мигрантов. К примеру, Конвенция Африканского Союза о защите и помощи внутренне перемещен-

* Такие действия были узаконены директивой «Nacht Nebel und Erlass» от 7 декабря 1941 г., в рамках которой лица, совершившие преступления против Рейха, подлежали тайному препровождению в Германию. При этом информирование государства гражданства и членов семьи похищенных исключалось полностью, даже в случае смерти жертвы. Цель издания соответствующего указа была изложена в сопроводительном письме В. Кейтеля от 12 декабря 1941 г.: «Эффективное и устойчивое запугивание может быть достигнуто только посредством смертной казни или мерами, с помощью которых родственники преступника и население не знают о его судьбе». Такая практика нацистской Германии была квалифицирована как преступление против человечности [3, с. 56].

ным лицам в Африке 2009 г. (Кампальская Конвенция) отдельно устанавливает обязательство по защите внутренне перемещённых лиц от таких актов, как *насильственные исчезновения* (п. 1(с) ст. 9) [13].

Одним из первых на международно-правовом уровне было решение Межамериканского суда по правам человека по делу Веласкес Родригес против Гондураса (*Velasquez Rodriguez Case*), в котором была установлена ответственность государства за насильственные исчезновения (п. 185) и указано на *составной* и *длящийся* характер таких нарушений. Также отмечалось, что практика исчезновений в дополнение ко многим непосредственно нарушаемыми положениям Конвенции [14] представляет собой *грубое нарушение договора* в том, что она является абсолютным отказом государства от ценностей, которые исходят из концепции человеческого достоинства и из большинства основных принципов межамериканской системы и Конвенции (п. 158) [15].

В качестве отдельного нарушения насильственное исчезновение было впервые определено на универсальном уровне в рекомендательном акте – *Декларации ООН о защите всех лиц от насильственных исчезновений* 1992 г. (далее – *Декларация 1992 г.*) [16], а на региональном уровне в юридически обязательном документе – *Межамериканской Конвенции о насильственном исчезновении лиц* 1994 г. (далее – *Межамериканская конвенция 1994 г.*) [17]. Этот пример – наглядная демонстрация возможности регионального сотрудничества в сфере защиты прав человека, позволяющего государствам быстрее выработать согласованный юридически обязательный документ. На универсальном уровне, напротив, потребовалось довольно продолжительное время для принятия универсальной конвенции (первый проект был представлен на обсуждение еще в 1998 г.). При разработке текста договора расходились мнения относительно необходимости формулирования нового права человека, т.е. права, *ограждающего человека от насильственных исчезновений*. Предлагалось в юридически обязательном порядке уточнить, что любое деяние, приводящее к насильственному исчезновению, является помимо произвольного лишения человека свободы разновидностью бесчеловечного обращения, не совместимого со ст. 7 *Международного пакта о гражданских и политических правах* 1966 г., и представляет собой одновременно посягательство на другие права. Такой подход был в то время уже выработан международной практикой [18; 19], когда международные органы квалифицировали эти деяния как совокупность нарушений различных прав человека. Но в тексте Конвенции 2006 г. (Преамбула и ч. 1 ст. 1) [20] появилась норма о праве каждого человека *не быть подвергнутому насильственному исчезновению*. В положениях Межамериканской конвенции 1994 г., напротив, это право не закреплено, в Преамбуле указано, что принудительное исчезновение *не нарушает какого-либо отдельного права человека*: «Признавая, что принудительное исчезновение личности нарушает многочисленные неотъемлемые и существенные права человека, закреплённые в Американской конвенции о правах человека, Американской декларации о правах и обязанностях человека, а также Всеобщей декларации прав человека». Факт закрепления этого права в ст. 1 Конвенции 2006 г. является прогрессивным развитием международного права прав человека. Существование права *per se* создаёт обязательства для государств-участников относительно обеспечения надлежащей защиты соответствующего права [8, с. 549].

Наличие же предписаний в ч. 2 ст. 1 Конвенции 2006 г., обеспечивающих аб-

солютный характер права не подвергаться насильственному исчезновению, позволяет относить его в ряд *основных*.

Конвенция 2006 г. определяет **насильственное исчезновение** как «*арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства либо лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или по согласию государства, с дальнейшим отказом признать факт лишения свободы либо сокрытие данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, в последствии чего это лицо оставлено без защиты закона*»*. Хотя под указанное определение не подпадают действия, совершаемые лицами (либо группой лиц), действующих *без разрешения, поддержки или согласия государства*, Конвенция 2006 г. устанавливает позитивные обязательства государств относительно расследования таких действий и предания виновных суду**.

В договоре определено понятие жертвы таких нарушений и обязательства государств относительно быстрого, справедливого и адекватного возмещения нанесенного ей ущерба и компенсации. Государство, таким образом, не может ограничиться принесением официальных извинений. Межамериканский суд по правам человека в свое время в деле *Барриос Алтос (Barrios-Altos) против Перу* квалифицировал как нарушение государством обязательств относительно расследования и наказания за преступление насильственного исчезновения *издание законодательных актов об амнистии*, которые являются, по мнению Суда, несовместимыми с духом и целями Конвенции» [22]. В Конвенции 2006 г. тем не менее отсутствует запрещение применения амнистии или подобных мер относительно субъектов преступления.

Регламентировано Конвенцией 2006 г. и право не поддаваться тайному содержанию под стражей, которое должно обеспечиваться предусмотренными в договоре гарантиями (ст. 17 и ст. 18).

Нормы международного права прав человека запрещают квалификацию исполнения обязанностей по подчинению приказам или распоряжениям как обстоятельства, освобождающее от ответственности за преступление насильственного исчезновения (п. 2 ст. 6 Конвенции 2006 г., ст. 8 Межамериканской конвенции 1994 г.).

Насильственное исчезновение лица является длящимся преступлением (на это указывается в п. «b» ч. 1 ст. 8 Конвенции 2006 г.), а это означает, что нарушение не может считаться окончанным, пока не станет известно о местонахождении лица и о

* Схожее определение содержит Межамериканская конвенция 1994 г. (без конкретизации действий по лишению лица свободы). А в Декларации 1992 г. такое определение содержится в Преамбуле.

** Как отметил Верховный комиссар ООН по правам человека во вступительном докладе на 9-ой сессии Комитета по насильственным исчезновениям: «Мы также видим картину о людях, которые исчезли, в массовом масштабе, в результате действий *негосударственных субъектов*. В некоторых случаях эти субъекты, которые включают в себя военизированные группы, ополченцев и организованные преступные группировки, действуют при попустительстве или толерантности государства. Но в некоторых из самых жестоких и хаотичных конфликтов в мире злоупотребления, совершаемые вооруженными или террористическими группами, или преступными организациями без попустительства государства, являются **настолько серьезными, что они должны считаться равносильными насильственным исчезновениям**» [21] (выделение текста – П.Л.).

его состоянии. *Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния* 2001 г. определяет, что «нарушение международного обязательства деянием государства, которое носит длящийся характер, продолжается на протяжении всего периода, во время которого это деяние продолжается и остаётся несоответствующим международно-правовому обязательству» [23]. Установление длящегося характера нарушения имеет особое значение для определения объёма негативных последствий и, соответственно, размера компенсации и сатисфакции жертвам нарушений.

Институционную основу механизма контроля за соблюдением обязательств по Конвенции 2006 г. составляет *Комитет по насильственным исчезновениям* (далее – *Комитет*), который имеет право на применение различных процедур, а именно: **1)** рассмотрение докладов государств-участников о применяемых мерах по выполнению обязательств на национальном уровне; **2)** рассмотрение индивидуальных прошений от заинтересованных лиц о розыске пропавших лиц и издание рекомендаций соответствующим государствам-участникам Конвенции 2006 г.; **3)** рассмотрение и принятие решений по сути индивидуальных сообщений (факультативная процедура); **4)** рассмотрение сообщений от одних государств-участников о неисполнении другими обязательств по Конвенции 2006 г. с последующей инспекцией Комитета на местах (после консультаций с государством-участником с *возможной отменой* запланированного посещения) (факультативная процедура); **6)** информирование Генеральной Ассамблеи ООН о случаях систематической практики насильственных исчезновений на территории государств-участников; **7)** подготовка ежегодного доклада о своей работе в осуществление Конвенции 2006 г. [20]. Фактически, правообеспечительный механизм по Конвенции 2006 г. включает все существующие процедуры контроля за соблюдением государствами обязательств, что, несомненно, должно повысить эффективность норм этого международного договора. Комитет проводит в рамках сессий тематические обсуждения проблемных с точки зрения применения Конвенции 2006 г. вопросов. Как правило, обсуждения проводятся с участием представителей других международных органов, а также международных неправительственных организаций* (к примеру, Международный Комитет Красного Креста (МККК)).

Существуют, однако, определённые моменты, связанные с компетенцией Комитета, на которые следует обратить внимание: во-первых, временная юрисдикция – компетенция Комитета распространяется только на случаи насильственного исчезновения, имевшие место после вступления в силу Конвенции 2006 г. Значит, учитывая длящийся характер таких нарушений, Комитет не может рассматривать случаи, произошедшие до признания соответствующей юрисдикции, даже если судьба жертвы не известна до сих пор; во-вторых, Конвенция 2006 г. не даёт разъяснений относительно юридической силы решений по индивидуальным петициям и к тому же Комитет не имеет полномочий по установлению справедливой компенсации или сатисфакции жертвам нарушений (договор устанавливает лишь общие обязательства государств в соответствии с п. 4 и п. 5 ст. 24 [20]).

* Тематами обсуждений были негосударственные субъекты и применение ст. 3 Конвенции 2006 г., а также женщины и дети как жертвы насильственных исчезновений [24, п. 18-20].

Учитывая факт незначительного количества государств, ратифицировавших Конвенцию 2006 г., важной составляющей международного механизма защиты лиц от насильственных исчезновений является деятельность созданной Комиссией ООН по правам человека в 1980 г. *Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям* (далее – *Рабочая группа*), к полномочиям которой относится помощь в установлении местонахождения и судьбы пропавших без вести лиц. В пользу продолжения мандата Рабочей группы, несмотря на создание специализированного конвенционного органа (т.е. Комитета) и возможное дублирование полномочий (к примеру, ст. 30 Конвенции 2006 г.), говорит наличие следующих факторов: **1)** у Рабочей группы универсальная географическая сфера охвата, тогда как Конвенция 2006 г. распространяется только на государств-участников; **2)** в мандат Рабочей группы также входят полномочия по *мониторингу за имплементацией положений Декларации 1992 г.* [25]. Как отмечается в национальном докладе РФ, подготовленном в рамках второго цикла универсального периодического обзора (УПО), с момента создания Рабочей группы государство активно сотрудничает с данным механизмом – проводятся тщательные проверки по каждому случаю исчезновения и представляются соответствующие материалы Рабочей группе [26, п. 16].

Широкомасштабная или систематическая практика насильственных исчезновений признана *преступлением против человечности*: соответствующие формулировки содержатся в Конвенции 2006 г (ст. 5), в Декларации 1992 г. (Преамбула), а также в Межамериканской конвенции 1994 г. (Преамбула). Конкретное определение соответствующего состава преступления содержит п. 1(i) ст. 7 *Римского Статута Международного уголовного суда* 1998 г. (далее – *Статут МУС*) [27]. В то же время в отличие от Конвенции 2006 г. и Декларации 1992 г. вошедшее в Статут МУС определение ограничено определёнными деяниями (арест, задержание или похищение людей) [28, с. 455], при этом добавлен новый субъект преступления – *политическая организация*, а также установлен мотив – *лишение защиты со стороны закона в течение длительного времени* [29, с. 134–135]. Делегаты, работавшие над Римским Статутом МУС, с осторожностью относились к идее внесения насильственных исчезновений в перечень преступлений против человечности. Как отмечает *А. Кассезе*, на момент подписания Статута МУС 1998 г. насильственное исчезновение не считалось преступлением по международному обычному праву и было скорее новым преступлением, содержащимся в «норме, которая формируется и возникла в договорном праве» [30, с. 80] (прежде всего имея в виду Межамериканскую конвенцию 1994 г.). *Б. Финукейн* считает напротив, что уголовное преследование за насильственные исчезновения происходит из международного гуманитарного права, а не из международного права прав человека [2, с. 171], ссылаясь на уже известную практику Нюрнбергского военного трибунала [2, с. 177–178]. При этом исследователь подчеркивает, что сначала преследование осуществлялось в ограниченном контексте – за действия, совершенные во время вооруженного конфликта воюющей стороной на оккупированной территории [2, с. 172]. Тем не менее, включение насильственного исчезновения в перечень преступлений против человечности Статута МУС показало явное признание этого бесчеловечного акта как имеющего особое значение для международного сообщества [3, с. 56–57].

Обычное гуманитарное право запрещает насильственные исчезновения (норма 98), причем соответствующие правила поведения распространяются на воору-

женные конфликты международного и немеждународного характера. При этом запрещение соответствующей практики корреспондирует обязательству по предупреждению и расследованию таких случаев [31, с. 340–343].

Защита лиц от насильственных исчезновений в рамках европейской системы защиты прав человека.

Совет Европы в своих актах неоднократно обращал внимание на проблему насильственных исчезновений, приводя данные о тысячах жертв таких нарушений на европейском континенте [32; 33]. Следует заметить, что в некоторых случаях ПАСЕ делает политически мотивированные выводы (например: рассматривая проблему насильственных исчезновений на территории Украины в 2014–2015 гг., не приводя никаких доказательств, возлагает ответственность на государство, не являющееся стороной конфликта [34]. В 2011 году Комитетом Министров были приняты *Руководящие принципы по искоренению безнаказанности за серьёзные нарушения прав человека* [35, с. 23], где насильственные исчезновения были включены в перечень таких нарушений.

Не будучи органом международного контроля за исполнением государствами обязательств по Конвенции 2006 г., *Европейский Суд по правам человека* (далее – *Европейский суд*) можно отнести тем не менее к международным средствам защиты лиц от таких посягательств, несмотря на то, что в *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* 1950 г. (далее – *Конвенция 1950 г.*) [36] насильственные исчезновения не упоминаются. Европейский Суд, рассматривая дела о насильственных исчезновениях, устанавливал нарушения норм Конвенции 1950 г., содержащихся в статьях 1, 2, 3, 5 и 13 [37, пар. 31–39]. В некоторых случаях Европейский Суд ссылается на нормы Конвенции 2006 г. в своих решениях (например, в деле *Ель-Масри против Бывшей югославской республики Македония* [38, с. 28–29]). В деле *Варнава и другие против Турции* [39] Европейский Суд расширил временную юрисдикцию относительно применения норм Конвенции 1950 г., касающихся процедурных обязательств по расследованию исчезновений. Вообще, практика Европейского Суда по рассмотрению таких дел способствовала дальнейшей разработке отличий между материальными и процедурными обязательствами по статьям 2, 3 и 5 Конвенции 1950 г. [36], развитию правил определения *ratione temporis* и оценки доказательных материалов сторон. Вместе с тем, Европейский Суд разработал строгие стандарты относительно того, что требуется от государства с целью защиты права на жизнь в соответствии со ст. 2 Конвенции 1950 г., а также с точки зрения обязанности по расследованию смертей в заключении. Появилась практика присвоения близким родственникам исчезнувших лиц статуса потерпевших на основании ст. 3 Конвенции 1950 г.

*К. Пургуридес** настаивает на необходимости в числе прочего начать процесс подготовки в рамках Совета Европы нового согласованного международного договора по защите лиц от насильственных исчезновений с учетом пробелов и неточностей, имеющих в универсальной Конвенции 2006 г. [40, с. 23]. Звучали также и предложения разработать и принять дополнительный протокол к Конвенции 1950 г. На данный момент, принимая во внимание тот факт, что лишь 18 государств-членов

* Докладчик по проблеме насильственных исчезновений Комитета ПАСЕ по юридическим делам и правам человека.

Совета Европы выразили согласие на обязательность положений Конвенции 2006 г. для них [41], и учитывая юридические возможности мониторингового механизма, Европейский суд по правам человека будет и в дальнейшем выполнять роль основного средства защиты лиц от насильственных исчезновений на европейском континенте.

Таким образом, в современном международном праве насильственное исчезновение признается как комплексное нарушение основных (абсолютных) прав человека, как нарушение права человека не подвергаться насильственным исчезновениям с одновременным признанием абсолютного характера этого права. На универсальном и региональном уровне сотрудничества государствами признан уголовно-правовой характер и состав такого правонарушения, установлены обязательства по расследованию, предупреждению таких преступлений и преследованию виновных лиц (соответствующими нормами как договорного, так и рекомендательного характера, при этом принятие *Декларации 1992 г.* [16] говорит о признании вышеперечисленных норм подавляющим большинством государств). Насильственные исчезновения, осуществляемые во время вооруженного конфликта, запрещаются нормами обычного гуманитарного права. Международное уголовное право относит широкомасштабную практику насильственных исчезновений к преступлениям *против человечности* (Статут МУС подписали 139 государств [42]). Основные задачи на международно-правовом уровне заключаются в увеличении количества государств-участников Конвенции 2006 г. как документа с комплексом норм, направленных на охрану, защиту лиц от таких посягательств, сотрудничество государств в вопросах противодействия таким преступлениям. Имплементация соответствующих конвенционных норм на внутригосударственном уровне создаст дополнительный комплекс гарантий прав человека, а значит, повысит уровень их соблюдения.

Список литературы:

1. *Карташкин В. А., Саакян С. Г.* Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений и развитие сотрудничества государств по правам человека // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. – 2007. – № 1. – С. 11–21.
2. *Finucane B.* Enforced disappearances as a crime under international law: a neglected origin in the laws of war // *Yale Journal of International Law.* – 2010. – Vol. 35. – P. 171–179.
3. *Robinson D.* Defining “Crimes against Humanity” at the Rome Conference // *American Journal of International Law.* – 1999. – Vol. 93, No. 1. – P. 43–57.
4. *Claude O.* A comparative approach to enforced disappearances in the Inter-American court of human rights and the European court of human rights jurisprudence // *Intercultural Human Rights Law Review.* – 2010. – Vol. 5. – P. 407–462.
5. *Paust J.* Civil liability of Bush, Cheney, et al. for torture, cruel, inhuman, and degrading treatment and forced disappearance // *Case Western Reserve Journal of International Law.* – 2009. – Vol. 42. – P. 359–388.
6. *Satterthwaite M.* Extraordinary rendition and disappearances in the “war on terror” // *Gonzaga Journal of International Law.* – 2006–2007. – Vol. 10. – P. 70–78.
7. *Scovazzi T., Citroni G.* The Struggle against Enforced Disappearance and the 2007 United Nations Convention. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – 432 p.
8. *McCrory S.* The International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance // *Human Rights Law Review.* – 2007. – Vol. 7. – P. 545–566.
9. *Lot Vermeulen M.* Enforced Disappearance Determining State Responsibility under the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance // *School of Human Rights Research Series (Utrecht University School of Law).* – 2012. – Vol. 51. – 572 p.

10. Док. ООН E/CN.4/2003/71. – 12 февраля 2003 г. Доклад Межсессионной рабочей группы открытого состава по разработке проекта юридически обязательного нормативного документа о защите всех лиц от насильственных исчезновений.
11. *Grossman C. M. Disappearances* / Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: http://www.mpepil.com/subscriber_article?script=yes&id=/epil/entries/law-9780199231690-e778&resno=42&letter=D (дата обращения: 05.01.2016).
12. *Pervou I. The Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance: Moving Human Rights Protection Ahead* // European Journal of Legal Studies. – 2012. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 145–171. URL: http://www.ejls.eu/10/129_UK.htm (дата обращения: 05.01.2016).
13. African Union Convention for the protection and assistance of internally displaced persons in Africa (Kampala Convention). URL: <http://www.unhcr.org/4ae9bede9.html> (дата обращения: 05.01.2016).
14. American Convention on Human Rights. URL: http://www.hrcr.org/docs/American_Convention/oashr.html (дата обращения: 05.01.2016).
15. *Velasquez Rodriguez Case, Judgment of July 29, 1988*. URL: <http://www.tjssl.edu/slo-mansonb/Honduras.html> (дата обращения: 05.01.2016).
16. UN Doc. A/RES/47/133. – 12 February 1993. Declaration on the Protection of All Persons from Enforced Disappearance.
17. Inter-American convention on forced disappearance of persons 1994. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-60.html> (дата обращения: 05.01.2016).
18. *Case of Kurt v. Turkey* // International Journal of Human Rights. – 1998. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 124–128.
19. UN Doc. CCPR/C/51/D/449/1991. – 1994. Communication No. 449/1991: *Mojica v. Dominican Republic*.
20. International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (New York, 20 December 2006). URL: <http://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/disappearance-convention.pdf> (дата обращения: 05.01.2016).
21. Opening remarks by Mr. Zeid Ra'ad Al Hussein United Nations High Commissioner for Human Rights. Geneva, 7 September 2015. URL: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CED/Shared%20Documents/1_Global/INT_CED_OCR_9_23795_E.pdf (дата обращения: 05.01.2016).
22. *Case of Barrios Altos v. Peru, Judgment of March 14, 2001 (Merits)*. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_75_ing.pdf (дата обращения: 05.01.2016).
23. Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. United Nations, 2005. URL: http://untreaty.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (дата обращения: 05.01.2016).
24. UN Doc. A/67/56. Доклад Комитета по насильственным исчезновениям.
25. UN Doc. A/HRC/WGEID/102/2.
26. UN Doc. A/HRC/WG.6/16/RUS/1. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к Резолюции 16/21 Совета по правам человека. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/106/53/PDF/G1310653.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.01.2016).
27. Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, 17 July 1998) // UNTS. – 2004. – Vol. 2187, No. 38544. – P. 90–158, 230–306.
28. *Верле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / пер. с англ. С. В. Саяпина. – О.: Феникс; М.: ТрансЛит, 2011. – 910 с.*
29. ICC-ASP/1/3(part II-B). – 09.09.2002. Elements of crime.
30. *Cassese A. International Criminal Law*. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
31. *Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. Customary International Humanitarian Law. Volume I: Rules*. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2005 (reprinted in 2009). – 628 p.
32. Resolution 1868 (2012) I. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=18076&lang=en> (дата обращения: 10.01.2016).
33. Resolution 1956 (2013). Missing persons from Europe's conflicts: the long road to finding humanitarian answers. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=20221&lang=en> (дата обращения: 10.01.2016).
34. Resolution 2067 (2015). Missing persons during the conflict in Ukraine. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=21970&lang=en> (дата обращения: 10.01.2016).
35. H/Inf (2011) 7. Eradicating impunity for serious human rights violations. Guidelines and reference texts. – Strasbourg: Council of Europe, 2011. – 68 p. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/Impunity_en.pdf (дата обращения: 10.01.2016).
36. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* от 4 ноября 1950 г. // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 510–521.

37. Doc. 10679. – 19 September 2005. Enforced disappearances. Report. Committee on Legal Affairs and Human Rights. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=11021&lang=EN> (дата обращения: 14.01.2016).
38. El-Masri v. The Former Yugoslav Republic of Macedonia (Application no. 39630/09). Judgment. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-11562> (дата обращения: 14.01.2016).
39. Varnava and Others v. Turkey (Applications nos. 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 and 16073/90). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94162> (дата обращения: 14.01.2016).
40. AS/Jur (2011) 45. – 4 November 2011. The International Convention for the Protection of all Persons from Enforced Disappearances. Committee on Legal Affairs and Human Rights. Report (Rapporteur: Mr. Christos Pourgourides, Cyprus, Group of the European People's Party). URL: <http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2011/ajdoc45.pdf> (дата обращения: 14.01.2016).
41. International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (New York, 20 December 2006). Status as at: 14-01-2016 08:12:42 EDT. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/MTDSG/Volume%20I/Chapter%20IV/IV-16.en.pdf> (дата обращения: 14.01.2016).
42. Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, 17 July 1998). Status as at: 14-01-2016 05:03:17 EDT. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/MTDSG/Volume%20II/Chapter%20XVIII/XVIII-10.en.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).

Larisa V. Pastukhova. International legal protection of persons from enforced disappearance // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 184 – 193.

The article contains the historical and legal analysis of the development of norms on the prohibition of enforced disappearance. Particular attention is given to the impact of the practice of the Inter-American Court of Human Rights on the abovementioned process and to international cooperation of the states of this region. The article also contains the consideration of the notion of enforced disappearance enshrined in various international documents and of the normative content of the Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (2006) and points out certain “shortcomings” of the mentioned treaty. The author characterizes the enforced disappearance as a violation of the complex of fundamental human rights and as a violation of a separate individual absolute right and moreover considers the question of a continuing character of the internationally wrongful act – enforced disappearance – and the peculiarities of the international legal responsibility of states for it. Enforced disappearances are also being characterized as a crime against humanity: its normative content is defined by the provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court. A special attention is given to the review of the burning problems of the protection of persons from enforced disappearances, such as the restriction of human rights in the course of fight against terrorism, the responsibility of non-state actors in the time of internal (non-international) armed conflict. The article also pays attention to the analysis of the practice (case-law) of the European Court of Human Rights concerning the enforced disappearances.

Keywords: crime of enforced disappearance, fundamental human rights, the international legal responsibility of the state, a crime against humanity, the UN, the Council of Europe, the European Court of Human Rights.

УДК 343.157

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: КОНФЕРЕНЦИЯ В
АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Обзор выступлений участников)**

Михайлов М. А., Омельченко Т. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Обзор подготовлен крымскими участниками конференции под впечатлением остроты дискуссии, возникшей как в ходе обсуждения основного доклада, представленного Ю. А. Цветковым, который озвучил амбиции на создание новой ветви власти – следственной, так и во время выступлений других участников, дискутировавших о проблемах реформирования предварительного расследования и, особенно, о целесообразности создания института следственных судей.

Законодатели, представители различных правоохранительных структур, как имеющих, так и не включающих в себя следственные подразделения, а также ученые-юристы высказали свои соображения о путях совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целом и организации предварительного расследования в частности, поделились последними изысканиями в изучении исторического и зарубежного опыта.

По мнению авторов, подобные обзоры имеют право на публикацию наряду с изданием полных материалов конференции или даже видеоотчетов о ней, поскольку могут концентрировать внимание читателя на ключевых моментах научного форума (может и не всегда объективно) с одной стороны и избавят от длительного просмотра (прослушивания) видео- или аудиограмм выступлений участников с другой.

Обзор поможет целенаправленно изучить ту часть материалов конференции или видеоотчета о ней, где сосредоточены заинтересовавшие читателя обзора доклады, выступления, сообщения и реплики.

Авторы обзора использовали аудиозаписи выступлений и фотоснимки иллюстративных материалов, а также отыскивали дополнительные источники, персоналии и факты, упомянутые в выступлениях участников, прямыми ссылками на которые снабжена гипертекстовая версия обзора.

Ключевые слова: следователь, реформирование законодательства, предварительное расследование, Следственный комитет, следственная власть, следственный судья.

20 ноября 2015 г. в Академии Следственного комитета Российской Федерации была проведена Международная научно-практическая конференция «Организация предварительного расследования: проблемы и перспективы». На этом научном форуме выступили известные ученые Российской Федерации и ведущие практики Следственных комитетов России и Республики Беларусь, а также Следственного управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Для участия в дискуссии были приглашены практики – сотрудники подразделений СКР, повышавших квалификацию в Академии, профессорско-преподавательский состав и слушатели Академии.

Открыл пленарное заседание конференции руководитель Академии генерал-майор юстиции А. М. Багмет. Он передал приветствие и пожелания успехов участ-

никам научного форума от Председателя Следственного комитета РФ, доктора юридических наук, профессора, генерал-полковника юстиции Бастрыкина А. И.

В своем выступлении А. М. Багмет подчеркнул, что на конференции будет обсуждаться одна из актуальных проблем: реорганизация предварительного расследования.

По его мнению, следователя сегодня можно рассматривать как судью стадии предварительного расследования, поскольку он не только формирует материалы уголовного дела, но и решает его дальнейшую судьбу, особенно в случаях упрощенного производства.

Выступающий отметил необходимость укрепления самостоятельности следователя и предложил отнестись с осторожностью к законодательным инициативам депутатов Государственной Думы Российской Федерации Синельщикова Ю. П. и Паневежского В. А., в прошлом заместителей прокурора Москвы. Эти законодательные инициативы, отметил А. М. Багмет, внесут дисбаланс в работу правоохранительных органов, изменив подследственность, что идет в разрез с общим направлением реформы судопроизводства.

Обращаясь к присутствующим, А. М. Багмет выразил мнение, что следователи Следственного комитета РФ работают лучше, чем работали следователи прокуратуры, хотя условия работы значительно усложнились, и пригласил участников конференции к серьезной дискуссии, призвав их не дискредитировать Следственный комитет РФ, а подумать над тем, как сделать его работу более совершенной.

Основной доклад конференции был представлен заведующим кафедрой управления следственными органами и организации правоохранительной деятельности Академии СК РФ кандидатом юридических наук Цветковым Ю. А., который уже в названии своего выступления поставил перед присутствующими вопрос: Суверенная национальная модель следственной власти: миф или реальность?

Отвечая на него, автор доклада отметил, что следственная власть сегодня находится на перепутье в связи с выделением следствия из органов прокуратуры. Реформа 1991 г. предполагает создание трех во многом взаимоисключающих друг друга моделей следствия, таких как:

- ведомственная универсальная;
- вневедомственная универсальная;
- ведомственная специальная.

Докладчик напомнил, что в российской истории лишь Н. И. Стояновскому и А. Я. Вышинскому удавалось создать жизнеспособные модели следствия. Первый адаптировал к нашей российской действительности французскую систему, получив нечто оригинальное, просуществовавшее более 70 лет, а модель Вышинского проработала еще больше и перешла в XXI век.

Сегодня в условиях смены доктрин докладчик предполагает два пути развития. Либо скопировать одну из удачных западных моделей, либо смешать западное с отечественным, и выдать это за что-то новое. Ю. А. Цветков поставил вопрос: а есть ли в стране такая научная школа, которая смогла бы создать суверенную модель предварительного следствия, и сам же на него ответил, заявив о научной школе Академии Следственного комитета РФ.

Суверенная модель предварительного следствия, по мнению выступающего, основывается на национальных традициях и отвечает базовым национальным интере-

сам. Национальные традиции восходят еще к майорским следственным канцеляриям Петра I, которые вышли из русской гвардии как национального управленческого института, и олицетворяют сильного следователя. Такой статус следователя отвечает национальным интересам, что можно проследить на примере раскрытия наименее латентных преступлений – умышленных убийств, которых в России раскрывается девять из десяти, а в США, где нет аналога предварительному следствию, лишь шесть. Докладчик вновь поставил перед аудиторией вопрос о том, готовы ли мы пожертвовать своими национальными интересами, в том числе высокой раскрываемостью, в пользу какой-то новой западной не апробированной российской действительностью моделью?

Ю. А. Цветков заявил, что настало время говорить о новой самостоятельной ветви власти, власти следственной. Рассуждая о том, к какой ветви власти относится Следственный комитет, автор доклада уточнил, что в перечне органов исполнительной власти комитетов нет. В общероссийском классификаторе органов государственной власти Следственному комитету присвоен шифр судебного органа (14.000.50), что дает право следователям СК РФ называть себя судебными. В ведомственной доктрине Следственный комитет является логическим продолжением власти президентской, однако, по мнению выступающего, следствие существовало еще и в допрезидентские времена и не может быть продолжением того, чего не было. В докладе было отмечено, что концепция трех ветвей власти уже не соответствует действующей Конституции, предусматривающей также такие институты, как Президент, Центральный банк, Счетная палата, Уполномоченный по правам человека и даже Прокуратура. Упомянув профессора Авакьяна С. А., насчитавшего не признанных официально 11 ветвей власти, но существующих и функционирующих, выступающий предложил считать следственную власть ветвью двенадцатой, подчеркнув, что следствие достаточно значимая социальная функция, чтобы о ней упомянул Основной Закон, например, так, в главе седьмой: «Судебная власть, прокуратура, следственная власть», предоставив тем самым ей свои гарантии.

Ю. А. Цветков обозначил «тонкие красные линии», являющиеся последним рубежом защиты национальной доктрины предварительного следствия. Первая – это четкие константы начала середины и окончания следствия, то есть возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения и составления обвинительного заключения. Если эти стадии исчезнут, то следствие нивелируется с дознанием, и в МВД заявят: зачем нам Следственный комитет, нам нужен единый Департамент дознания. Тем более что институт возбуждения дела – это наша национальная новация, пусть и введенная в годы репрессий. Вторая – это функция депонирования доказательств. Если следователя лишить этой возможности, то он не только утратит свое приоритетное положение, но и весь смысл в такой процессуальной фигуре исчезнет. Третья – это процессуальная самостоятельность следователя, в связи с чем, по мнению Ю. А. Цветкова, необходимо упомянуть о прокурорском надзоре. Сегодня прокуратура совмещает власть надзорную с обвинительной, что недопустимо с точки зрения беспристрастности обвинения. По мнению автора доклада, необходимо передать в следствие функцию поддержания обвинения, и такой опыт был как у прежнего прокурорского следствия, так и сегодня, например, в Приднестровской Молдавской Республике.

Завершая выступление, докладчик заявил, что суверенная модель предварительного следствия уже не миф, но еще и не реальность. Реальностью она станет лишь после консолидации мнения ученых, институтов гражданского общества и решения политиков, а научная школа Академии Следственного комитета гарантирует постоянную работу в этом направлении.

Первым после основного доклада слово было представлено заместителю Председателя Следственного Комитета Российской Федерации, кандидату юридических наук, профессору А. В. Фёдорову, который охарактеризовал основной доклад Ю. А. Цветкова как эмоциональный, зажигательный и даже немного провокационный, что позволяет провести хорошую дискуссию и на высоком градусе сравнить различные точки зрения, ибо в споре рождается истина. Выступающий отметил, что жить так, как это было десять лет назад, уже нельзя. Следователь не должен быть всецело на стороне обвинения, его задача – установление истины по делу, неважно, формальной или абсолютной. Следователь должен разобраться и дать оценку тому, что было на самом деле.

А. В. Федоров обратил внимание на отдельную проблему, которую обозначил как «Перспективы нормативно-правового регулирования следственной деятельности по привлечению к уголовной ответственности юридических лиц». Современный юридический процесс не позволяет ее решить. Однако она актуальна как для России, так и для других стран. В советский период можно было говорить лишь о гражданско-правовой ответственности таких субъектов, административная и уголовная для юридических лиц не существовала. С переходом к рыночным отношениям ситуация кардинально изменилась. Для создания здоровой конкурентной среды объективно необходимо использование помимо гражданско-правовой и иных видов ответственности. В связи с глубокими социально-экономическими преобразованиями в РФ была введена административная ответственность юридических лиц за противоправные деяния, в т. ч. коррупционного характера, например, за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Выступающий отметил, что потенциал санкций КоАП сопоставим с размером соответствующих уголовных наказаний, а зачастую и превышает их. Так, за вышеуказанный проступок с вознаграждением в особо крупном размере предусмотрен штраф в размере стократной суммы денежных средств, незаконно переданных, обещанных или предложенных от имени юридического лица.

Практика показывает, что только в 2012–2014 гг. федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями подвергнуто административным наказаниям почти полмиллиона юридических лиц. На большую часть из них наложены штрафные санкции. Подвергнуто административному наказанию в виде штрафа в 2014 более 152 тыс. юридических лиц. При этом средний размер штрафа, назначенного юридическим лицам, составил в 2014 г. 399 тыс. руб. Средняя сумма штрафа по упоминавшейся выступающим статье КоАП в 2014 г. составила 1 856 000 руб.

Столь значительные административные санкции не только с точки зрения выступающего, но и, по мнению Европейского суда по правам человека, нашедшему отражение в решениях этого судебного органа, позволяют определять такого рода ответственность как уголовную. О необходимости признания уголовного характера расследования такого правонарушения указывает и определение Конституционного Суда РФ, подчеркнувшего, что коррупционные правонарушения юридических лиц

могут представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью коррупционных преступлений, а в некоторых случаях и более высокую.

Вместе с тем, отметил А. В. Федоров, уровень защиты прав привлекаемых к ответственности в уголовном процессе намного выше, чем в административном. Таким образом, перевод соответствующих дел в сферу уголовного процесса, по его мнению, соответствует как публичным, так и частным интересам. К тому же осуществление уголовно-процессуальной деятельности по делам указанной категории отвечает публичным интересам, так как позволяет бороться с коррупцией в условиях, когда роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, а юридическое лицо выдвигается на передний план как преступник, незаконно получающий денежные и иные выгоды от преступной деятельности.

Более чем в 70 странах мира установлена уголовная ответственность юридических лиц, в т.ч. и в большинстве стран, переживающих, как и Россия, переход от социалистических к рыночным отношениям. Выступающий отметил, что, исходя из особенностей развития этих отношений и принимая во внимание национальные правовые традиции, представляется необходимым нормативно закрепить уголовно-процессуальный порядок производства по делам об административных правонарушениях юридических лиц с одновременным расширением разнообразия административных санкций.

Профессор Федоров А. Ф. привел примеры из УПК Швейцарии, содержащего специальную статью «Уголовное производство в отношении организаций», и из «Закона об ответственности юридических лиц за уголовные преступления» Республики Сербия, включающего нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. В отдельных странах юридические лица признаются субъектами преступлений. В других – субъектами ответственности, причём как за уголовно наказуемые, так и за административно наказуемые деяния.

Выступающий допустил, что в России возможно законодательное закрепление расследования одного общего уголовного дела, по которому одновременно расследуются преступления, совершенные физическим лицом, и взаимосвязанные с ним административные правонарушения юридического лица. По мнению А. В. Федорова, это позволит существенно повысить эффективность расследования таких правонарушений и с учётом полученной практики определить, достаточно ли при таком подходе административной ответственности или требуется введение за отдельные правонарушения юридических лиц ответственности уголовной.

Заведующий кафедрой уголовного правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор Головкин Л. В. в своем выступлении «Модели российского предварительного следствия в контексте новейших инициатив» вернул дискуссию в русло организации расследования. Он сослался на выдающегося процессуалиста Н. Н. Полянского, считавшего, что одно из главных отличий англо-саксонской правовой судебной организации от континентальной заключается в отсутствии фигуры судебного следователя, органа, который сам разыскивает доказательства, а не ограничивается закреплением и проверкой доказательств, предоставленных сторонами. Вторым существенным признаком континентальной системы является то, что следователь не является и не может являться стороной.

Профессор Головкин Л. В. отметил, что хотя УПК РФ и сохранил классическую модель предварительного следствия, но, условно говоря, надломил второй существенный признак, объявив следователя стороной обвинения. Теоретически это нонсенс, это ставит перед выбором логического развития модели: либо система предварительного следствия самосохраняется, выживает и должна преодолеть рано или поздно эту деформацию, либо система разрушается, а вместе с ней разрушается и континентальная система, потому что без предварительного следствия нет континентального процесса. По мнению выступающего, это довольно нестабильная ситуация. С одной стороны, сохраняется предварительное следствие, но с другой, очевидны попытки сделать из следователя сторону. Это приведет к тому, что визуализируется и другая сторона, занимающаяся параллельным расследованием. Выступающий признался, что вместе с Федеральной палатой адвокатов пытался включить в экзамен для кандидатов в адвокаты вопрос «Институт адвокатского расследования в российском уголовном процессе», хотя все понимали, что такого института не существует, но понемногу эта идея визуализируется. И третий элемент, который необходим в данной ситуации, – любое состязание, когда оно моделируется, возможно, лишь перед неким арбитром – отсюда возникает идея следственного судьи.

По мнению профессора Головкин Л. В., такая система не будет работать эффективно хотя бы потому, что государство имеет монополию на принуждение. В любом случае никакое адвокатское расследование не может ограничивать конституционные права личности, прослушивать, проводить обыски и т.п. Предварительное следствие может развиваться только в том случае, если будут устранены внутренние противоречивые факторы, такие как: – отказ от принципов материальной истины, объективной истины; – отнесение следователя к стороне обвинения, совершенно противоречащие логике, которая должна быть.

Другие проблемы, которые, по мнению выступающего, заключаются в том, что мы имеем дело с судебным следователем в существенном смысле. Это вовсе не означает, что Следственный комитет следует немедленно передать в ведомство суда, пока это мнение имеет доктринальное значение. Самое сложное, что предстоит сделать, указал Л. В. Головкин, это перенести баланс от управленческой централизации следственных органов, которая во многом обеспечивает эффективность ведомства, к процессуальной самостоятельности следователя. Это не просто и потому, что многие современные преступления сегодня индивидуально расследовать невозможно. С другой стороны, считает выступающий, оценка доказательств всегда индивидуальна, она не может быть ведомственной, коллективной, а значит, без процессуальной самостоятельности конкретного следователя, без его самооценки как судебного следователя, без его позиционирования как правоохранителя тоже система будет в значительной мере разрушаться. Помимо внешней независимости следственного ведомства необходима внутренняя независимость конкретного следователя, его процессуальная самостоятельность, и добиться этого непростая задача.

Выступающий указал и на еще одну извечную проблему: взаимоотношение следователя и прокурора. Когда конкурируют две мощные системы, это можно понять, если мы имеем дело с коммерцией. Но если речь идет о реализации публичных функций государства, следует отметить, что у отдельно взятого ведомства не может быть своих собственных интересов, это интересы всегда публичные. При этом Л. В. Головкин считает, что чем выше судебская составляющая в деятельности кон-

кретного следователя, тем меньше потребуются прокурорской мотивации, чем она меньше, тем выше потребность в прокурорской мотивации, что было характерно для советской модели. В заключение выступающий заверил, что идея судебного следователя – это вектор, ориентир, а вовсе не призыв к сиюминутным реформам. Предварительное следствие – это наше наследие, это гарантия качества и безусловная ценность.

Советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Смирнов А. В. озаглавил свое выступление «Проблемы оптимизации предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве» и заявил, что будет говорить о месте следственных органов в системе других субъектов уголовного процесса и вообще в уголовном судопроизводстве. По его мнению, многочисленные изменения в нынешнем УПК, внесенные почти в каждую статью, дают основание усомниться в том, что он еще не исчерпал своих возможностей и свидетельствуют о том, что надо что-то менять.

Обратившись к уголовной статистике, выступающий отметил, что уголовные дела возбуждаются всего-навсего по 18% зарегистрированных сообщений о преступлениях. В суд идет только 75% из числа раскрытых уголовных дел. Приговоры судами выносятся не более, чем по 70% – 75% поступивших к ним дел. То же самое и в апелляционной инстанции. Адресовав слушателей к своей статье «Российский уголовный процесс: от заката до рассвета», где статистические выкладки приведены более подробно, выступающий отметил, что в конечном итоге только по 6% из числа зарегистрированных сообщений по преступлениям выносятся обвинительные приговоры. При этом прокуратура в 100 раз чаще отменяет постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (9-11 тыс. постановлений в год), чем постановления о его возбуждении (11-12 млн. постановлений в год). Эта статистика позволяет сделать вывод о недостаточной репрессивности нашей уголовно-процессуальной системы, но, с другой стороны, статистика оправдательных приговоров в 0,4% – 0,5% свидетельствует об обратном.

Профессор Смирнов А. В. обратил внимание на наметившуюся тенденцию – предварительное следствие явочным порядком стремится переместиться в стадию возбуждения уголовного дела, где можно выяснить все обстоятельства и, не будучи связанным никакими формальностями, принять решение, которое учитывает наличие или отсутствие судебной перспективы. При этом даже принимаются решения нереабилитирующего характера, а событие засчитывается в число раскрытых преступлений. Это нарушение закона, но практика именно таким уродливым путем реализует объективную потребность.

По мнению выступающего, это заставит в XXI веке модернизировать предварительное расследование. Оно должно быть деформализовано. Весь мир идет по этому пути, и только мы сохраняем приверженность сформировавшемуся еще в XV веке французскому процессу (Ордонанс Франциска I), ведению протокольного предварительного следствия, имеющему бумажный, длительный и неповоротливый характер. Причиной того, что буксует предварительное следствие, считает выступающий, является тот факт, что следователь больше времени тратит на оформление бумаг, а не на раскрытие преступления. В предложении путей деформализации предварительного следствия А. В. Смирнов отверг упреки в свой адрес в насаждении американских порядков. Там эта стадия чересчур деформализована. Легализация доказа-

тельств происходит чаще всего в суде. В случае изменения показаний полицию вызывают в суд, что ее, конечно же, не устраивает. Поэтому большинство дел полиция сводит к сделкам и решения по ним выносятся без доказательств. В связи с этим необходимо внедрение такой деформализации следствия, при которой доказательства легализуются уже на этой стадии. Решением проблемы, по мнению выступающего, может быть создание нового субъекта уголовного процесса – следственного судьи.

Полемизируя с профессором Головки Л. В., как истинным франкоманом, выступающий отметил, что не имеет в виду следственного судью по французскому образцу, поскольку судья, собирающий доказательства обвинения, избличает виновного и является субъектом уголовного преследования. Это порок французской судебной системы, в силу которого судья в ходе судебного разбирательства вынужден вступать в противостояние с адвокатами, подыгрывать следствию, ретушировать его обвинение и становится придатком следственной власти. Выступающий считает, что французская система устарела и сегодня используется лишь в самой Франции, а также в Бельгии и Нидерландах. По его мнению, необходим судья над следствием. Попытку реализации такой идеи предприняли Украина и Казахстан, в подготовке теоретической модели УПК которых он принимал участие. В этих законах введен судья с функциями легализации доказательств и введено депонирование доказательств. Однако, как показывает немецкий опыт, и этого недостаточно. В деле возникают два сорта доказательств: те, что собирает прокуратура и полиция, и те, что легализуются в присутствии следственного судьи – показания, экспертизы и т.п. По мнению профессора Смирнова А. В., и следователь вправе через следственного судью легализовать те доказательства, которые сочтет нужными. Такая состязательность на предварительном расследовании вполне может быть реализована.

В реплике к выступлению А. В. Смирнова модератор конференции А. М. Багмет предположил, что если при анализе уголовной статистики следует исходить не из общего числа зарегистрированных сообщения о преступлениях, а из числа фактов, имеющих состав преступления, то конечный выход обвинительных приговоров будет составлять далеко не 6%.

Доктор юридических наук, профессор Белкин А. Р., представляющий Институт комплексной безопасности Московского государственного университета информационных технологий, радиотехники и электроники в заглавие своего выступления поставил вопрос: Так ли уж нужен следственный судья? Прежде чем на него ответить, выступающий призвал более внимательно и скрупулезно относиться к озвученным цифрам, указав на арифметическую ошибку в сравнении данных результатов прокурорского надзора, представленных профессором Смирновым А. В. Профессор Белкин А. Р. предложил и более ответственно относиться к используемым определениям, отметив, что беспристрастность и объективность следователя – это не одно и то же. Смешение понятий наблюдается и в спорах о следственном судье, которого необоснованно отождествляют с судебным следователем. По мнению выступающего, даже Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин, утверждая, что воссоздание корпуса следственных судей поможет решить системные проблемы уголовного процесса, допустил ошибку. Ведь в России никогда не было следственных судей. Продолжая полемику с предыдущим оратором, профессор Белкин А. Р. уточнил, что и во Франции был не следственный судья, а судебный

следователь. И предварительного следствия в этой стране в чистом виде нет, а существует лишь дознание.

Выступающий усомнился в предположениях авторов концепции создания института следственных судей в том, что это позволит снизить объем документооборота, разгрузит районные суды и позволит не допрашивать в суде лиц, показания у которых уже получил следственный судья. Такие допросы нарушают принцип непосредственности судебного разбирательства. О снижении нагрузки, судя по публикациям авторов, работавших на Украине, также говорить не приходится. Предлагаемый штат всего в 366 следственных судей на всю Россию лишь снизит эффективность обращения сторон к этому субъекту уголовного процесса. Дополнительный судебный контроль замедлит предварительное следствие и создаст массу препятствий, что приведет к дополнительному расходу времени, а также человеческих и материальных ресурсов.

Профессор Белкин А. Р. высказался и против смешения следственных и судебных функций. Смешение чисто следственных и чисто судебных функций хорошо видно в концепции и не может не вызывать протеста. В частности, предложение по наделению нового субъекта процесса полномочиями по проведению по ходатайству стороны защиты или обвинения, так называемых судебных следственных действий. Выступающий подверг критике предложение о том, что следственный судья по ходатайству сторон назначает проведение таких следственных действий, как допросы, очные ставки, проверки показаний на месте. Если следственный судья допрашивает сам, то какие вопросы он будет задавать, если он следствие не ведет. Если это по требованию судьи будет проводить следователь, то это не соотнобразится с ч. 2 ст. 189 УПК РФ о том, что следователь свободен в выборе тактики допроса. Вообще получится так, что вся следственная работа будет требовать судейского («высочайшего» как выразился А. Р. Белкин) одобрения. Каждый допрос придется проводить в присутствии следственного судьи, которых всего четыре на субъект Федерации. Авторы критикуемой выступающим концепции, по его мнению, предлагают дублировать процессуальные действия. Сначала проверку осуществляет следственный судья на досудебной стадии, а затем ту же оценку допустимости доказательств будет давать обычный судья в ходе судебного разбирательства. К тому же следователю потребуются обращаться за разрешением следственного судьи буквально во всем. Разумные сроки производства будут потрачены вовсе не на раскрытие преступления, сроки содержания под стражей удлинятся, и сроки предварительного расследования вовсе не сократятся.

Кроме того, этим может злоупотреблять и сторона защиты. Ей достаточно представить заведомо абсурдные доказательства, после чего обжаловать решение о приобщении к следствию по факту, и следователь должен будет постоянно появляться у следственного судьи, чтобы хоть как-то реагировать на эти действия защиты, сколько бы необоснованными они не были.

Профессор Белкин А. Р. предлагает обратиться к реальному опыту Крыма, на территории которого уже полтора года действовал такой УПК, и результаты его введения были далеко нерадужными. Надежды на сокращение документооборота, сроков расследования уголовных производств, защиту потерпевших от необоснованных отказов в расследовании, а подозреваемых и обвиняемых от произвола и нарушения прав человека, мягко говоря, не оправдались.

Введение института следственных судей на уровне субъекта чревато ещё одной опасностью. Следственный судья не в силах анализировать всю совокупность доказательств по каждому делу и держать их в памяти, поэтому в конце концов он превратится в своего рода нотариуса.

При всех указанных выступающим недостатках концепции он считает, что сама идея следственного судьи очень конструктивна и привлекательна, но лишь в том случае, если он будет наделен следующими полномочиями:

1. Выдача разрешений органам следствия и дознания на проведение следственных действий и ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

2. Принятие решений по ходатайствам стороны обвинения о мерах пресечения и других мерах. При этом профессор Белкин А. Р. упомянул два момента:

а) передача этой функции от судьи, который будет разрешать дело по существу к следственному судье, только укрепит объективность рассмотрения дела в суде;

б) правом подачи таких ходатайств следует наделить и сторону защиты, в таком случае интересы потерпевшей стороны будут защищены в большей степени.

3. Рассмотрения жалоб на действия или бездействия органов предварительного расследования, в том числе по вопросам допустимости полученных доказательств, нарушений разумных сроков расследования. Рассмотрение жалоб защиты, на ведение уголовного преследования при наличии вступившего в силу судебного акта, подтверждающего правомерный характер действий, совершенных обвиняемым. Следственный судья мог бы осуществлять, в случае необходимости, отвод защитника, представителя потерпевшего и специалиста, заявленного стороной защиты. Отдельные функции, например, принятие решения об отстранении от должности, можно оставить и прокурору.

Идея следственного судьи состоит в том, чтобы осуществлять оперативный судебный контроль, – резюмировал выступающий.

Заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор Гаврилов Б. Я. также озаглавил свое выступление вопросом: «Современное досудебное производство: способно ли оно обеспечить эффективность следственной деятельности?». Он считает, что эффективность следственной деятельности – это основной вопрос, который необходимо решать путем выработки определенной уголовно-процессуальной политики.

Выступающий представил с помощью слайдов свежую правовую статистику и указал, что нельзя игнорировать такой показатель, как общее количество сообщений о преступлениях, поскольку этот показатель первичен.

	2006	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях, млн.	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4	29,3
Возбуждено уголовных дел, млн.	3,3	2,4	2,2	2,0	1,9	1,78	1,73
В т.ч. удельный вес к	16,9%	10,7%	9,0%	8,0%	7,2%	6,0%	5,9%

числу зарегистрированных заявлений, сообщений.							
---	--	--	--	--	--	--	--

Приведенная статистика показывает, как реагируют на эти сообщения и как при серьезном росте сообщений о преступлениях по статистике сокращается преступность, то есть количество возбужденных уголовных дел. Эта ситуация объясняется тем, что увеличилось в восемь раз соотношение отказов в возбуждении уголовных дел к числу дел, возбужденных производством.

В дополнение к цифрам, приведенным профессором Смирновым Л. В. об отмене прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, выступающий уточнил, что, действительно, в прошлом году прокурорами отменялось, изменялось и повторно отменялось около 11 млн. таких постановлений. Из них первый раз 1,5 млн., повторно 400 тыс. и в третий раз около 300 тыс. постановлений. Количество возбужденных дел из отказных материалов остается незначительным – менее 10%. Исходя из этого, можно судить о низкой защите прав граждан, которые еще не стали участниками уголовного процесса, и судя по всему, никогда ими не станут. Однако по той же статистике уровень преступности в России в четыре раза меньше, чем в целом по Европе и, например, в восемь с половиной раз ниже, чем в Швеции. Все это объясняется наличием в нашем УПК возможности отказа в возбуждении уголовного дела.

По мнению профессора Гаврилова Б. Я., решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела:

- ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию;
- зачастую нарушают закон, ибо от 20% до 40% таких решений ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются;
- нерационально расходуется труд, связанный с принятием процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. 30 тыс. сотрудников полиции, офицеров, получающих приличные зарплаты, ничем не занимаются, только составляют постановления об отказе, даже проверку проводят формально.

Выступающий ознакомил аудиторию с динамикой соотношения количества отказных материалов и возбужденных уголовных дел.

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных материалов»	Удельный вес к возбужденным делам (в%)
1992	2,8 млн.	1,3 млн.	47,7%
2002	2,5 млн.	3,8 млн.	148,4%
2010	2,2 млн.	6,0 млн.	272,7%
2012	1,9 млн.	6,4 млн.	336,8%
2013	1,8 млн.	6,7 млн.	380%
2014	1,73 млн.	6,7 млн.	387%

Он упомянул и о 540 тыс. нарушений, выявляемых при проверке постановлений об отказе, при этом десятки тысяч сотрудников привлекаются к ответственности. А ведь еще ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный сле-

дователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка». Сегодня, по предложению выступающего, указанные предложения включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования ОВД Российской Федерации (п. 4.5.) и представлены рабочей группе МВД России для включения в проект соответствующего федерального закона. Ещё более жестко записана концепция судебной реформы: если установлена заведомая ложность заявления, то это заявление должно служить безусловным поводом к началу производства уголовного дела.

Многие республики бывшего СССР исключили из УПК возбуждение и отказ в возбуждении дела. Непросто этот процесс проходит в Казахстане, на Украине, но и в РФ все новое невозможно освоить за год или за два.

Раскритиковал выступающий и практику возбуждения отдельных уголовных дел по всем фактам многоэпизодных производств и двухмесячный срок, которого не хватает по сложным делам, и сроки содержания под стражей, в результате чего следователь тратит массу времени на подготовку постановлений, а не на расследование. По его мнению, и институт предъявления обвинения архаичен. Если ранее это было поводом для вступления в процесс защитника, то сегодня защитник может вступить вообще на стадии проверки. Пределы судебного разбирательства определяются обвинительным заключением, Европейский суд по правам человека также определил, что обвинению должно придаваться содержательное, а не формальное значение. Без обвинения уже рассматривается часть дел при расследовании в форме дознания.

В заключение профессор Гаврилов Б. Я. обратил внимание на то, что, судя по статистике возвращенных прокурорами уголовных дел на дополнительное расследование, их количество увеличилось после того, как прокуратура лишилась функций проведения предварительного расследования, что свидетельствует о повышении качества надзора. Возросло и качество дел, оконченных дознанием, после введения такого субъекта как начальник подразделения дознания.

Свое выступление Председатель редакционного совета журнала «Уголовное судопроизводство» судья Верховного суда РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор Колоколов Н. А. «Организация предварительного расследования: Проблемы и перспективы разделения труда» начал с презентации книги «Аппарат власти следственной», авторский коллектив которой он возглавлял. Полемизируя с предыдущими выступающими о существовании следственной власти, он отметил, что только государству принадлежит аппарат следственной власти. А пока в государстве налажена организация власти, у нас должен быть один стандарт понимания этих вопросов. Ссылаясь на низкий процент оправдательных приговоров, выступающий иронизировал, что у нас в постсоветской стране так сложилось, что все должно быть без ошибок: избирателей – 100%, раскрываемость – 100%. Организация следственной власти также зависит и от культуры народа и от специфики разделения труда. Н. А. Колоколов рассуждал о том, чьего труда больше в уголовном деле: следователя, эксперта, судьи, адвоката. Ведь многое в приговоре написано следователем, а по делам, например, о крушении самолета – экспертом. Адвокат еще до возбуждения дела может провести свое расследование и убедить следователя возбудить уголовное дело. Выступающий отметил, что, несмотря на разговоры о том, что мы защищены мало, общество в целом довольно состоянием дел как есть. Оно согласо, что у нас есть десятки миллионов людей без определенного места житель-

ства, которые живут воровством, и каждого преследовать и устанавливать истину глупо. В книге В. Н. Кудрявцева «Стратегии борьбы с преступностью» речь идёт о том, что у государства не одна цель – борьба с преступностью, а иерархия целей. И вот работа следственного аппарата в них занимает далеко не самое важное место. Когда он нужен, о нём время от времени вспоминают. Пример: убийство Б. Е. Немцова, сколько там работы следователей или других служб? Практически те рядовые сотрудники, составляющие какие-то протоколы, там и не нужны, слишком велик уровень организации такого рода расследования. Поэтому в основе всего лежит сложившееся в текущий момент разделение труда. А оно зависит, правильно было сказано вами, от состояния развития общества, это первично.

В своем выступлении первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, кандидат юридических наук Агеев А. А. поприветствовал участников конференции от лица депутатов ГД РФ и своего комитета. По его мнению, с сентября 2007 г. сама система органов предварительного следствия претерпела огромные изменения. Безусловно, состоялась и Следственный Комитет РФ, изменены полномочия прокурора на стадии предварительного следствия, многогранно и очень сильно увеличилась значимость межведомственных связей, а также ведомственного контроля внутри следственных органов. Масштабны изменения подследственности преступлений, что свидетельствует о том, что становление Следственного Комитета продолжается.

А. А. Агеев заверил участников конференции, что в ГД РФ знакомы с процессуальными сложностями соблюдения сроков предварительного расследования по делам, подследственным СК РФ, особенно по многоэпизодным. Выступающий отметил, что в ближайшее время начнется подготовка нового варианта УПК РФ, и он надеется на помощь и содействие, на взаимную работу вместе с научным сообществом и представителями правоприменителя, прежде всего Следственного Комитета РФ. Уголовное законодательство старается шагать в ногу со временем, и при расследовании преступлений, предусмотренных новыми статьями, конечно, уровень квалификации следователей, должен быть очень высоким.

УПК постоянно совершенствуется с целью защиты государством конституционных прав, интересов граждан, защиты граждан от преступных посягательств. Но вместе с защитой прав потерпевших нельзя забывать об одном из главных конституционных принципов – презумпции невиновности. Соответственно, необходим более либеральный подход к решениям об избрании мер пресечения, особенно это относится к лицам, впервые совершившим преступления. А. А. Агеев обратил внимание на необходимость более широкого применения домашнего ареста и залога в качестве мер пресечения. В заключительном слове отметил высокую теоретическую и практическую подготовку сотрудников Академии СК РФ, выразил надежду на тесное сотрудничество и гарантировал со своей стороны всяческую поддержку и помощь.

Председатель Национальной ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия», кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации Донцов В. В. высказал свое отношение к некоторым проблемам организации предварительного расследования. Так, по его мнению, если следователь отказывается в возбуждении уголовного дела, то сводятся на нет резуль-

таты всей оперативной работы, на которую тратятся государственные деньги. Следователь прекращает уголовное дело и не дает работы судебной и пенитенциарной системам, на которые государство тратит миллиарды. Это, по мнению выступающего, имеет ключевое значение для предварительного следствия и следователя. Единые критерии оценки эффективности и ответственности различных правоохранительных органов отсутствуют. Пока эта проблема не будет решена и соответствующие критерии не будут введены в уголовно-процессуальное законодательство, а затем и в ведомственные нормативно-правовые акты, мы будем стоять на месте, отметил выступающий.

В. В. Донцов отметил, что модернизация уголовно-процессуального законодательства в целях облегчения жизни следователю и судье не получит понимания в Совете Федерации, Правительстве и, прежде всего, в Министерстве финансов. Если же модернизировать организацию работы и уголовный процесс исходя из того, что надо снижать нагрузку на бюджет, тогда поддержка будет. Сегодня даже Верховный Суд РФ опережает органы предварительного следствия и органы дознания, например, в возможности дистанционно допрашивать свидетеля, и это закреплено в УПК. Судья может из Москвы допрашивать арестованного обитателя СИЗО Владивостока. Модернизация следственных действий – одно из базовых направлений практической деятельности.

Выступающий подчеркнул, что в среднем расследование одного дела следователем МВД стоит 50 тыс. руб., а следователем следственного комитета – 200 тыс. руб., и задался вопросом «Почему суд выносит решение о возмещении ущерба только потерпевшему?». По его мнению, есть основания для разрешения вопроса о возмещении осужденными государству расходов на расследование его дела.

Кроме этого, В. В. Донцов проинформировал участников конференции о работе ветеранской организации и наградил ряд работников общественными наградами.

Заместитель начальника Управления организации расследования преступлений центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь Казак Ю. В. рассказал о достижениях и проблемах белорусских следователей в своем выступлении «Организация и взаимодействие подразделений Следственного Комитета Республики Беларусь с органами дознания и прокуратурой при рассмотрении сообщений о преступлении». Создание СК РБ в 2011 г. в качестве самостоятельного органа уголовного преследования существенно изменило характер задач, которые стоят перед всеми государственными органами, в той или иной степени являющимися участниками уголовного процесса. И одной из важных задач является организация эффективного и конструктивного взаимодействия между следственными подразделениями, органами дознания и прокуратуры, что необходимо для полного, всестороннего и объективного разбирательства в ходе судебного производства. Решение этой задачи протекает в условиях обновления процессуальных полномочий как руководителя следственного подразделения, так и прокурора. Так, в соответствии с законодательством, процессуальное руководство расследованием, контроль за законностью и своевременностью действий следователей по расследованию преступлений, принятию мер по наиболее полному, всестороннему и объективному выяснению обстоятельств уголовных дел, осуществляют только начальники следственных подразделений. В свою очередь прокурор, в рамках надзора за соблюдением законности при производстве предварительного следствия наделен лишь правом

внесения требований начальнику следственного подразделения об устранении нарушений законодательства, которые допущены следователем. При этом за органом дознания и прокурором сохранено право возбуждения уголовного дела, проведения следственных действий и проведения расследования в полном объеме. Эффективности взаимодействия способствует создание межведомственных рабочих групп, в состав которых вовлекаются наиболее опытные сотрудники заинтересованных органов – это прокуроры, сотрудники МВД, подразделения финансовых расследований и органы государственной безопасности. На межведомственном оперативном совещании при Генеральном прокуроре РБ 13 ноября 2013 г. были выработаны единые требования к процедуре передачи материалов проверок из одного ведомства в другое, оценка законности принимаемых по ним решений.

В качестве проблемных аспектов были отмечены:

– число прекращенных уголовных производств, возбужденных органами дознания, составляет 6–7%;

– в 2015 г. в целом по республике продолжилась тенденция роста количества уголовных дел, которые возбуждаются органами прокуратуры, а в последующем прекращаются по реабилитирующим основаниям;

– расследование Следственным комитетом практически по каждому третьему уголовному делу, возбужденному прокурором о преступлениях коррупционной направленности, завершается прекращением производства за отсутствием общественно опасного деяния или же за отсутствием в деянии состава преступления.

Существенным моментом организации взаимодействия с органами дознания и прокуратуры является вопрос о формировании единых требований к содержанию материала доследственных проверок, которые могут быть признаны достаточными для возбуждения уголовного дела. Разрешить этот вопрос в нормативном порядке применительно ко всем составам преступления, по мнению выступающего, видится невозможным. В данном направлении всеми заинтересованными органами прорабатывается вопрос о создании алгоритмов, которые будут содержать единые критерии оценки достаточности собранных доказательств применительно к основным видам преступлений. Представляется, что эта разработка позволит сократить количество необоснованных решений о возбуждении уголовного дела как органами дознания, так и прокуратуры.

В своей реплике к выступлению А. М. Багмет отметил необходимость постоянного обмена опытом и сотрудничества между СК РФ и СК РБ. Сожалея о сохранении полномочий прокурора в УПК РБ, он выразил мнение, что никто ни за кем не должен надзирать, надо честно работать. А. М. Багмет предложил на должность следователя назначать лиц со стажем работы юристом 2–3 года, и лишь после квалификационного экзамена. Например, в адвокатуре уже сформирована такая практика. Он глубоко убежден и готов пойти на эксперимент, что если будет честный суд, то без прокурора на следствии будет не хуже. После отмены прокурорского надзора за судом не сбылись предсказания многих прокуроров, что все рухнет в судебной системе. А нарушения есть везде – где есть человек, – отметил А. М. Багмет.

После перерыва слово было предоставлено одному из авторов настоящего обзора заведующему кафедрой уголовного процесса и криминалистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, кандидату юридических наук, доценту Михайлову М. А. для выступления на тему «Наде-

ление следователя полномочиями негласной деятельности (на примере УПК Украины 2012 г.).

Выступающий напомнил, что необходимость широкого внедрения методов ОРД в доказывание правоприменители ощутили в 90-х годах, когда общество столкнулось с проблемой организованной преступности. Научно-технический прогресс также способствовал использованию в доказывании новых методов негласной работы. Несмотря на изменения уголовно-процессуального законодательства в этом направлении, и сегодня продолжаем слышать мнение о том, что следователь должен получить дополнительные полномочия по участию в планировании и проведении оперативно-розыскных мероприятий по делу, знакомиться с содержанием дел оперативного учета.

В выступлении было предложено не делать поспешных шагов, а более детально ознакомиться с имеющимся опытом наделения следователя полномочиями негласной работы, накопленным после вступления в силу на Украине УПК 2012 г. Источниками такого полезного опыта могут стать следователи ОВД Крымского федерального округа, которым два года пришлось поработать в условиях действия трех УПК, в т.ч. более полутора лет по УПК Украины 2012 г.

Выступающий коротко остановился на нововведениях этого закона, касающихся негласной работы следователя – институте негласных следственных действий, и новых полномочиях следователя по работе с конфидентами. Было отмечено, что сразу после введения УПК Украины 2012 года и изменения в связи с этим Закона Украины «Об ОРД» возникли проблемы с оперативно-розыскным обеспечением расследования. Вся ОРД после начала производства по делу прекращалась, оперативные аппараты были вправе проводить лишь негласные следственные действия по поручению следователя, а последний не торопился их давать, ввиду недостаточной компетенции в своих новых возможностях. Не решила проблему даже «Инструкция об организации и проведении негласных следственных действий», принятая силовыми ведомствами, в которой была попытка зарегулировать даже тактику расследования. Трудно себе представить, отметил выступающий, как следователь, кабинетный работник, будет встречаться и работать с конфидентами. Это чревато не только снижением эффективности такого взаимодействия, но и прямой угрозой безопасности и даже жизни негласного сотрудника.

Расшифровка методов негласной работы и ее участников кроется и в необходимости обязательного сообщения (якобы для защиты прав человека) фигурантам дела, даже случайно попавшим в эту сферу, о проведении в отношении них негласных следственных действий по окончании досудебного следствия. Этим же чревато и необходимость передачи ее результатов стороне защиты в условиях состязательного уголовного процесса. Сложность и разнообразие негласных следственных действий, процедуры получения разрешения на их производство вызывает затруднения даже у профессионалов оперативной работы, а что уже говорить о следователях, которые этим никогда не занимались. УПК Украины 2012 г. разрешает личное участие следователя и прокурора в негласных следственных действиях. Хотя трудно себе представить такую ситуацию, например, при обследовании жилища или иного помещения лица путем тайного в них проникновения (ст. 267 УПК Украины 2012).

В заключении выступающий делает вывод о том, что негласные методы получения доказательственной информации хотя и эффективный, но в то же время и очень

опасный инструмент, использующийся на грани закона и соблюдения прав и свобод человека, требующий повышенного внимания и контроля. Поспешное решение о наделении следователя несвойственными ему функциями негласной работы может принести больше вреда, чем достижения ожидаемого положительного эффекта.

В ходе конференции рассматривались не только современные проблемы следственной деятельности, но и уделялось внимание истории становления следователя в уголовном процессе России. В своем выступлении «Н. И. Стояновский и зарождение института судебных следователей в России» заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор юридических наук, доцент Серов Д. О. отметил, что в XIX веке следственный аппарат России создавался не с судебных следователей, а с менее известных следственных приставов Министерства внутренних дел, которые с 1808 года постепенно развивались и совершенствовались как штатная структура МВД. По официальным данным Сената, к моменту ликвидации этого института в ходе следственной реформы 1860 года в России функционировало 110 следственных приставов в 22 регионах. То есть они были представлены далеко не в каждом регионе, далеко не в каждом губернском городе, однако этот институт получил определённое развитие на протяжении первой половины XIX века.

Выступающий отметил два, на его взгляд, необычных момента. До следственной реформы 1860 г. у идеи введения судебных следователей в России был единственный разработчик. Пакет проектов законов был фактически подготовлен одним лицом – Николаем Ивановичем Стояновским. Второй момент заключается в том, что следственное переустройство было проведено как вспомогательное мероприятие в рамках подготовки основной реформы для освобождения крестьян от крепостной зависимости. То есть, она никак конституционно, персонально не была связана с проведённой вскоре после этого судебной реформой. Это был элемент реформы крестьянской, элемент подготовки освобождения крестьян в 1861 г. И в связи с этим встал вопрос об освобождении полиции от не свойственных ей функций, в том числе встал вопрос об освобождении полиции от функции производства предварительного расследования.

В комиссию по реорганизации полиции в сентябре 1859 г. был включён Н. И. Стояновский. Работая в рамках этой комиссии, Н. И. Стояновский единолично подготовил пакет из трёх законопроектов – это «Наказ следователям», «Наказ полиции для производства дознания» и «Общее Положение об отделении следственной части от полиции». Причем первоначально в тех законопроектах фигурирует термин «следственный пристав», традиционно взятый из практики МВД. Затем появился термин «следственный судья», и первоначально предполагалось наименовать нового российского следователя следственным судьёй. Но в ходе обсуждения законопроектов 1860 года в государственном совете термин «следственный судья» был отменён. Аргументация: «слова «следственный судья» могут дать неправильное представление об учреждении, поскольку этот судья не судит, а потому он должен наименоваться следователем. Но так как ныне следствие переходит в ведомство судов, то всего целесообразнее было бы назвать его судебным следователем». Таким образом, термин «судебный следователь» возник в мае 1860 г.

Выступающий подверг критике утверждения о том, что Н. И. Стояновский заимствовал положения французского законодательства, и подтвердил, что современ-

ный тезис «воссоздания следственных судей» не состоятелен с историко-правовой точки зрения. Институт следственных судей в России отсутствовал на всём протяжении её эволюции.

Все разработанные Н. И. Стояновским законопроекты были обсуждены на Государственном совете и с незначительными поправками утверждены 8 июля 1860 г. Этот день и считается датой возникновения института судебных следователей. К концу 1860 г. на службе стояло 873 судебных следователя, к которым предъявлялись довольно высокие квалификационные требования. Они сменили следственных приставов МВД. Самые последние следственные приставы проработали в Москве и Санкт-Петербурге до 1866 г., т.е. до открытия там окружных судов по реформе 1864 г.

Изъян следственной реформы был в том, что она проходила изолированно, судебные следователи внедрялись без изменения порядка судопроизводства, следствия и нового судебного устройства. Но преемственность следственной реформы 1860 г. и судебной реформы 1864 г., в частности статуса, полномочий, организации органов следствия, была обеспечена в значительной мере тем же Н. И. Стояновским, который в 1860 г. занял должность товарища (заместителя) министра юстиции, тем более что министр юстиции не имел высшего юридического образования, и фактически организатором судебной реформы со стороны министерства юстиции выступил Н. И. Стояновский.

Дальнейшая карьера Н. И. Стояновского сложилась благополучно, хотя в 1867 г. он был удален из министерства, как, впрочем, и вся реформаторская команда. Он служил в Сенате и Государственном Совете. Он умер в 1900 г. в возрасте 80 лет во Франции, тело было перевезено на Родину и погребено на кладбище Санкт-Петербурга, но в 1935 г. могила была разрушена. До сих пор не появилось фундаментального исследования жизни и деятельности этого незаурядного человека.

Проректор Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент Боруленков Ю. П. озаглавил свое выступление утверждением о том, что «Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях». Начав с исторического экскурса, выступающий остановился на особенностях инквизиционной формы уголовного судопроизводства, отмечая в качестве ее немногочисленных преимуществ минимальность формальных требований. При этом лицо, занимавшееся расследованием, было максимально приближено к источнику информации, источнику доказательств. Причиной этого, по мнению выступающего, являлось то, что и следователь, и палач, и судья были в одном лице, и в данном случае информацию из первого источника воспринимал непосредственно судья.

Выступающий отметил, что суть уголовного судопроизводства заключается в том, что познавательные цели и задачи не являются системообразующими. При исследовании того или иного судопроизводства на первый план выдвигаются вопросы обеспечения защиты признанного на данном историческом этапе типа государства и его моральных ценностей. В выступлении высказано критическое отношение к возможности повысить эффективность досудебного производства путем введения института следственного судьи.

Анализируя исторический опыт, доцент Боруленков Ю. П. привел факты негативного влияния на общественное развитие и криминальную обстановку радикаль-

ных изменений в законодательстве, не имеющих, по его мнению, под собой прочного теоретического фундамента. Доводы реформаторов о необходимости ликвидации предварительного следствия, ссылаясь на опыт других стран, нельзя признавать аргументированными. Отрицание необходимости системного анализа социальной среды, в который планируется поместить тот или иной правовой институт, приводит к его неэффективности.

Выступающим отмечалось, что в оправдание своей позиции реформаторы приводят многомиллионную прокурорскую статистику, никакого отношения не имеющую ни к законности, ни к правопорядку, а являющуюся лишь следствием гипертрофированности процедуры расследования либо оценочных категорий. При этом констатируются необходимость усиления прокурорского надзора и судебного контроля.

В то же время глубокие научные исследования в этих направлениях практически не ведутся. Придется осознать, утверждает Ю. П. Боруленков, что отказ от предварительного следствия – это путь к так называемому административному или полицейскому расследованию, которое предполагает кроме прочего и готовность полицейской, прокурорской, судебной системы работать в новых условиях, в т.ч. и готовность прокурора посетить суд и с листа предъявить обвинение. Выступающий настаивал на необходимости четкого представления о том, готов ли современный полицейский документировать доказательства, и будет ли работать презумпция добросовестности полицейского.

Сегодня суд в США совершенно иначе, чем в России, относится к показаниям полицейского. А реформаторы при этом, откровенно не доверяя предварительному следствию, следователю в частности, в то же время готовы передать расследование именно полицейскому. На стадии предварительного слушания у следственного судьи могут сформироваться только так называемые вербальные доказательства. Но расследование начинается значительно раньше появления фигуры подозреваемого, встречи стороны обвинения и защиты в суде – утверждает Ю. П. Боруленков. При этом остается открытым вопрос: как же документировать при таком подходе осмотр места происшествия, выемку, обыск? В рамках существующей структуры имеется возможность деформализовать предварительное расследование, если творчески подойти к решению текущих вопросов следствия и системы органов борьбы с преступностью, а также апробировать те предложения, которые разработали лучшие умы теории уголовного процесса.

В качестве реплики А. М. Багмет поставил риторический вопрос: кто хотел бы на себе испытать упрощенчество в доказывании, при котором ничего не записывается и никто не допрашивается?

Профессор кафедры судоустройства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Шарихин А. Е. в ходе выступления «Судебные реформы в России и их влияние на процессуальную самостоятельность следователя и надзор прокурора: конфликт интересов или кризис доверия?» поблагодарил руководство Академии СК РФ за приглашение на конференцию и отметил высокий накал научной дискуссии. Слушая выступающих, признался А. Е. Шарихин, у него возникла мысль: не призрак ли реформы предварительного следствия бродит среди научного сообщества? С одной стороны, посмотрели на исторический и современ-

ный пласт, заглянули в будущее, и вот всплывают известные работы Карла Маркса, призрак возможной реформы. Тем более, что присутствующие на конференции представители законодательной власти лояльно отнеслись к тому, что необходимо выслушать научное сообщество и совместно в консолидированном плане пытаться разрабатывать это переустройство. «Если этот призрак бродит, то надо признать, что мы находимся в состоянии перманентного кризиса следствия», – считает выступающий.

Это подтверждают и попытки постоянных реформ в постсоветский период – 1991, 2007, постоянные внесения изменений в УК, УПК. В Президентской Концепции 2013 г. состояние общественной безопасности в России характеризуется как нестабильное. В стране возникла криминогенная ситуация, отличающаяся высоким уровнем преступности и проявлением новых видов угроз безопасности. Есть цель, она обозначена. Если заглянуть в историю к родоначальникам криминалистики, например, в их работу «Руководство для судебных следователей», судебные следователи должны активно вести борьбу с преступностью, от чего зависит состояние уверенности граждан в будущем. А обязанность государства, считает выступающий, – создать необходимые условия, чтобы эта уверенность была, и чтобы лица, совершавшие преступления, подвергались соответствующему наказанию. В связи с этим уже долгое время идет разговор о процессуальной самостоятельности следователя. Законодатель посчитал, что надо освободиться от прокурорского надзора. Сложнее или проще стало следователю работать под прессом процессуального, ведомственного контроля. Есть следователи квалифицированные, правопорядочные, есть такие же и прокурорские работники, но есть и другая категория как в первой, так и во второй части. Но важно помнить: *Salus populi suprema lex* – благо народа выше закона. Каждое ведомство является частью одного государственного механизма, и в этом плане важный аспект: чтобы общественная безопасность была на высоком уровне. В современный период необходима высокая консолидация общества. Необходимо обеспечить соответствующий достаточный уровень общественной безопасности.

Судебная реформа 1864 г. была необходима, потому что следствие, которое проводили полицейские, было негативно. Использовались незаконные способы, применялись коррупционные рычаги в ходе расследования преступлений. Именно попытка снять те проблемы, которые показывало полицейское расследование, обусловила становление реформы. В этой связи важно было отделить полицейское дознание от следствия. И это было сделано. По мнению профессора Шарихина А. Е., момент, на котором строилась реформа, – проблема обоснованного подозрения, которое было предложено в Германии. Без четкой организации предварительного расследования, без единого центра в условиях, когда отдельно работают оперативный работник, следователь и прокурор, должного результата не получится.

Выступающий сделал вывод, что реформа предварительного расследования назрела. Но не следует торопиться с ее проведением, этот вопрос следует поднимать в т.ч. и перед Государственной Думой. При этом необходимо учитывать компетенции, которые в мире уже давно апробированы. Это оптимизация поиска преступников без возбуждения уголовного дела. Так называемый институт криминальной разведки, действующий в большинстве стран. Второй момент – активное использование результатов ОРД в доказывании. Тоже вопрос уже давно назрел и требует соот-

ветствующего решения. Ну и третий вопрос – кадровый. Необходимо совершенно по-другому ставить вопрос о подготовке следователей, прокуроров и судей. Завершил профессор Шарихин А. Е. свое выступление словами Конфуция: «Напрасно обучение без мысли и опасна мысль без обучения».

Заведующая отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент Качалова О. В. в своем выступлении поставила вопрос «Предварительное расследование – центральная часть уголовного процесса?» Она подчеркнула, что реалии сегодняшнего дня таковы, что в большинстве уголовных дел предварительное расследование и предварительное следствие становятся центральной частью уголовного процесса. Речь идет об уголовных делах, которые рассматриваются в особом порядке. В 2014 году таких дел было почти 65%. Это означает, что центральный вопрос уголовного процесса, его суть перемещается со стадии досудебного разбирательства на стадию предварительного расследования.

Конструкция особого порядка судебного разбирательства сформулирована таким образом: у суда весьма ограничены возможности проверки качества проведенного предварительного расследования. Проверка качества предварительного следствия осуществляется только на этапе назначения судебного заседания, когда судья лишь применяет отдельные элементы доказательственной деятельности, осуществляя оценку доказательств в условиях отсутствия состязательности, оценивает письменные материалы дела, что должно позволить суду выяснить условия, позволяющие вынести решение в особом порядке.

Доцент Качалова О. В. привела конкретный пример из судебной практики: «Дело Новочебоксарского сантехника». В ходе рассмотрения уголовного дела обвиняемый признал вину и согласился на рассмотрение в особом порядке, но впоследствии был оправдан, после вмешательства суда второй инстанции. По ее мнению, ввиду того, что основное количество уголовных дел рассматривается в особом порядке, требования к качеству следствия повышаются многократно. Оно определяется, в первую очередь, правильной квалификацией содеянного. Если в общем порядке ее можно подкорректировать, то в особом порядке такие возможности отсутствуют. Во-вторых, это обоснованность обвинения, а именно наличие совокупности допустимых, достоверных доказательств, недвусмысленным образом свидетельствующих о совершении преступления.

Выступающая согласилась с предыдущими выступающими в том, что следователю нет необходимости вникать в суть ОРД, но убедиться в соблюдении законности при проведении ОРД он обязан, иначе в основу обвинения может быть положена незаконная деятельность, провокации, нарушения при контрольных закупках и т.п. В заключение обратила внимание на необходимость реальной оценки следователем всей совокупности доказательств в целях определения судебной перспективы уголовного дела. Следователь, оканчивая предварительное расследование, фактически несет ответственность за вынесение по этому уголовному делу справедливого решения.

Заместитель начальника Следственного управления Следственного департамента ФСКН России, кандидат юридических наук Ищенко П. П. в своем выступлении «О некоторых подходах к совершенствованию уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования» отметил, что заформализованность в каче-

стве основной проблемы называлась еще применительно к советскому уголовному процессу. Новый УПК ничего не решил, а только усугубил. Происходит это, прежде всего, из-за формального критерия допустимости доказательств. Наука считает, что формальный закон требует формальной системы доказательств. Однако, чем больше мы формализуем систему доказательств, тем больше оказываемся во власти той самой закономерности, утрачивая возможность достижения истины имеющимися формально ограниченными средствами. Диктат формы возвращает в инквизиционный процесс. Законность при таком подходе это тоже форма, не гарантирующая содержание. Если доказательства формальны, то они формально равны, а система фальсифицированных доказательств формально равноценна доказательствам истинным, два доказательства сильнее, чем одно и т.д.

Выступающий обратил внимание на (как он выразился) «возвращение из небытия» давно забытых юридических артефактов. Наблюдается постепенное возрождение сословного суда, разрушение которого праздновала еще Парижская коммуна. Уже есть отдельный процесс для спецсубъектов, раздаются голоса о создании таких же замечательных условий для предпринимателей. Всё идёт к тому, что общие условия уголовного судопроизводства останутся только для одного «сословия».

Попытки компенсировать формализм состязательностью процесса пока никаких особых результатов не дают. Столь очевидны, сколь и бессмысленны затраты на суд присяжных. В англо-саксонской системе права присяжные выносят вердикт, одновременно рожают прецедент. И это создаёт видимость того, что народ творит право. В стране с традиционно континентальным кодифицированным правом, где право дано сверху в здоровом виде, народ ничего такого не творит, он лишь участвует в ролевой игре под названием «правосудие».

Еще одной проблемой выступающий считает отсутствие свободы оценки доказательств, которое убивает состязательность.

Он предлагает также привести науку уголовного процесса к модели науки аналитической. Эта модель состоит из трёх утверждений: – конкретные первоначальные условия; – конкретные конечные условия; – универсально применимое обобщение. Эти три вида утверждений также могут быть скомбинированы тремя способами: – обобщение в сочетании с первоначальными условиями и прогнозом, – сочетание с конечными условиями и их объяснением, – сочетание первоначальных условий с конечными является испытанием вообще.

Основной темой сообщения доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, кандидата юридических наук, доцента Омельченко Т. В., одного из соавторов настоящего обзора, явились проблемы обеспечения процессуальной независимости и самостоятельности следователя. Выступающий отметил, что решение вопроса о процессуальной самостоятельности и независимости следователя во многом зависит от формы уголовного судопроизводства: инквизиционной, состязательной или смешанной.

Проблемы процессуальной независимости и самостоятельности следователя – это не только его правоотношения с руководителем следственного органа и прокурором, это и организационное подчинение следственных подразделений, морально-деловые качества конкретного следователя, процессуальная функция органов предварительного следствия. Автор заявил о появлении новой гибридной состязательной

формы уголовного судопроизводства, объединяющей взаимоисключающие институты уголовно-процессуального права.

При раскрытии сути проблемы необходимо определиться с вопросом о процессуальных функциях следователя. Современное регламентирование процессуального положения следователя как стороны обвинения не отвечает процессуальной и правовой природе института предварительного следствия. Наиболее полно отражающим правовую и процессуальную сущность данного института является тезис о том, что следователь не является стороной обвинения и его роль в уголовном судопроизводстве заключается в осуществлении всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств дела для того, чтобы на основании собранных следователем доказательств суд мог принять решение о виновности или невиновности лица и назначить ему наказание. Самостоятельность и независимость следователя – проявляется не только в подробном процессуальном регламентировании его полномочий. Немаловажным фактором является место следователя в иерархии государственных должностей. Расследование уголовных дел – процесс творческий, и в некотором роде даже является искусством. Несмотря на установление определенных шаблонов (методик расследования), «конвейер» не допустим. Следователь не должен действовать шаблонно. А для творческой деятельности должны и отбираться кандидаты, которые способны творчески мыслить. К сожалению, современное развитие компьютерных технологий и снижение качества образования не всегда способствуют развитию творческого начала. Современный следователь с легкостью использует в качестве шаблона не только бланк ранее составленного документа, но и его содержание, заменив в нем даты и фамилии. Сегодня уже не каждый следователь способен без бланка на чистом листе составить документ, даже элементарный протокол допроса.

Анализ сущности следственной деятельности позволяет прийти к выводу, что достижение процессуальной самостоятельности и независимости следователя возможно не только путем установления законодательных требований и предписаний, а с помощью комплекса мер. Причем в этом должны быть заинтересованы руководители как следственных подразделений, так и государственных органов, от которых зависит принятие соответствующих решений. К числу таких мер как минимум необходимо относить:

- меры, направленные на качественный отбор кандидатов в следователи;
- создание и расширение системы профессиональной подготовки следователей (как к первоначальной вузовской подготовке, так и для повышения квалификации);
- установление объективных критериев для карьерного роста следователя, которые исключали бы возможность влияния на это «личного мнения» кого-либо из руководителей.

Старший преподаватель кафедры криминалистики Военного университета Минобороны России, кандидат юридических наук Маслов И. В. в своем выступлении подробно осветил «Место следователя в системе органов государственной власти». Выступающий остановился на взаимосвязи процессуальной независимости следователя и определении места следователя в системе органов государственной власти. Им приведен исторический анализ подчиненности следственных аппаратов. По мнению выступающего, борьба с преступностью, ответственность за раскрытие отдельных преступлений, раскрываемость в целом должны возлагаться на органы,

выполняющие полицейские функции, специальные службы, под процессуальным руководством прокурора. По сути, это немецкая модель судопроизводства. Следователь должен выполнять функцию исследования, расследования. Положительный эффект от заимствования какой-либо модели вызывает определенные сомнения.

В научном сообщении «Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного правового университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент Рябцева Е. В. остановилась на проблеме, связанной с судебным обжалованием по ст. 125 УПК. Дело в том, что эта проблема стоит сейчас достаточно актуально. Официальная статистика Верховного Суда показывает, что только за 2014 г. было рассмотрено 2,6 млн. жалоб. Это приводит к тому, что в определенной степени работники суда достаточно формально подходят к рассмотрению жалоб, поскольку основная их обязанность – рассмотрение и разрешение дел по существу.

Введение института следственного судьи, по мнению выступающей, в определенной степени решит эту проблему. Также в законодательстве целесообразно предусмотреть: исчерпывающий перечень жалоб, который может быть подан по ст. 125 УПК РФ; создать многоступенчатость системы обжалования; установить по аналогии с Европейским судом по правам человека определённые критерии подачи жалоб.

Доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук Васильев О. Л., раскрывая положения своего научного сообщения «Принцип справедливости в системе стадийных начал отечественного предварительного следствия», отметил, что предварительное расследование – это определенная система, ее функционирование определяется целью и основными началами. Нельзя совмещать несовместимое. Можно наделить следователя, приняв соответствующий закон, правом проводить негласные мероприятия. Но необходимо обращать внимание и на рекомендации науки. Справедливость как соответствие закону проявляется не только в сфере доказывания. Формальность судопроизводства должна помогать установлению истины. Предварительное расследование подчиняется общеправовым началам законности, справедливости, гласности. С точки зрения справедливости нет разницы как получены доказательства, если они достоверны. Суду все равно, нарушена ли процедура. Вопрос в том, теряет ли доказательство достоверность в случае нарушения формы их получения. Чем больше томов, тем меньше справедливости.

С точки зрения справедливости дифференциация форм предварительного расследования будет только тогда эффективна, если в ходе расследования получаем истину. Для чего введено предварительное расследование, а ответ очень прост: это именно судебное предварительное рассмотрение, это фильтр, который не пропускает для конечного рассмотрения в суде. Соответственно, у следователя была возможность спокойно работать. А остальное дознание – путем гласных и негласных действий под руководством прокурора, установление лица, времени и иных обстоятельств. Установив лицо, дознание передавалось судебной власти, а именно следователю, который предварительно исследовал все обстоятельства.

В заключительном слове А. М. Багмет подвел итоги конференции и отметил, что на конференции прозвучало множество предложений, направленных на совершенствование предварительного расследования. Итоги конференции свидетельствуют о том, что сотрудникам следственных подразделений необходимо свою работу улучшать, строго соблюдать законы, но не торопиться с теми или иными выводами.

Руководитель Академии поблагодарил ученых и практиков, принявших участие в конференции, и пожелал всем творческих успехов.

Mikhailov M.A. Omelchenko T.V. Problematic Issues and perspectives of preliminary investigation organization: conference at the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. (Review of participants speech) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 194 – 218.

Review had been prepared by Crimean conference participants under impressions of the debate sharpness which was taking place during the discussion of main report about ambitions of creation new branch of power-investigative, presented by Y.A. Tsvetkov and during the performance of another participants, which were discussing about problematic issues of preliminary investigation, especially the necessity of investigative judge institute creation.

Lawmakers, representatives of various law enforcement structures, having, and do not included themselves into investigative subdivisions, as well as legal scholars expressed their ideas about ways of improving criminal procedure legislation in general, and the organization of the preliminary investigation in particular.

They also shared the latest researches in the study of historical and international experience. According to the authors opinion, these reviews have the right to publish alongside with the publication of the full conference materials, or even video reports about it, because, on one hand, they can focus readers attention on key points of scientific forum (probably not always objective), and on the other hand they get rid from the long watching (listening) the video and audio participants programs.

The review will assist to research only such conference materials or video reports about it where reports, speeches, messages and replies which interested to reader had been represented.

Key words: investigator, reform of legislation, preliminary investigation, Investigative Committee, investigative power, investigative judge.

Алимов З. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Баасанцэрэн А.	Адъютант Омской академии МВД России, магистр юриспруденции, подполковник полиции
Бекирова Э. Э.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Благodatная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бовгиря А. Н.	студентка магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к.ю.н., доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Герасименко В. А.	доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Давиденко С. А.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Елькин С. В.	к.ю.н., доц., заведующий к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Жигулин А. М.	председатель Совета адвокатов Донецкой Народной Республики
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Кащенко С. Г.	д.и.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лесь Г. Г.	аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Литвина А. В.	студентка магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мидловец М. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Михайлов М. А.	к.ю.н., доц., заведующий к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической ака-

Сведения об авторах

	демии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Моисеев А. М.	д.ю.н., проф., заведующий к-ры криминалистики Донбасской юридической академии, доктор юридических наук, профессор
Нямдулам Ж.	доцент кафедры уголовного права Института полиции Университета правоохранительной службы Монголии, доктор (Ph.D), майор полиции
Омельченко Т. В.	к.ю.н., доц., к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пасечник О. С.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пастухова Л. В.	к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал)
Подкорытова Л. Н.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Рышкова Л. В.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Скворцова О. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Скребец Е. С.	начальник кабинета специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России
Сычева А. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Соляной А. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Таран П. Е.	к.ф.н., к.ю.н., доц., заведующий к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Чеботарева Г. В.	д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Шармоянц А. Н.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

:

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Благодатная Е. Ю. Становление договора фрахта судов в советском праве.....	3
Змерзлый Б. В. Правовое регулирование возврата торговых судов в собственность СССР в первой половине 1920-х гг.....	14
Лесь Г. Г. Подготовка санитарной конференции между СССР и Турцией в 1929–1930 гг.....	29
Таран П. Е. Регулирование земельных отношений в Крыму в ревкомовский период (ноябрь 1920 – ноябрь 1921 гг.).....	36
Шармоянц А. Н. Становление автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в советский период.....	42

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А. Особенности деяния как признака объективной стороны причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.....	49
Волошин И. А., Давиденко С. А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.....	56
Баасаниэрэн А. Природа условного осуждения по уголовному законодательству Монголии.....	60
Жигулин А. М., Моисеев А. М. Документирование военных преступлений: криминалистический аспект....	70
Герасименко В. А. Рейдерство – преступление или преступность.....	79
Мидловец М. В., Соляной А. В. Объект, предмет и общественно-опасные последствия дорожно-транспортных преступлений.....	91
Подкорытова Л. Н. Социально-правовое понятие преступления.....	98
Сквирица О. В., Бовгиря А. Н., Литвина А. В. Уголовно-правовой анализ процесса реформирования законодательства, регламентирующего ответственность за клевету.....	107
Скребец Е. С. Основные направления и особенности противодействия экстремизму в Крымском Федеральном округе.....	114
Сычева А. В. Проблематика привлечения к ответственности за преступления в сфере жестокого обращения с животными.....	119
Чеботарева Г. В. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные нарушения: историко-правовые аспекты.....	128

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО**

<i>Алимов З. А.</i> Элементы правового режима земель рекреационного назначения в советский и современный периоды.....	136
<i>Пасечник О. С., Рышкова Л. В.</i> Правовые проблемы земельных прав в переходной период в Республике Крым.....	145
<i>Бекирова Э. Э.</i> Правовая природа устава.....	152
<i>Кащенко С. Г., Елькин С. В.</i> Регулирование земельных и связанных с ними имущественных отношений в Ветхом Завете Библии.....	159

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Клименко Е. П.</i> Образование и деятельность Международного бюро общественной гигиены (1907–1946 гг.).....	167
<i>Нямдулам Ж.</i> Международно-правовые основы сотрудничества правоохранительных органов государств Азиатско-Тихоокеанского региона.....	178
<i>Пастухова Л. В.</i> Международно-правовые средства защиты лиц от насильственных исчезновений.....	184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Михайлов М. А., Омельченко Т. В.</i> Проблемы и перспективы организации предварительного расследования: конференция в академии следственного комитета РФ.....	194
--	-----